

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОЕКТ «GLOBALCONTEST» УНИВЕРСИТЕТА ПАРИЖ–13

АНТРОПОЛОГИЯ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

ТЕЗИСЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВТОРОЙ ТОМСКИЙ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ»

11–13 октября 2018 г.

Издательство Томского университета
2018

NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
FACULTY OF HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES
LABORATORY FOR SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL RESEARCH
RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH
PROJECT «GLOBALCONTEST» (UNIVERSITY PARIS-13)

ANTHROPOLOGY OF INTERDISCIPLINARITY

INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
«II TOMSK ANTHROPOLOGICAL FORUM»

11–13 October, 2018

Tomsk University Publishing House
2018

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71
А72

*Конференция проводится при поддержке
проекта РФФИ № 18-09-20078 для организации международной научной
конференции – Второй Томский антропологический
форум «Антропология интердисциплинарности»;
проекта «Миграции и диаспоры в трансграничном пространстве:
междисциплинарные исследования» в рамках государственной поддержки
ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их
конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных
центров № 8.1.27.2018;
проекта «GlobalContest» ANR-16-ACHN-0034 Университета Париж–13*

Редакционная коллегия:

*Д.А. Функ (отв. ред.), И.В. Нам (отв. ред.),
С.Н. Абашин, О.В. Корнеев, Е.Ю. Кошелева, И.Г. Поправко,
О.В. Зайцева, А.А. Глуценко*

Антропология интердисциплинарности: тезисы международной
А72 научной конференции «Второй Томский антропологический фо-
рум» (Томск, 11–13 октября 2018 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та,
2018. – 148 с.

ISBN 978-5-7511-2555-4

На ТАФ–2 предполагается обсуждение широкого круга проблем, связанных с феноменом интердисциплинарности, антропологическими подходами к его анализу и к использованию в антропологических исследованиях. Организаторы конференции рассчитывают на профессиональный диалог коллег по проблемам изучения миграционных процессов, индигенных и археологических исследований в современных социальных и политических процессах, а также такой относительно новой, и не только для отечественной науки, области, как антропология космоса. Как и первый форум 2016 г., данная конференция станет ярким событием в интеллектуальной жизни антропологического сообщества.

Для всех интересующихся проблемами антропологии.

**УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71**

ISBN 978-5-7511-2555-4

© Томский государственный университет, 2018

*The conference is held with support from
Project 'Migrations and Diasporas in Trans-border Space: Interdisciplinary
Studies' supported by the National Research Tomsk State University
Competitiveness Improvement Program
RFBR project No. 18-09-20078 for the Organization of the International Scientific
Conference - II Tomsk Anthropological Forum "Anthropology of Interdisciplinarity"
ANR Project "Contested Global Governance, Transformed Global Governors?
International Organisations and "Weak" States" (GlobalContest,
ANR-16-ACHN-0034), University of Paris–13*

Editorial board:

*D. Funk (ed. in chief), I. Nam (ed. in chief),
S. Abashin, O. Korneev, E. Kosheleva, I. Popravko, O. Zaytseva, A.
Glushchenko*

Anthropology of Interdisciplinarity: abstracts of the international research
A72 conference "II Tomsk Anthropological Forum" (Tomsk, 11–13 October,
2018). – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2018. – 148 p.

ISBN 978-5-7511-2555-4

The TAF-2 is supposed to discuss a wide range of problems associated with the phenomenon of interdisciplinarity, anthropological approaches to its analysis and to its usage in anthropological researches. The conference organizers are counting on a professional dialogue of colleagues on the problems of studying migration processes, indigenous and archaeological research in modern social and political processes, as well as such a relatively new not only for Russian science area like the anthropology of space. Like the first Forum of 2016, this conference promises to be a highlight in the intellectual life for the anthropological community.

ISBN 978-5-7511-2555-4

© Tomsk State University, 2018

СИМПОЗИУМ 1

МИГРАЦИИ, ДИАСПОРЫ, ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ

Панель 1: **МИГРАЦИЯ И ВРЕМЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В МИГРАЦИОННОМ ОПЫТЕ**

С. Н. Абашин
(Санкт-Петербург, Россия)

Антропология миграции: российские перспективы

В докладе речь пойдёт о перспективах антропологического изучения миграции в России. Миграция сложилась как область междисциплинарных исследований, где тесно взаимодействуют демографы, экономисты, социологи и представители других наук. Антропология является лишь одной из академических дисциплин, которая обращается к проблематике миграции. Причём как в самой антропологии изучение миграций не является центральной темой, так и в миграционных исследованиях антропологическую её часть нельзя назвать доминирующей. Тем не менее сегодня сложно себе представить изучение миграций без антропологии, а саму антропологию без интереса к миграции.

Отталкиваясь от классических работ, например Caroline Brettell, я попытаюсь рассмотреть эту взаимную потребность миграционных исследований и антропологии для российского «поля», в котором антропология всё ещё занимает очень скромное место. В частности, тщательное антропологическое изучение миграции на микроуровне и в её микродинамике позволяет увидеть очень разнообразный и нелинейный характер процессов. Антропология как никакая другая дисциплина помещает миграцию и мигрантов в конкретные социальные и культурные контексты, наблюдает специфику мобильности у различных народов и в различных регионах. Антропология критикует экономический детерминизм в понимании миграции и предлагает, не отрицая значения экономики, рассматривать культурные модели, социальные обязательства и эмоциональную привязанность

в качестве важных факторов, которые влияют на миграционную динамику.

Важным вкладом антропологов в миграционные исследования являются концепция транснационализма и критика методологического национализма, понимание, что миграция имеет возвратный, циркулярный характер, что она создаёт очень сложные конфигурации идентичностей, социальных сетей, привязанностей и обязательств, которые существуют в трансграничном режиме. Но не только миграционным исследованиям нужна антропологическая оптика, самой антропологии тоже необходим фокус на миграции. Антропология уже в конце XX в. пересмотрела свои прежние основания, в которых ей была отведена роль изучения «отсталых» культур, а основным объектом в «поле» было достаточно замкнутое и привязанное к месту сообщество. Антропологи благодаря изучению миграций в том числе, обратили внимание на мобильность и динамику процессов, они увидели «культуры» как открытые, пересекающиеся и гибридные образования, они переопределили «поле» как многостороннее / многосоставное, находящееся в движении, растянутое в пространстве и имеющее свою темпоральность. Хотя миграция и не является базовой темой для антропологии, но без внимания к ней современная российская антропология не может рассчитывать на собственное концептуальное будущее.

О. Е. Бредникова
(Санкт-Петербург, Россия)

**«Время для временных»: особенности измерения времени
для трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию**

Пространство и время – основные и самые очевидные характеристики, формирующие контексты любых социальных явлений. В отношении мигрантов, как правило, более значимым выступает пространство, ибо миграции реализуются именно в пространстве. Однако измерение времени для формирования феномена и для самих мигрантов в частности оказывается не менее важным.

Я предполагаю поразмышлять над особенностями времени для мигрантов. В фокусе доклада – мигранты, прибывающие в Россию (пример Санкт-Петербурга) из стран Средней Азии с целью заработка.

Как правило, и сами мигранты, и принимающая сторона, воспринимают такую миграцию как временную, когда мигранты приезжают на определенный срок. Общее восприятие *временности* во многом предопределяет жизнь мигранта, в частности, его идентичность, стратегию по интеграции, способы выстраивания отношения и интенсивность контактов как с принимающим, так и с отправляющим сообществами.

Жизнь в миграции задает особый ритм жизни и значительно изменяет структурирование и скорость течения времени. Так, условия легализации пребывания мигранта в РФ предписывает особый режим выездов за пределы России и тем самым задает график визитов домой. Повседневное структурирование времени связано с режимом работы мигранта, где практически не остается времени на отдых, досуг, семью.

Представляется важным проанализировать и субъективное восприятие времени мигрантом, который в новых условиях и контекстах по-новому воспринимает такие обыденные категории, как *долго* или *быстро*, *давно* и *недавно* и др. Жизни в мегаполисе заставляет вновь прибывших встраиваться в свои ритмы и режимы, в частности, принуждает заниматься менеджментом времени. Опыт миграции перекраивает биографии мигранта, переопределяя и по-новому связывая прошлое и будущее.

С. Д. Джанызакова
(Томск, Россия)

Молодая незамужняя девушка «в миграции»: риски и возможности (по материалам биографических интервью с мигрантками из Кыргызстана)¹

Все больше женщин из Кыргызстана в силу различных обстоятельств и причин отправляются на заработки за границу. По данным на 2016 г., 40% трудовых мигрантов из Кыргызстана – женщины, в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

то время как из Таджикистана и Узбекистана их доля составляет менее 20% от общего числа граждан из каждой страны, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом (Сведения..., 2018). Большинство кыргызстанок, среди которых растет доля молодых незамужних девушек, выбирают «традиционный» пункт назначения – Российскую Федерацию.

Значимыми в анализе гендерного измерения миграции становятся восприятие миграционной стратегии отправляющим социумом, его членами, находящимися в России, и самими девушками-мигрантками. При этом возникают закономерные вопросы: каким рискам подвергается молодая девушка и какие возможности дает ей трудовая миграция?

Анализ рисков и возможностей миграции молодых девушек основывается на биографических интервью с кыргызстанками, осуществляющими трудовую деятельность в Томске. Биографическое исследование несет в себе индивидуальный опыт молодых женщин, их цели, ожидания и намерения, что позволяет проследить за значимым этапом жизни и выявить его специфику посредством получения информации из «первых уст».

Как отмечает британский антрополог М. Ривз, «мы ничтожно мало знаем о том, кто именно мигрирует и почему; что означает миграция для тех, кто решается покинуть родные места; каким образом миграция сама по себе трансформирует ценностный мир городов и деревень Центральной Азии» (Ривз, 2009). На наш взгляд, биографические интервью позволяют взглянуть на жизнь отправляющего и мигрантского сообщества под другим углом и выявить новые исследовательские кейсы.

Литература

1. *Сведения* в отношении иностранных граждан, находящихся на территории РФ в половозрастном разрезе [Электронный ресурс] // ГУВМ МВД РФ – официальный сайт. URL: http://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazhd/item/5850/ (дата обращения: 30.03.2018 г.).

2. *Ривз М.* По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ri24-pr.html> (дата обращения: 02.04.2018).

Е. Ю. Захарова
(Санкт-Петербург, Россия)

Время и планы на будущее в условиях нелегальной трудовой миграции из Грузии в крупные города России

Исследование сосредоточено на грузинском «этническом» бизнесе, а именно грузинском общепите – кафе, ресторанах и точках-пекарнях. Большая часть моих полевых материалов относится к крупному сетевому бизнес-проекту – сети грузинских кафе, представленной большим количеством объектов, работающих в том числе в торговых моллах.

Значительная часть трудовых мигрантов, трудящихся в грузинском общепите, находится в России нелегально. Нелегальный статус мигрантов из Грузии до недавнего времени был обусловлен фактической невозможностью получения российской визы для граждан Грузии, не имеющих здесь близких родственников, и отсутствием работающих схем получения разрешения на работу.

В отношении мигрантов – сотрудников грузинских общепит-предприятий мне прежде всего интересно, как маркировано время и как строятся планы на будущее находящихся на нелегальном положении трудовых мигрантов из Грузии в последние десятилетия.

Нелегальный статус пребывания в России накладывает особые условия на жизнь трудовых мигрантов. Мигранты живут с ощущением, что в любой момент их могут неожиданно задержать и депортировать, их жизненные планы в любой момент могут оборваться.

Время для нелегальных мигрантов маркировано с точки зрения его опасности / безопасности в отношении проверок полиции или ФМС. Так, по этому признаку различаются выходные и будние дни, утреннее, дневное, вечернее и ночное время, от времени суток и дня недели зависят практики и выбор средств передвижения по городу.

По признаку опасности / безопасности время мигрантов маркируется также особыми событиями, происходящими в стране и городе, и связанными с ними инициативами властей. Так, мигранты с тревогой ждут Чемпионата мира по футболу, поскольку ожидают усиления контроля правоохранительных органов.

Фактор времени определяет и стратегии легализации мигрантов в России. На решение о легализации влияют долгосрочность или

краткосрочность планов, связанных с Россией. В выборе способов легализации – через фиктивный брак, оплату получения квоты на РВП или оформление визы – решающим обстоятельством также становится фактор времени.

Е. Л. Капустина
(Санкт-Петербург, Россия)

Скорость и миграция: специфика современного Дагестана

Внутрироссийская трудовая миграция жителей Республики Дагестан в другие регионы России в постсоветский период нередко приобретает характер транслокальности, когда мигранты одновременно живут в двух и более социальных реальностях, отправляющем и принимающем сообществах, часто удаленных друг от друга на тысячи километров. Появляется новая реальность – транслокальное сообщество организовано по принципу «глобальной деревни» и состоит из мигрантов, членов их семей и немигрантов, оставшихся в селении. Транслокальность в значительной мере определяет стратегии и режимы жизни мигрантов, в частности, определяет высокую степень мобильности и находящихся в миграции людей, и даже членов их семей, не участвующих напрямую в трудовой миграции. Поездки домой, возвращение в место миграции, гостевые визиты членов семьи, отправка детей на учебу, приезд родных для получения медицинских услуг – транслокальная семья почти всегда в движении.

Доклад посвящен проблеме скорости в жизни трансмигранта. В частности, предлагается ответить на следующий вопрос: как часто и насколько быстро перемещаются между отправляющим и принимающим сообществами члены транслокальной семьи выходцев из Дагестана, какие факторы и события способствуют и препятствуют этому перемещению, а также увеличению или снижению его скорости. Этот вопрос, в частности, будет рассмотрен сквозь призму значения локального отправляющего сообщества для трансмигранта. Помимо этого, интерес представляет восприятие категории скорости трансмигрантами с точки зрения их миграционного опыта, а также с

точки зрения влияния на это восприятие релевантных для трансмигрантов ценностных ориентиров и норм.

В докладе используются полевые материалы автора, собранные в ХМАО, Московской области и Республике Дагестан, с привлечением других источников.

Е. А. Кукуленко
(Санкт-Петербург, Россия)

«Детям мы об этой России не рассказываем»: два нарратива о прошлом в семьях русскоязычных мигрантов Лондона

Нарастающее стремление русскоязычных мигрантов Лондона к объединению и публичной видимости, или, пользуясь терминологией Энди Байфорда, перформативности (Byford, 2012), во многом объясняется необходимостью передать материнский язык следующему поколению и познакомить ребенка с контекстами, в которых выросли родители и которые по-прежнему влияют на их повседневность, жизненные планы и траектории. Дети мигрантов, сталкивающиеся с задачей поддержания русского языка в стране приема, вырастают внутри транснациональных отношений, поддерживаемых родителями, а их повседневный опыт усилиями взрослых часто соткан из перемежающихся локальных и транснациональных практик взаимодействия с другими русскоязычными.

В попытках заинтересовать своих детей русским языком и культурой родители транслируют выхолощенный, идеализированный образ своей родины посредством рассказывания о собственном опыте взросления и пытаются воссоздать его во время поездок в страну исхода с детьми. В то же время представления второго поколения о собственных идентичностях и принадлежности к той или иной общности с возрастом все чаще отклоняются от заданных в семейном контексте: они оказываются все более контекстуально обусловленными, подвергаются постоянному обсуждению и пересмотру (Nibbs, Brettell 2016; Lee, 2011; Wessendorf, 2013).

В докладе рассматриваются два способа рассказывания мигрантами первого поколения о своем прошлом в стране исхода, которые избираются в зависимости от ситуации общения. Одни нарративы

представляются родителями как более предпочтительные для того, чтобы заинтересовать детей, а другие воспроизводятся только в кругу других иммигрантов первого поколения, поскольку кажутся травмирующими или избыточными слишком большим количеством не знакомых второму поколению реалий. Кроме того, на основе интервью с русскоязычными подростками от 14 до 18 лет мною предпринимается попытка изучить представления самих детей о родине родителей, которые с течением времени подвергаются переосмыслению под влиянием индивидуального опыта взаимодействия с членами принимающего и отправляющего сообществ.

Литература

1. *Byford A.* The Russian Diaspora in International Relations: 'Compatriots' in Britain // *Europe-Asia Studies*, 2012. Vol. 64(4). P. 715–735.
2. *Nibbs F.G., Brettell C.* Identity and the Second Generation: How Children of Immigrants Find Their Space. Nashville: Vanderbilt University Press, 2016.
3. *Wessendorf S.* Second-Generation Transnationalism and Roots Migration: Cross-Border Lives. Ashgate, 2013.

М. А. Олимов

(Душанбе, Таджикистан)

Мечеть в движении: мигрантская суннитско-ханафитская община между халифатом и национализмом

Вот уже полвека наиболее дискуссионным вопросом в мусульманском мире является комплекс проблем, связанный с взаимоотношениями ислама и национализма, ислама и национального государства. С 2010-х гг. главным аргументом в этих дискуссиях стало оружие. Кризис светских национальных государств с мусульманским населением на фоне подъема исламистских радикальных движений стал главным вызовом для международного сообщества в XXI в. Как правило, исследователи, которые работают над темой отношений ислама и национализма, исследуют концепции и идеи, государственную религиозную политику в различных странах, политические и идеологические движения и партии. Однако эти исследования затрагивают идеи, институты и движения, существующие в

отдельных странах или группе стран, в то время как современный мир находится в движении, а общества приобрели подвижный характер. Цифровая революция ускорила движение мира. Соответственно отношения ислама и национализма, как и проблема взаимоотношений ислама и национального государства, разворачиваются в мобильном мире без границ или в конфликте с границами.

Одним из важнейших аспектов этой темы является изучение мигрантских мусульманских общин, религиозных деятелей и институтов религиозной жизни мигрантов – мечетей, молельных комнат, религиозных групп и сетей, а также их взаимоотношений с государством. Эта тема тем более важна для наших стран, так как в постсоветских странах процессы мусульманского религиозного возрождения, глобализации и развития миграций происходили одновременно со строительством национальных государств. Исследователи отмечают исключительную сложность отношений между государством и религией как в странах ЦА, так и в России.

Это сообщение посвящено взаимодействию религиозного и этнического факторов в жизни мигрантских религиозных общин и мечетей, их взаимоотношений с государством, роли и позиции исламских религиозных деятелей в этих процессах. Эмпирической основой сообщения стали материалы интервью с мигрантами – религиозными активистами и религиозными деятелями, проведенных в 2014–2017 гг. в Таджикистане и России, а также опросы мигрантов (2010, 2014, 2017 гг.).

Изучение позиций таджикских и киргизских мигрантов относительно ислама и национализма, религиозной государственной политики, изучение их персональной конфессиональной и этнической идентичности показывает растущее расхождение между мигрантами, отправляющим и принимающим обществами и государством по религиозным вопросам. При этом можно видеть разнообразие практик взаимодействия между мигрантскими религиозными общинами и мечетями, этническими организациями различного рода и государством. Фрагментация идентичностей мигрантов наряду с формированием этноконфессиональной идентичности способствует растущей диверсификации направлений ислама и углублению конфликтов между ними.

В. М. Пешкова
(Москва, Россия)

Эмоции в нарративах транснациональных мигрантов из Средней Азии в России

По данным ООН, в настоящее время более 3% населения Земли являются международными мигрантами. В России ежегодно находится около 6% от всего населения международных мигрантов, большинство которых составляют трудовые мигранты преимущественно из стран Средней Азии. Их основная цель, как известно, в том, чтобы с помощью более высокооплачиваемой работы, чем на родине, заработать, повысить личное и семейное благосостояние. Однако в любой стране мира миграция является многогранным феноменом, предполагающим различные транснациональные связи и социальные практики, циркуляцию между странами не только людей, но и различной социальной и экономической активности, идей и символов, элементов материальной культуры, а также различных желаний и ожиданий (Levitt, 2001; Levitt, Sanjeev, 2007).

Это означает, что глубокое понимание миграции не может ограничиваться подходом к ней как к преимущественно механическому движению между странами индивидов, обусловленному только рациональными причинами решения их сугубо экономических задач. Перемещающийся человек оказывается не просто в новой стране, а в новой для него жизненной ситуации, которая характеризуется множеством новых обстоятельств и статусов. В то же время его миграционная повседневность наполнена также постоянным взаимодействием и с членами семьи, остающимися на родине. Участвующие в транснациональном движении люди испытывают различные переживания, в том числе и в связи с их миграционным опытом. Иными словами, применяя терминологию Виктора Тернера, можно сказать, что многие мигранты являются двойственными «лиминальными существами», т.е. находящимися «ни здесь ни там, ни то ни се» (Тернер, 1983: 168), что отражается в их самоидентификации, повседневных практиках и в том числе в эмоциональных переживаниях.

В связи с этим мне бы хотелось предпринять попытку исследования эмоциональных переживаний, сопровождающих транснациональную миграцию. Какие эмоции испытывают мигранты, какие

эмоции связаны с миграционным опытом? Какие контексты миграционного опыта вызывают положительные, а какие отрицательные эмоции? Какую роль эмоциональные переживания играют не только в жизни мигрантов, но и в жизни их семей на родине и т.п.?

В качестве теоретико-методологической перспективы предлагается исходить из социологии эмоций, относительно молодой для российской, но уже институционализированной в западной социологии поддисциплины (Симонова, 2016). Одна из её принципиальных установок состоит в том, что в любых социальных взаимодействиях индивидов есть определенные эмоции, которые порождаются социальными условиями и контекстами, в то же время эмоции сами обуславливают какие-то социальные процессы. В качестве эмпирической базы привлекаются материалы (транскрипты интервью) проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в России», который содержит сравнительное изучение трудовых мигрантов и их семей как в России, так и в странах Средней Азии (грант РНФ №14-18-02149).

Литература

1. *Levitt P.* The Transnational villager. University of California Press, 2001.
2. *Levitt P., Sanjeev K.* Constructing Transnational Studies. Introductory in The Transnational Studies Reader. New York: Routledge Press, 2007.
3. *Симонова О.А.* Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. № 4. С. 12–27.
4. *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

Ф. А. Сметанин
(Томск, Россия)

Социальный капитал мечетей в контексте развития «мигрантских» сетей (на примере Томска)¹

В Томской области на сегодняшний день ислам представлен различными этническими группами. Старейшей из них и одной из са-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

мых влиятельных в политическом пространстве являются татары (томские коренные и пришлые). Кроме того, в области постоянно проживают народы, у которых традиционной религией является ислам: таджики, узбеки, киргизы, казахи и т.д. (Нам, 2000). В связи с тем, что численность мусульман постоянно растет, повышается необходимость в создании условий для выполнения религиозных обрядов и обслуживания религиозных и социальных потребностей у самих мусульман. При этом возникают проблемы: возрастает напряженность в обществе и вероятность появления конфликтов на межрелигиозной или межэтнической почве. Ситуация усугубляется тем, что исторически в России образовалось большое количество муфтиятов, которые конкурируют между собой за административный и человеческий ресурс. В данном исследовании показан процесс формирования общин вокруг мечетей и образования «мигрантских» сетей» мусульманской общины Томска. Мечеть служит для направления следования верующего по пути связей с другими мусульманскими сообществами. Есть акторы, которые значительно влияют на весь исламский мир. «Мусульманские сети» – ключевой термин с двумя частями. «Сети» относятся к явлениям, сходным с институционализированными социальными отношениями. «Мусульманин ориентирован не только на веру, но и на социальный мир, в котором мусульмане не всегда доминируют. И сетевое влияние ислама, и влияние мусульманской сети на мировую историю является ключевым» (Hoexter, Eisenstadt, Levtzion, 2002: 15).

Еще одним из главных акторов является всемирная сеть Интернет. Интернет меняет лицо мусульманских сетей. Менее чем за два десятилетия многократно выросло представление в интернет-пространстве мусульманского мира, мусульманских интересов и духовных и социальных проектов. Теперь можно найти всевозможное организованное выражение мнений, их оттенки и позиции по предметам, как богословским, так и прагматичным. Первоначальные смыслы искажаются, но не только в пользу распространения сообщений. Это обусловлено характером среды, режимами доступа и производства, а также ее расположением в транснациональном социальном аспекте по сравнению с другими факторами. В результате образования мусульманских сетей началось активное вовлечение молодых мусульман, а также заинтересованных в образовании граждан с целью познать ислам.

Литература

1. Hoexter M., Eisenstadt S., Levtzion N. (eds.) The public sphere of Muslim's society. State University of New York press, Albany, 2002.

2. Нам И.В. У мусульман // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2000. № 33. С. 33–36.

А. Ш. Тузова

(Санкт-Петербург, Россия)

«Чтобы не забывать свои корни...» – символический транснационализм в биографиях второго поколения вьетнамцев в России

В исследованиях детей иммигрантов ключевое место занимают темы ассимиляции, и вопрос, насколько здесь применима концепция транснационализма, подразумевающая сохранение и поддержание связей и множественной вовлечённости в общества происхождения и приезда (Basch, Glick Schiller, Blanc-Szanton, 1994), остаётся дискуссионным. С целью охватить и постичь транснациональную вовлечённость «второго поколения» иммигрантов исследователи обратились к понятиям «символический» и «эмоциональный» транснационализм. Первый включает воображаемые визиты во Вьетнам, изучение культуры и изобретение вьетнамскости, где родина родителей не только физическое место, но и представление, ориентир и мечта, конструируемые через воображение и работу памяти (Espiritu, Tran, 2002). Последний подразумевает, что одновременно существующие множественные понятия и дискурсы и часто конкурирующие идеологии заставляют детей иммигрантов вести транснациональную жизнь на уровне эмоций и моральных практик (Wolf, 2002).

Доклад представляет собой часть исследования, посвященного самоидентификации «второго поколения», взрослых детей из вьетнамских и смешанных русско-вьетнамских семей (16–35 лет). Жизненные пути, карьерные ожидания, брачные планы и мобильность детей вьетнамцев находятся под влиянием практик транснационализма, осуществляемых ими, или в которые они оказываются вовлечены. Это не обязательно физические перемещения на родину родителей или поддерживаемые отношения с вьетнамцами, но и практи-

ки символического и эмоционального транснационализма. Последние имеют разную значимость и частоту в разные периоды жизни информантов. В докладе я рассматриваю, как отражены эти практики в биографиях «второго поколения», в какой связи находятся с самоидентификацией «русских вьетнамцев» и как информанты осмысливают изменения интенсивности транснациональных практик во времени и соотносят с ключевыми моментами в своих биографиях.

Литература

1. *Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton C.* Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. London; New York: Routledge, 1994.

2. *Espiritu Y. L., Tran T.* ‘Viet Nam, Nuoc Toi’: Vietnamese Americans and Transnationalism // The changing face of home: The transnational lives of the second generation / ed. by P. Levitt, M. C. Waters. New York: Russell Sage Foundation, 2002. P. 367–398.

3. *Wolf D.* There’s no place like ‘home’: Emotional transnationalism and the struggles of second-generation Filipinos // The changing face of home: The transnational lives of the second generation / ed. by P. Levitt, M. C. Waters. New York: Russell Sage Foundation, 2002. P. 255–294.

A. Horolets
(Warsaw, Poland)

Migrants’ leisure and moral regimes of transnational lives

In the proposed paper my aim is to present the category of ‘leisure’ as a useful conceptual tool in studying migratory situation and transnational livelihoods. Leisure is often associated with free will and self-realization. However, critical research (e.g. Rojek, 2009) has pointed out that leisure is unequally available to various social groups, possesses disciplining features and may be used to foster the interests of dominant groups, to maintain social divisions, and to cement the hierarchies of prestige. Far from being free from value judgement, leisure is a part of moral regimes (cf. ‘moral orders’, by Catedral, 2018; ‘moral economy’, by Simoni, 2016) that multiply in migratory situation (e.g. migrants are expected to fulfil the norms of both sending and receiving societies) and make migrants face new questions about what the ‘good life’ (Fischer, 2014) is for

them, how to achieve it, and how living the new scenarios of ‘good life’ transforms their personhoods. For migrants, leisure pursuits may become a marker of success, the lieu of alienation or the dimension in which the alternative narratives of personhood can be constructed. For these reasons the category of ‘leisure’ deserves careful attention in migration studies.

The paper is primarily theoretical, but the proposal outlined in it has been informed by the fieldwork that I conducted among first generation Polish migrants in Wolverhampton and the neighbouring towns of English West Midlands during the twelve months from October 2010 to September 2011 as well as in Chicago metropolitan area (the U.S.) over the six months’ period from February 2014 to July 2014. In both cases migrants’ leisure pursuits were central to the research projects’ design.

Bibliography

1. *Catedral L.* Discursive scaling: Moral stability and neoliberal dominance in the narratives of transnational migrant women // *Discourse & Society*. 2018. Vol. 29(1). P. 23–42.
2. *Fischer Edward F.* *Good Life: Aspiration, Dignity and the Anthropology of Well Being*. Stanford: Stanford University Press, 2014.
3. *Rojek Ch.* *The Labour of Leisure. The Culture of Free Time*. London: Sage, 2009.
4. *Simoni V.* Economization, Moralization, and the Changing Moral Economies of ‘Capitalism’ and ‘Communism’ Among Cuban Migrants in Spain // *Anthropological Theory*. 2016. Vol. 16(4). P. 454–475.

Панель 2: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В. В. Безгачева
(Томск, Россия)

Роль региональных средств массовой информации в формировании информационного поля государственной политики содействия добровольному переселению соотечественников на территорию России (на примере регионов Сибирского федерального округа)¹

После распада СССР в Российской Федерации резко возросли темпы депопуляции. В 2013 г. в России впервые был зарегистрирован прирост населения, однако имеющиеся диспропорции оставляют демографическую ситуацию в числе кризисных. В этих условиях в 2006 г. начала реализовываться Государственная программа содействия переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на территорию России (Указ Президента...).

Одной из основных задач, стоящих перед региональными органами власти, является формирование информационного поля, создающего благоприятный образ переселенца. В ранее проведенном исследовании нами были проанализированы комментарии к новостным публикациям региональных интернет-порталов субъектов Сибирского федерального округа, касающихся реализации политики переселения. Результаты свидетельствовали, что дискурсивно соотечественники слабо выделены в отдельную категорию мигрантов, также об отсутствии единства социально-экономического и культурного дискурсов в формировании полей аргументации. Высказано предположение, что во многом это связано с форматом представления информации. Целью исследования стал поиск возможностей корректировки данного формата для сокращения негативного вос-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Политика переселения соотечественников, проживающих за рубежом, на территорию России как механизм улучшения демографической ситуации в регионах Сибирского федерального округа», проект № 18-311-00287.

приятия программы переселения. Источниками стали новостные публикации на порталах регионов Сибирского федерального округа и комментарии к ним.

Анализ показал, что практики региональных СМИ не способствуют цели формирования благоприятного информационного поля. Основные недостатки связаны с форматом представления информации, во-первых, об объекте программы переселения, во-вторых, об условиях участия в ней. Содействию конкретизации данных направлений будет способствовать отказ от нечетких концептов, не воспринимаемых местным населением, а также включение блока информации о конкретных льготах, предусмотренных федеральной и региональными программами.

Литература

1. Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 (ред. от 14.06.2013) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева
(Москва, Россия)

Мигранты второго поколения в России: социологический портрет

В докладе представлены результаты двухлетнего проекта, посвященного описанию интеграционных характеристик мигрантов второго поколения в России в молодом взрослом возрасте. Согласно широкому определению, мигранты второго поколения – это те, кто родился в семьях мигрантов и окончил школу в России.

Исследование проводилось методами массового опроса посредством таргетинга в социальных сетях, глубинного интервью и наблюдения в 9 регионах России, а также цифровой этнографии в Интернете. Было показано, что мигранты второго поколения в части образования, позиций на рынке труда и дохода в целом не проигрывают немигрантам, а некоторые группы мигрантов второго поколе-

ния (в частности, дети мигрантов 90-х) превосходят своих сверстников. Мигранты второго поколения за редким исключением знают русский язык на уровне родного, а знание языка страны происхождения родителей варьируется от полного незнания до свободного знания. Круги общения мигрантов предполагают интенсивные контакты с немигрантами, однако в них значимо присутствуют представители их этнической категории. Идентификация мигрантов второго поколения в части соотнесения себя с Россией и страной происхождения родителей инклюзивна, т.е. мигранты второго поколения одновременно чувствуют себя россиянами и испытывают позитивные эмоции в отношении страны происхождения родителей. Результаты, представленные в докладе, носят предварительный характер.

А. М. Погорельская
(Томск, Россия)

Миграция на постсоветском пространстве как условие развития общего рынка труда в рамках Евразийского экономического союза

Несмотря на распад Советского Союза, экономические и социальные связи между его прежними республиками сохранились. Ввиду практиковавшихся в СССР добровольно-принудительных переселений, системы распределения выпускников и необходимости обеспечения рабочей силой крупномасштабных проектов наподобие строительства каналов и ГЭС большое количество специалистов оказалось вне своей исторической родины в начале 1990-х гг.

Рост националистических настроений в бывших советских республиках, сопровождающий процесс национального самоутверждения, заставил многих представителей нетитульных наций возвратиться в страны своего происхождения. Однако различия в уровнях заработной платы и безработицы, а также наличие крупных диаспор представителей бывших советских республик в государствах постсоветского пространства продолжили способствовать трудовой миграции между ними. Таким образом, в начале 2000-х гг. существовали определенные социально-экономические предпосылки, а также ощущалась потребность отдельных секторов экономики в содейст-

вии свободе передвижения рабочей силы на постсоветском пространстве.

Но поскольку свобода перемещения рабочей силы должна быть обусловлена развитием экономической интеграции в целом и сопровождаться дополнительными мерами, включая координацию политики в области признания квалификаций и пенсионного обеспечения, то лишь четыре государства из числа членов СНГ смогли запустить углубленное сотрудничество в рамках проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

ЕАЭС находится на стадии перехода от Таможенного союза к единому рынку (Евразийская экономическая комиссия, 2016), что предполагает введение свободы передвижения рабочей силы путем гармонизации законодательства государств-членов и координации ряда направлений их социально-экономической политики. Сегодня эти действия лишь отчасти способствуют стабилизации ситуации на национальных рынках труда, обслуживая интересы отдельных государств-членов (Красинец, 2016: 24).

По этой причине руководству и экспертному сообществу ЕАЭС следует переосмыслить идею свободы передвижения рабочей силы в рамках Союза таким образом, чтобы она служила интересам всех его членов, в связи с чем анализ опыта СССР в деле обеспечения отдельных регионов и / или проектов необходимой рабочей силой и существующих с советского времени социальных связей между странами имеет первостепенное значение.

Литература

1. *Барьеры*, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия, 2016. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/internal_market/Documents/Доклад%20барьеры,%20изъятия%20и%20ограничения%20Евразийского%20экономического%20союза.pdf

2. *Процессы* в миграционной сфере и перспективы евразийской интеграции: опыт регионов // Аналитический вестник № 19 (676). Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации, 2017. URL: <http://council.gov.ru/media/files/YGXXO4dC4P9FzpdRdYpa6pQlkaZFLzPA.pdf>

Т. К. Ростовская, Е. В. Тихонова
(Москва, Россия)

Современная семья в контексте транснациональных процессов: реалии, проблемы, перспективы

Тенденции современного развития повлияли на статус семьи как социального института и изменили ее сущность. В связи с изменением ценностных установок в семье ряд ее институциональных признаков подвергся модификации: личные и экономические выгоды индивида получили преимущество над родственными связями; вследствие усиления акцента на потребление статусные роли мужчин и женщин стали подвижными; семья стала более мобильной в географическом и социальном планах (Ростовская, 2015).

Патриархальная семья трансформировалась в детоцентристскую, исходящую из преобладающей ценности детей и частной жизни, а затем – в супружескую, ставящую личные взаимоотношения жены и мужа, их эмоциональное и духовное единение, регулируемые моральными принципами и ценностями (Голод, 1996).

Отказ от патриархальной семьи с её четко выраженной половозрастной субординацией привел к появлению новых моделей семьи и брака. Традиция многодетности семьи в конце XX в. стремительно теряет свою популярность, наблюдаются рост количества разводов, сокращение числа заключения браков, растет число семей с одним родителем, а также число смешанных семей (супруги, имеющие детей от предыдущих браков, семьи с приемными детьми и др.). Традиционные семейные ценности (супружество, родительство, прочность брака) смещаются ориентацией как карьерный рост в личную и материальную независимость. Изменяются и отношения родителей и детей. Вследствие разрыва поколений, обусловленного сменой формаций, дети оказываются значительно более компетентны в формате постиндустриального общества, соответственно передача опыта предшествующего поколения становится неактуальной, имеет место падение престижа родителей по сравнению с престижем сверстников.

Кризис семьи как социального института проявляется еще и в деградации института брачных отношений, а именно в увеличении количества незарегистрированных браков, появлении нетрадицион-

ных видов брака (гражданский брак, брак выходного дня, гостевой / параллельный брак, однополый брак и др.). Все большее распространение получает параллельный брак (термин ввел в научный оборот С.В. Рязанцев), обусловленный транснациональной миграцией и представляющий собой в большинстве случаев новое воплощение кросскультурного брака (Тихонова, 2018). Последняя характеризуется тем, что мигранты, пересекая границы национальных государств и оседая в новой стране, сохраняют связь со страной исхода, создавая так называемые транснациональные социальные пространства, подразумевающие одновременное включение мигранта в социальные сети как страны исхода, так и принимающего сообщества (Степанов, 2018). Транснационализм возник как критика более ранних миграционных теорий – ассимиляции и мультикультурализма. Стремясь к максимально безболезненной адаптации к новым реалиям, транснациональные мигранты (преимущественно мужчины), не разрывая брачных отношений у себя на родине, строят параллельные семьи в стране приема, зачастую регистрируя брак официально. Интересно, что новые партнеры, как правило, знают о параллельной семье и изначально осознают неизбежность финансовой поддержки второй семьи ввиду невозможности ею найти средства к существованию, с целью поиска которых один из ее членов и принял решение стать трудовым мигрантом. Большие морально-психологические сложности взаимодействия супругов в такой модели семьи вызывают необходимость поочередного «физического» присутствия индивида, вступившего в параллельный брак, в каждой из семей поочередно. Параллельные браки сегодня также переживают трансформацию, поскольку «омоложение» транснациональных мигрантов породило ситуацию, при которой по истечении достаточно ограниченного периода времени, они перестают контактировать с семьей на родине, полностью переключаясь на «новую» семью. В большинстве случаев развод с «первичным супругом» не оформляется. Имеют место и обратные случаи. Более того, пересекая границы национальных государств, транснациональные мигранты трансформируют в своих первичных семьях социальные и культурные практики и сопутствующие им значения, что ставит под угрозу институт брака в странах их исхода.

Границы семьи, таким образом, становятся все более размытыми: речь идет о тенденции к определению семьи в качестве контакт-

ной группы родственников лиц, а не супружеского ядра с детьми. Указанные процессы требуют дальнейшего тщательного изучения с целью максимального нивелирования кризисных явлений, связанных с институтом брака.

Литература

1. *Голод С.И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.
2. *Ростовская Т.К.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 3 (34). С. 85–90.
3. *Рязанцев С.В., Акрамов Ш.Ю.* Влияние трудовой миграции на здоровье мигрантов в России и их супругов в Таджикистане // Вестник ТГУПБП. 2014. № 5(61).
4. *Степанов А.М.* Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11, вып. 1. С. 116–127. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu.12.2018.110>
5. *Тихонова Е.В.* Кросскультурная семья в России XXI века в восприятии студенческой молодежи // Демография. Социология. Экономика. Т. 4, № 1: Семья в современном обществе. М.: Экон-Информ, 2018. С. 177–187.

А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер
(Москва, Россия)

Онлайн-опрос с помощью таргетинга в социальных сетях как метод исследования мигрантов

При проведении опросов мигрантов исследователи часто сталкиваются со сложностями. В первую очередь эти сложности связаны с отсутствием надежных данных о генеральной совокупности, которые позволили бы обеспечить случайность выборки. Кроме того, существуют сложности, связанные с достижимостью мигрантов, что значительно лимитирует возможности использования таких методов, как, например, квартирные опросы. Однако активное использование мигрантами социальных сетей позволяет предполагать, что онлайн-опросы с таргетингом через социальные сети могут иметь большой потенциал.

В связи с этим начиная с 2016 г. наша исследовательская команда разрабатывает метод опроса мигрантов с помощью таргетинга в социальных сетях. За это время было проведено пять опросов мигрантов первого и второго поколения: 1) опрос мигрантов второго поколения из Узбекистана и Таджикистана на тему миграционного законодательства на трех языках; 2) опрос мигрантов из Узбекистана на тему рынка труда на двух языках; 3) опрос мигрантов второго поколения из Армении и Азербайджана в возрасте 18–35 лет; 4) опрос мигрантов второго поколения из Азербайджана, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Украины, а также – местной молодежи сопоставимого возраста (18–35 лет); 5) опрос женщин-мигрантов из Киргизии и Таджикистана на тему репродуктивного поведения на трех языках.

В докладе описывается методология проведения онлайн-опросов мигрантов с помощью таргетинга в социальных сетях, обсуждаются достоинства и ограничения метода, а также потенциал для его будущего развития.

С. В. Рязанцев
(Москва, Россия)

Видит ли миграционная политика России человека?¹

Российская Федерация стала одной из крупнейших в мире стран по приему мигрантов, заняв в рейтинге ООН третье место после США и Германии по количеству иммигрантов. К сожалению, многие правильные идеи Концепции государственной миграционной политики (2012 г.) только декларированы, но не реализованы на практике, а иногда государственные миграционные сервисы работают в диаметрально противоположном направлении положениям Концепции миграционной политики. Например, люди сталкиваются со сложностями при регистрации по месту пребывания, получении разрешений на работу и проживание в России, российского гражданства

¹ Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3781.2018.6).

ва. Сильно распространены коррупция, бюрократия, затягиваются сроки обработки и выдачи документов, создаются искусственные барьеры при получении миграционных документов. Разрыв между концептуальными положениями и практическими инструментами миграционной политики чреват обострением социальной напряженности и ростом недоверия к государству со стороны части мигрантов – потенциальных его граждан. Не случайно российская миграционная политика критикуется обычными людьми, учеными, экспертами, правозащитниками.

Российская миграционная политика должна стать не только более открытой, но и ставить более амбициозные и инновационные цели и задачи. К сожалению, пока российское государство только фиксирует потоки и пытается контролировать общины иммигрантов, но отнюдь не формирует активно иммиграционные потоки и деятельность диаспор в конструктивном направлении. По этой причине растут социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку, возникают конфликты между мигрантами и местным населением и пр.

Новым, прорывным направлением развития российской миграционной политики может стать перенос «центра тяжести» на интеграционную составляющую во внутренней миграционной политике, а во внешней миграционной политике – переход России к активной позиции в формировании миграционных потоков, необходимых для социально-экономического и демографического развития страны. То есть речь идет о формировании новой модели миграционной политики, основанной не только на работе с иммигрантами внутри страны, но и активной работе с потенциальными мигрантами за пределами России. Надо признать, что в конечном итоге такая модель управления миграцией не только адекватна времени и ситуации, но и дешевле с точки зрения социально-экономических издержек. Не потребуется вкладывать много средств в интеграционные программы и пресечение нелегальной миграции, если сформировать потоки, необходимые по масштабам и структуре, заблаговременно.

В области внутренней миграционной политики прежде всего необходимо вывести на новый уровень финансирования и реализации интеграционные программы. Категории мигрантов, находящиеся много лет в стране, фактически интегрированные в российское об-

щество, остро нуждаются в приобретении легального статуса. И если у государства нет претензий к иностранцу, а он желает жить в России постоянно, ему следует предложить гражданство. Не надо гражданство дарить, но нужно сделать процедуры понятными, прозрачными, свободными от коррупции, четкими по времени получения документов, лишённых элементов, унижающих человеческое достоинство. От этого российское общество и экономика только выиграют. Нужно всеми возможными средствами обеспечить доступ мигрантов к изучению русского языка, и это задача национального масштаба, к ней должны быть подключены все заинтересованные стороны (работодатели, университеты, органы власти, неправительственные организации и пр.). Требуется поддержка через грантовые программы инициатив снизу по адаптации и интеграции мигрантов, которые реализуются неправительственными организациями, сообществами мигрантов, институтами гражданского общества.

Важный организационный аспект реализации российской миграционной политики заключается в том, что реализовать ее может только гражданское министерство: например, министерство по миграции, миграционная служба (была интегрирована в систему МВД в 2016 г.). Опыт показывает, что миграционная проблематика должна быть выделена в отдельное министерство не только по организационным, но и по идеологическим соображениям. Миграция формально хотя и признана в России ресурсом развития, но на практике управление миграцией по-прежнему осуществляется в силовом поле, что тормозит социально-экономическое и демографическое развитие страны. Целесообразно, чтобы функции миграционного министерства (службы) покрывали весь комплекс миграционных процессов: работу с потенциальными мигрантами и соотечественниками вне России, пограничный контроль, регистрацию, выдачу разрешительных документов на работу, оценку потребности в иностранной рабочей силе, организационный набор трудовых ресурсов, процедуры предоставления гражданства и пр. Очевидно, что нужна системная подготовка кадров в миграционной сфере.

М. Н. Храмова
(Москва, Россия)

Факторы миграции и проблема регионального неравенства в социально-демографическом развитии России и Вьетнама¹

Известно, что существует достаточно тесная взаимосвязь между масштабами и направлениями миграционных потоков, с одной стороны, и уровнем социально-экономического развития государства – с другой. В настоящем докладе на основе официальных статистических данных Российской Федерации и Вьетнама в разрезе отдельных регионов и провинций анализируются особенности и динамика внутренней и внешней миграции населения. На основе гравитационной модели даются классификация и количественная оценка «выталкивающих» и «притягивающих» факторов миграции для указанных стран. Обсуждается гипотеза о том, что рост регионального неравенства может привести к увеличению миграционных потоков из регионов (провинций) с относительно низким уровнем социально-экономического развития в более развитые регионы. С другой стороны, наличие критически больших разрывов в значениях ряда показателей уровня и качества жизни может явиться значимым сдерживающим фактором миграции из регионов (провинций) с низким уровнем жизни, вследствие чего возникают так называемые «ловушки бедности».

Отдельно в работе даются оценка масштабов, а также характеристика социально-демографической структуры и особенностей расселения и занятости мигрантов из Вьетнама в России. Показывается роль миграции из Вьетнама в развитии регионов России. Особое внимание уделяется социально-экономическим и демографическим последствиям, обусловленным пространственной мобильностью населения указанных стран, в контексте «азиатского вектора» внешней политики России.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-510-92003.

Е. П. Шульга, В. В. Медведев
(Сургут, Россия)

«Майданная Украина» и динамика численности украинцев г. Сургута¹

Изменившаяся геополитическая обстановка вокруг России актуализировала темы, связанные с украинцами и «украинством» в целом.

Украинцы Сибири, безусловно, демонстрируют потенциал активно модернизирующегося в разных средах этноса, меру его устойчивости и интенсивности адаптации в разнообразном пространстве. В этом смысле анализ процессов этносоциального развития украинцев в контрастных специфических условиях Сибири, в частности Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, представляет большой интерес.

Между последними Всероссийскими переписями населения 2002 и 2010 гг. украинское население России уменьшилось на 34% (Официальный сайт ВПН, 2010). В ХМАО–Югре численность украинцев сократилась на 26%, а миграционное сальдо в пользу России между Украиной и Россией составило за данный период 7% от численности украинцев 2002 г. (Там же).

В период бурных майданных событий количество прибывающих из Украины увеличилось почти в три раза, в том числе и в ХМАО–Югру (Федеральная служба статистики, 2018).

Приток граждан Украины, в числе которых большая часть этнические украинцы, увеличивается, но по результатам авторского исследования их количество сокращается². В 2014 г. мы фиксировали единую и достаточно устойчивую в культурном отношении группу

¹ Материалы доклада подготовлены при поддержке Департамента образования и молодёжной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в рамках ежегодного конкурса проектов и программ, направленных на развитие межнациональных (межэтнических) отношений, профилактику экстремизма в молодёжной среде в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (приказ № 1108 Департамента образования и молодёжной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 11.07.2017 г.).

² Панельное этносоциологическое исследование студенчества БУ «Сургутский государственный педагогический университет» проводится с 2014 г.

украинцев. Только 5% выходцев из русско-украинских семей идентифицировали себя как русские. В 2015 г. уже 18,8% выходцев из этнически смешанных семей (те же самые люди, принимавшие участие в опросе в 2014 г.) идентифицировали себя как русские. Кроме того, 5% выходцев из моноэтнических украинских семей самоопределили себя как русские.

Культурная близость с российской нацией позволяет многим молодым украинцам и людям с так называемой «биэтнической идентичностью» идентифицировать себя как русские в «критический» момент геополитических изменений на Украине.

Литература

1. *Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года* // Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/newsite/perepis2010/croc/perepisitogi1612.htm

2. *Международная миграция* // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

C. Schenk

(Astana, Kazakhstan)

Immigration Control: Motivations and Outcomes

There are many reasons governments attempt to control immigration. Though the literature often claims immigration is almost impossible to control, state actors make many decisions that affect migration outcomes and reveal motivations. While state policies are rarely able to stop flows of migrants completely, policies can help state actors balance between pressures from various groups. These policy decisions may not have outcomes that can be deemed a success when taken at face value (i.e. when evaluating the outcomes according to the written goals of policy). Nevertheless, policies and their enforcement often serve other purposes at the same time as they succeed in making life difficult for migrants in terms of obtaining documents, finding work, and integrating into society. This paper argues that states attempt to control immigration for several reasons:

for security, for society, and for state purposes. Security claims, while often dubious in terms of the actual danger of migrants to host societies, are some of the most frequently stated reasons for implementing harsh control policies. Satisfying societal actors and groups who prefer less migration, either because of security concerns, fear of cultural influences, or anxiety over labor market pressures, are at the forefront of government concerns even in authoritarian states. Finally, state actors pursue policies that will benefit themselves either formally or informally, personally or collectively, i.e. producing legitimacy–satisfying society–or creating profits for personal use or state budgets. Immigration control cannot be assessed in its entirety without addressing the range of motivations of state actors that result in possible alternate estimates of “success” when evaluating policy outcomes.

**Панель 3: МИГРАЦИЯ В ЕВРОПУ И В ЕВРОПЕ:
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ И СНАРУЖИ**

С. А. Алтухова
(Томск, Россия)

**Вопросы иммиграции в британском общественно-научном
и политическом дискурсе начала 2000-х гг.**

Тема транснациональной миграции и выбора иммиграционной и интеграционной стратегий является в наше время одной из самых обсуждаемых и резонансных. Особенно велика ее актуальность для западноевропейских стран, в том числе и для Великобритании. С середины прошлого века проблемы иммиграции и ее последствий обсуждаются в британских правящих кругах, поднимаются в партийных дебатах. Тогда же эти вопросы вошли в научный оборот и получили широкое распространение в политико-публичном пространстве.

Специфика иммиграционной проблематики заключается в очень тесной связи ее научно-теоретического осмысления с практическим воплощением выбранного иммиграционного курса и принятых по-

литических решений. Обсуждение иммиграционной политики и анализ ее результативности происходит как бы в режиме онлайн, когда в самой Великобритании уже сложилось мультикультурное общество и остро встала проблема его интеграции. Возникшее в научном сообществе дискурсивное поле вокруг темы иммиграции и широкий общественный резонанс оказывали в свою очередь некоторое давление на правительственные шаги. Однако возникает вопрос: насколько соотносится риторика и терминологический аппарат этих трех дискурсов, оформившихся вокруг иммиграционной проблематики.

В начале XX в. произошли кардинальные изменения в политическом и научном обсуждении темы иммиграции. Впервые одним из официальных критериев стратификации британского общества стали этничность и раса: в бланках проводимой национальной переписи населения были выделены эти категории (A Guide, 2006: 4). Тогда же произошло официальное признание Британии мультикультурной страной (The Future..., 2000: 2). Наметился некоторый консенсус в общественно-публичном пространстве по вопросам иммиграции и иммиграционной политики (Younge, 2005). Однако к 2010 г. тема иммиграции стала одной из самых популярных в предвыборной и межпартийной полемике, а лексика официального дискурса правящих кругов и терминология научно-экспертное осмысления ученых стали значительно расходиться.

Литература

1. *A Guide to Comparing 1991 and 2001 Census Ethnic Group Data*. 2006. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160128195618/http://www.ons.gov.uk/ons/rel/ethnicity/focus-on-ethnicity-and-identity/a-guide-to-comparing-1991-and-2001-census-ethnic-group-data/index.html> (дата обращения: 18.04.2018).

2. *The Future of Multi-Ethnic Britain*. Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. L., 2000. 417 p.

3. *Younge G.* The boundaries of race in Britain today *The Guardian*. 25 Apr. 2005. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2005/apr/25/uk.conservatives> (дата обращения: 18.04.2018).

Г. В. Грошева
(Томск, Россия)

**Родина в представлениях поздних немецких переселенцев
из постсоветского пространства в Германию
(по материалам полевых исследований)¹**

Образ родины является основанием не только коллективной идентичности, но и стержнем самоидентификации человека. Особый интерес вызывают представления о родине людей, оказавшихся вне места своего рождения, переехавших за границу на свою «историческую родину». В нашем случае – это представители этнически смешанных русско-немецких семей, прибывших в Германию по программе поздних переселенцев (Spätaussiedler) из стран бывшего Советского Союза в 1990-е гг., в период четвертой волны миграции.

Исследование осуществлялось методами полуструктурированно-го глубинного группового и индивидуального биографического интервью, а также включенного наблюдения в 2014 г. в г. Баден-Вюртемберг (ФРГ).

Результаты исследования показали, что представления о родине разнятся в зависимости от принадлежности респондентов к возрастной группе. В рассуждениях о чувстве родины старшего поколения встречаются следующие позиции: «у нас две родины: Россия и Германия», «моя родина – Россия», «наша родина – СССР», «мы – космополиты» (часто эти позиции сосуществуют). Сохраняется чувство вины в отношении молодого поколения: «Лишили детей старой родины, а новую они так и не обрели» (Полевые материалы автора, 2014). Молодые респонденты – бывшие россияне, – считают родиной и Россию, и Германию. Для выходцев из Казахстана и Киргизии характерно отсутствие ностальгии в отношении страны исхода, но сохраняется отнесение себя к так называемому «русскому миру».

Отношение к России и Германии не зависит от возраста респондентов и носит преимущественно позитивный характер с элементами ностальгизации; к странам СНГ скорее свойственно нейтральное отношение. Свою дальнейшую судьбу большинство опрошенных

¹ Данное научное исследование (проект № 8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

связывают с Германией, обосновывая это тем, что эта страна является более благополучной в экономическом и правовом плане.

Таким образом, представления респондентов о родине соотносятся как с местом рождения, так и с исторической родиной немцев – Германией, а соотнесение понятия «родина» с Советским Союзом является временной проекцией самосознания. В целом исследуемая группа переселенцев живет с осознанием принадлежности к двум мирам, двум культурам и является примером носителей позитивной транснациональной идентичности.

Источник

1. *Полевые* материалы автора (г. Филлинген-Швеннинген, земля Баден-Вюртемберг, Федеративная Республика Германия, ноябрь 2014 г.).

A. E. Mendonça
(Lisbon, Portugal)

From Central Asia to the Atlantic Shores – Uzbek and Kazakh Migrants in Portugal

This paper aims at presenting my current research project at the Institut of Geography and Spatial Planning (IGOT) of the University of Lisbon: “From Central Asia to the Atlantic Shores - Uzbek and Kazakh Migrants in Portugal”.

I will begin with a brief overview of the Post-Soviet Immigration to Portugal, starting from the mid-1990s – when tens of thousands of migrants from former Soviet Union crossed Europe and made their way to an unexpected destination, an exotic country on the Atlantic shores. They were mainly Ukrainians, Moldovans, Russians and Georgians.

But these migration flows also brought people from more distant origins: from the new countries of Central Asia. Many of these pioneers found jobs and opportunities and decided to stay, and were then the seeds of new communities: they brought their families, invited their friends, welcomed their neighbours. And a few thousand Uzbeks and Kazakhs are now living and working in Portugal, from some tourist resorts of the south (the Algarve) to the Uzbek kebabs of a city north of Lisbon. and to the agriculture of the Upper Douro Valley, in the northeast (the main

region were the Port Wine is produced and the workers are often Kazakhs). Let's hear their stories...

Т. Г. Недзельюк
(Новосибирск, Россия)

Антропологические характеристики субъекта в «преступлениях ненависти»: зарубежный опыт

Предметная область изучения антропологических характеристик субъекта в «преступлениях ненависти» находится на стыке нескольких научных областей: криминологии, антропологии, юридической психологии (Енгальчев, Калужина, Майоров, 2017). Многогранность предмета объекта изучения предопределяет комплексный подход к изучаемому явлению, чем и обусловлено внимание к изучению зарубежного опыта.

Термин «преступления ненависти» появился в апреле 1990 г. (именно тогда президент США Джордж Буш подписал Закон о статистическом учете преступлений, связанных с ненавистью).

Характеристика субъекта преступного деяния во многом зависит от того, что именно понимается под «преступлением ненависти». Эксперты ЕС утверждают, что «зонами роста этнической напряженности и связанной с ней преступности являются три страны: Германия, Франция и Венгрия (страны, где темпы роста насильственной преступности на почве ненависти являются опережающими). «Насильственная преступность» на уровне риторики отмечается в Италии, Греции и России. В этих странах криминализированы не только насильственные деяния, но вербальные призывы к геноциду, к экстремизму (Григорьев, 2015).

Частотность «преступлений ненависти» отмечается, когда в этнически гомогенных районах впервые появляются представители меньшинств. «Преступления ненависти» становятся реакцией на социальные изменения в обществе – представителей меньшинств обвиняют в покушении на местные традиции и обычаи (Дыхман, 2017). Субъектами преступных деяний становятся как мигранты, так и представители принимающего сообщества. Примечательно форми-

рование бинарных оппозиций с противоположной мотивацией. В роли субъектов выступают:

а) представители *иного* менталитета, мигранты, недовольные социокультурными условиями страны (региона) проживания, не совпавшими с ожиданиями;

б) представители местного населения ранее этнически гомогенных регионов;

в) организованные «группы ненависти», в том числе скинхеды, куклусклановцы в США (около 180 группировок); неоконфедераты;

г) «волки-одиночки», считающие себя носителями некой высокой идеи и полагающие свое предназначение «очистить землю» от представителей какой-либо группы людей.

Американская психологическая ассоциация опубликовала доклад о «преступлениях ненависти» с генеральным выводом: «Преступления ненависти – это “преступления послания”; они отличаются от иных преступлений тем, что преступник обращается с посланием к членам определенной группы о том, что их присутствие нежелательно». По данным исследований, проведенных Северо-Западным университетом (Northeastern University), «типичный преступник такого рода – малообразованный и часто безработный молодой человек, часто находящийся под влиянием алкоголя и / или наркотиков, в прошлом имевший проблемы с законом» (Дыхман, 2017).

Выделяют следующие мотивы совершения «преступлений ненависти»: желание испытать удовольствие при виде страдающей жертвы (наиболее часто); стремление защитить / «зачистить» свой район от неприятных личностей (часто); на третьем месте – чувство мести (реже).

Литература

1. Григорьев А. Преступления ненависти. Коллекция фактов // Континент: интернет-газета. 19.06.2015 [Электронный ресурс]. <http://kontinentusa.com/prestupleniya-nenavisti-kollekcija-factov/> (дата обращения: 18.05.2018).

2. Дыхман А. Кто становится жертвами преступлений на почве ненависти в США // USA.ONE идет [Электронный ресурс]. <https://usa.one/2017/11/kto-stanovitsya-zhertvami-prestuplenij-na-pochve-nenavisti-v-ssha/> (дата обращения: 20.05.2018).

3. Енгальчев В.Ф., Калужина М.А., Майоров О.А. К вопросу проведения психофизиологических исследований осужденных, склонных к совершению преступлений экстремистской направленности (с учетом видеозаписей оперативных материалов) // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 60–68.

Е. А. Омельченко
(Москва, Россия)

Исследование адаптационных стратегий эмигрантов из России и стран постсоветского пространства через изучение русских школ за рубежом

В то время как в ряде стран постсоветского пространства сфера образования на русском языке сужается и претерпевает значительные изменения, в государствах «традиционного» зарубежья в течение последних пяти-десяти лет наблюдается активное развитие и рост числа образовательных учреждений с преподаванием русского языка и обучением на русском языке. Большинство из них – это частные детские сады и школы, которые созданы эмигрантами из России, Украины, Казахстана и других сопредельных стран. Разнообразие форматов велико: это и школы выходного дня, и языковые курсы, и центры дополнительного образования, и фольклорные студии, и родительские клубы, и полноценные школы – как чисто русскоязычные, так и билингвальные и даже трилингвальные.

Какую роль играют эти образовательные организации в сохранении языковой и этнокультурной идентичности детей русскоязычных эмигрантов, родившихся за пределами России? Способствуют ли они скорейшей интеграции мигрантов первого, полуторного и второго поколения в принимающее общество или замедляют ее? Какие стратегии взаимодействия с местными властями выбирают руководители этих учреждений, как позиционируют русский язык и культуру России властям и населению стран проживания? Как меняется их риторика в последние два года, когда отношения России и стран Запада порой испытывают напряжение? На эти и другие подобные вопросы докладчик попытается ответить в своем выступлении, основываясь на результатах многолетних наблюдений за педагогами и управленцами сферы образования зарубежного «русского мира», а также на небольших интервью, взятых у директоров и учителей русских школ из разных стран мира.

Г. Н. Очирова
(Москва, Россия)

Идентификационные процессы бурятских мигрантов в Великобритании

В данной работе представлены результаты качественного исследования влияния миграционного опыта и проживания в иностранном гетерогенном обществе на идентификацию российских этнических меньшинств на примере бурятских мигрантов, проживающих в Великобритании.

Данная тема актуальна по ряду причин. Во-первых, идентификационные процессы этнических меньшинств, которые исторически проживали в стране происхождения, недостаточно изучены сквозь призму миграции (La Barbera, 2014), поскольку основное внимание уделено вопросам интеграции и идентификации «новых этнических меньшинств», образованных в результате миграционных процессов XX в. Во-вторых, идентификационные процессы исторических этнических меньшинств изначально довольно специфичны еще до момента миграции. В большинстве случаев данные этнические меньшинства, будучи равноправными гражданами своей страны, могут отличаться от фактического этнического большинства расой, культурными и языковыми особенностями, религией (вероисповеданием) и т.д. В-третьих, возможность соотношения этнической и гражданской (государственной) идентичностей может помочь определить негативные моменты и проанализировать возможные причины конфликта идентичностей, что немаловажно для предотвращения эскалации межэтнических, межрелигиозных и прочих конфликтов в многонациональном государстве.

Результаты исследования показали, что миграция усилила прежде всего этническую идентификацию бурят благодаря желанию изучать бурятский язык, следовать бурятским традициям и обычаям в Великобритании и т.д. Эти результаты также поддерживают идею усиления этнических аспектов идентичности в связи с миграционным опытом и проживанием в полиэтнических местах (Eriksen, 2002). Однако из-за длительного периода аккультурации буряты переняли особый русский образ жизни и культурно-лингвистические черты как часть повседневной жизни (Khilkhanova, Khilkhanov,

2004). В связи с этим в настоящее время бурят можно определить не только через азиатский внешний вид и бурятскую родословную, но и через «русский» менталитет. Более того, в контексте миграции этническая и гражданская идентичности бурятских мигрантов неразрывно связаны, поскольку для них недостаточно быть только бурятом или россиянином, невозможно объяснить одно измерение без упоминания другого вследствие неизвестности этнической группы бурят за рубежом и стереотипного представления иностранцев о «Russians».

Однако несовместимость этнической и гражданской идентичностей может быть вызвана в первую очередь расовой дискриминацией и неприятием этническим большинством членов других национальностей и этнических групп. Для предотвращения случаев расизма и национализма как со стороны этнических меньшинств, так и этнического большинства в России необходимо выстроить более корректные политико-правовые механизмы, чем лишь карающие меры по предотвращению разжигания межнациональной розни.

Литература

1. *Eriksen T.H.* Ethnicity and nationalism: anthropological perspective. London: Pluto Press, 2002.
2. *Khilkhanova E., Khilkhanov D.* Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: The Buryat Case Study // *Journal of Language, Identity, and Education*. 2004. № 3(2). P. 85–100.
3. *La Barbera M.* (ed.) Identity and migration in Europe: Multidisciplinary perspectives. Cham: Springer International Publishing, 2014.

О. Ю. Смоленчук
(Томск, Россия)

Статус мигранта vs. статус беженца: Королевство Нидерландов

В работе рассматривается отличие современного статуса мигранта от статуса беженца в Королевстве Нидерландов. Если в середине 2000-х гг. наблюдался приток высококвалифицированных мигрантов, то позднее ситуация изменилась. Вопрос стал актуализироваться не только с проведением новой миграционной политики и редакцией миграционного законодательства (Закон о

миграции, 2013 г.; Закон о национальной визе, 2013 г.; Закон об иностранцах, 2015 г.), но и в связи с кризисом в странах Африки, в том числе Сирии. Только в 2015 г. государство получило более 40 тыс. прошений о предоставлении убежища, в 2016 г. – 18 171 прошение, из них 2 158 были поданы от сирийских беженцев (Scholten et al., 2017). Видя угрозу в возросших потоках мигрантов, голландское государство, традиционно доброжелательно относившееся к приезжающим, в 2015 г. даже задумалось о создании «мини-шенгена» (Швейцер, 2016: 123). В 2016 г., став Председателем ЕС, Нидерланды объявили миграцию одним из главных своих приоритетов.

В целом, согласно докладу голландской секции Международной комиссии юристов, Нидерланды имеют одно из самых жестких законодательств и проводят очень разборчивую политику в области размещения беженцев. Заслуживает особого внимания рассмотрение вопросов отдельных категорий беженцев, например женщин, так как их число увеличилось (Defense Paper, 2018: 15) или, например, беженцев (подающих прошение об убежище в связи с притеснением у себя в стране из-за изменения пола) (van der Pijl et al., 2017: 1). Статус «беженца» может определяться их ожиданиями и / или разочарованием после прибытия в принимающую страну (van Heelsum, 2017: 2).

Серьезную подоплеку в определении политики в отношении беженцев и мигрантов сыграли парламентские выборы 2017 г. в Нидерландах. В них принимала участие праворадикальная Партия свободы Герта Вилдерса, чьи высказывания о марокканцах привели к обвинительному приговору по делу о разжигании ненависти. В результате долгих переговоров в правящую коалицию вошли представители Народной партии за свободу и демократию, «Демократов – 66», «Христианско-демократического призыва», «Христианского союза».

В настоящее время политика в определении статуса мигранта и статуса беженца остается актуальной для Королевства Нидерландов, особенно в свете разрабатываемых сценариев будущего мира: 1) мультикультурного, 2) мультиполярного, 3) сетевого или 4) сегментированного.

Литература

1. Швейцер В.Я. Нидерланды // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 123–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22016123125>
2. Defense White Paper. Investing in our people, capabilities and visibility. The Netherlands Ministry of Defense. The Hague, 2018.
3. Scholten Peter et al. Policy Innovation in Refugee Integration? A comparative analysis of innovative strategies toward refugee integration in Europe. Rotterdam, 2017.
4. van Heelsum A. Aspirations and frustrations: experiences of recent refugees in the Netherlands // Ethnic and Racial Studies. 2017. P. 1–14. DOI: 10.1080/01419870.2017.1343486
5. van der Pijl Yvon, Brenda C. Oude Breuil, Lene Swetzer, Marilena Drymioti, and Marjolein Goderie. “We Do Not Matter”: Transgender Migrants/Refugees in the Dutch Asylum System // Violence and Gender. 2018. № 5 (1). P. 1–11. DOI: 10.1089/vio.2017.0009

Е. В. Хахалкина
(Томск, Россия)

К новому осмыслению мультикультурализма в Великобритании – что дальше?¹

«Мультикультурализм мертв?» – с таким заголовком десять лет назад вышла посвященная рефлексии британского мультикультурного опыта статья Т. Модуда, профессора британо-пакистанского происхождения из университета Бристоля, Англия (Is multiculturalism..., 2008).

Эксперты до сих пор не могут однозначно ответить на этот вопрос, однако нового концептуального оформления отношения к иммигрантам в Великобритании до сих пор не выработано. Возможно, одна из причин кроется в недостаточном понимании реального положения дел в правительственных кругах страны и известное расхождение между желанием ввести ограничения на въезд иностранцев и репутационными издержками от такого шага. Кроме того, требуется время для формулирования адекватного ответа не только на мигра-

¹ Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено по гранту Фонда им. Д.И. Менделеева при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

ционные вызовы, но также связанные с ними угрозы безопасности и единству страны.

Мультикультуризм получил распространение в Британии в 1970-е гг. и был нацелен на бесконфликтное проживание на одной территории представителей разных этнических, конфессиональных и иных групп. Британские правительства не требовали от приезжих с другим цветом кожи и другой культуры отказа от своей идентичности и традиций. Со временем, по оценке премьер-министра Д. Кэмерона, озвученной им на Мюнхенской конференции в 2011 г., «доктрина государственного мультикультурализма» превратилась в стратегию, которая «побуждала разные культуры жить разными жизнями, отдельно друг от друга и от мейнстрима» (PM' Speech..., 2011).

Подобного рода оценки и призывы звучали от экспертного сообщества и раньше. Например, в 2004 г. председатель Комиссии по расовому равенству Великобритании Т. Филлипс предложил заменить мультикультурализм «политиками, которые способствуют интеграции и утверждают ядро британства» (Multiculturalism..., 2011). Это «ядро британства» до сих пор не найдено. На повестке дня британского внутри- и внешнеполитического курса остаются вопросы сущностного порядка: что есть интеграция, в какое именно общество должен быть включен иммигрант, какая модель интеграции наиболее эффективна и каким образом существующие модели соотносятся с мультикультурализмом, какое воздействие на процесс интеграции оказывают транснациональные сети мигрантов и другие вопросы. От ответа на эти вопросы зависят контуры новой модели отношения к иммигрантам и механизм их включения в британское общество.

Литература

1. *Is Multiculturalism dead?* // Public Policy Research. June – August 2008. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1744-540X.2008.00517.x>
2. PM' Speech at Munich Security Conference. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference>
3. *Multiculturalism: What does it mean?* URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-12381027>

Панель 4: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Г. Н. Алишина
(Томск, Россия)

Практики землеустройства при переселении крестьян в Сибирь в начале XX века

Массовое крестьянское переселение за Урал, происходившее в конце XIX – начале XX в., стало серьезным испытанием и вызовом для властей и населения Азиатской России. Вопреки стереотипу о «бескрайних просторах Сибири» проблема землеустройства довольно быстро приобрела острый характер и привела к возникновению противоречий в среде сибирского населения. Местные жители («старожилы» и «инородцы») и переселенцы часто сталкивались друг с другом в борьбе за земельный ресурс.

Об остроте проблемы землеустройства крестьян-переселенцев в Сибири свидетельствуют методы, к которым прибегали стороны-участники для решения возникающих между ними земельных споров (угрозы, порча имущества, отравы, нападения и пр.). Еще одним свидетельством остроты упомянутой проблемы можно считать уровни власти, до которых порой доходили вопросы крестьянского землеустройства в Сибири (сенат, император).

Разумеется, в законодательстве были установлены нормы и порядок землеустройства переселенцев, однако реальные ситуации и условия, складывавшиеся на местах, зачастую не вписывались в нормативные рамки. Это обстоятельство приводило к тому, что люди, так или иначе участвовавшие или хотя бы связанные с переселением, вырабатывали некие практики (полу-, а то и вовсе нелегальные), чтобы решать возникающие проблемы с землеустройством переселенцев.

В рамках закона переселенцы могли действовать двумя путями. Во-первых, соблюдая все требования, зачислиться на свободные земли, образовав там собственное селение. Во-вторых, переселенцы могли причислиться к старожильческому крестьянскому обществу,

на что последнее должно было, конечно же, сначала согласиться. Однако часть прибывших в Сибирь крестьян были самовольными переселенцами, т.е. для них возможности пойти легальными путями при землеустройстве были ограничены. Такие переселенцы нередко прибегали к самовольным захватам земельных участков и другим нелегальным способам решения вопроса о своем землеустройстве.

Таким образом, опыт землеустройства крестьян-переселенцев в Сибири в начале XX в. наглядно демонстрирует, во-первых, к каким практикам могут прибегать переселенцы при решении вопросов, определяющих успех их обустройства на новом месте, а во-вторых, в каких условиях переселенцы отдают предпочтение тем или иным решениям.

V. Viktorovskaya
(Firenze, Italy)

Siberia and Zion in the imagination of Moshe Novomeysky

In the imagination of Siberian Zionists, who were isolated geographically, and during the Civil War also politically, from the centers of Jewish activity in the Pale, Siberia was comparable to the sacred for them land Zion. On the wave of the White emigration in the 1920s the main Zionist ideologists moved from the region to the British Mandate Palestine and did so while remaining particular attitude to the both lands, their nature, landscape and inhabitants. In that manner Moisei Novomeysky, a mining engineer, entitled his memoirs *From Baikal Lake to the Dead Sea*. My research presents the development of Novomeysky's views on Siberia and his implicit or explicit comparison of it to Palestine, within his emigration from the Russian periphery to the British colony. In separate national historiographies he received attention either as a leader of Siberian Zionists, an agent of British colonial development in Palestine or as a founder of the chemical industry of Israel. In contrast, following transnational perspective and comparing his texts from different periods I can examine how Novomeysky's experience in Mandate Palestine (since 1948 in Israel) transformed his understanding of Siberia regarding colonialism, human-nature relations, and the ethnic landscape. In order to do this my research makes an attempt to situate his views within the ideo-

logical debates in Russia (Siberian separatism, socialism, Russian nationalism) and those of Palestine (socialist Zionism, British colonial ideas of development, Arab nationalism). As a result I identify how he came to mix controversial narratives and symbols about Palestine and adapt them to the image of Siberia.

Т. А. Гончарова
(Томск, Россия)

Пореформенное переселение в Сибирь в персональных текстах жителей томского региона¹

Современная научная ситуация характеризуется все возрастающим интересом к локальным исследованиям (микростория, новая локальная история и др.), антропологическому измерению истории. Особое значение в этой связи приобрели персональные тексты, где автором осмысливается социальная действительность, с которой он находился в непосредственном контакте.

Уникальный персональный текст был обнаружен в 2008 г. в ходе полевой этнографической экспедиции в г. Асино Томской области. В домашнем архиве местной жительницы хранилась семейная история, написанная ее дядей А.А. Малиновским. Автор являлся жителем ныне исчезнувшего украинского села Чесноки Асиновского района, родители которого были его первооснователями. Это стихотворное произведение, авторский текст которого насчитывает двенадцать страниц школьной тетради, с поэтическим названием – «Быль о родных». Текст был написан приблизительно в конце 1960 – начале 1970-х гг. После смерти автора рукопись долгие годы хранилась в доме его племянницы. К сожалению, к настоящему времени оригинал источника утрачен. Автор завещал свое произведение своим родным: «Пишу Вам мои родные²», но не исключал и его публичности – «чужим нет секрета».

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей», № 18-49-700002.

² При цитировании сохранена пунктуация автора.

Пореформенное переселение в Сибирь в конце XIX – начале XX в. стало отправным пунктом в изложении истории семьи Малиновских. Безземелье отца на Украине заставило его, по словам автора, «искать рай», «иную судьбу» в Сибири. В произведении представлены образы и Украины, и Сибири, которые постепенно сливаются в созданном украинскими переселенцами селе Чесноки: «И здесь в лесах глухой Сибири как на кусочке Украины обосновались ходоки... село назвали Чесноки», «Хохлы красиво пели про леса, долины, Чесноки казались им частью Украины». В «Были о родных» сохранились фамилии первопоселенцев («...обосновались ходоки Ковальчуки и Ратнюки»), сведения о численности села («не больше ста дворов») и особенностях крестьянского быта («в селе том все трудились с утра еще с росой»). Также А.А. Малиновский поделился воспоминаниями об украинской школе, которая располагалась в его родном селе.

В целом семейная история «Быль о родных» содержит разноплановые сведения о пореформенном переселении: фактические данные, этнокультурные образы, субъективные оценки.

О. Р. Гулина
(Берлин, Германия)

Миграционная традиция в России

Три последних столетия в России – это бурные смены эпох царской, советской и постсоветской России, когда управление мобильностью местного и пришлого населения становилось «головоломкой [человеческих жизней], упакованных в тайну [государственных приоритетов]». Миграционный менеджмент России XIX–XXI вв. был преимущественно подчинен интересам российского государства, и весьма опосредованно – нуждам и интересам жителей России.

Манифесты Екатерины II конца XVIII в., столыпинские реформы первой половины XX в., Февральская и Октябрьские революции 1917 г., Гражданская война 1918–1922 гг., демографические потери советского народа во Второй мировой войне, принудительное переселение немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев и ингушей, развал СССР и массовые передвижения людей на постсоветском

пространстве – это те переломные моменты российской истории, в которые человеческие миграции были лишь отражением происходящих в обществе и стране бедствий и перемен.

Исторически сложилось, что на всех этапах развития российской государственности мобильность российского и иностранного населения, не отражающая интересы государства, как-то: заселение или освоение новых земель, вызывала повышенную обеспокоенность и подлежала рестриктивному контролю сопредставителей государства.

Настоящая статья тематически разделена на три исторических раздела: регулирование мобильности населения в царской России (1649–1917 гг.), управление миграцией в СССР (1917–1991 гг.) и миграционный менеджмент в современной России (1991 г. – по настоящее время).

Эти разделы призваны дать читателю понимание эволюции права на свободу передвижения и его правового оформления в России на протяжении трех столетий.

В. И. Дятлов
(Иркутск, Россия)

Позднеимперская Россия: трансграничные миграции в словах и образах

Принципиальная новизна феномена массовых трансграничных миграций (прежде всего китайцев и корейцев на Дальний Восток) формирует не только новые уклады жизни, но и новые слова, образы, метафоры, новые понимания и дискурсы. Важно понять то, как язык описания отражал (и формировал) общественные настроения и политику властей.

Для позднеимперской эпохи характерно стремление использовать преимущественно собственные понятийные и терминологические ресурсы – отсюда привычная для сложившейся государственности лексика гражданства и подданства.

Привычным был сословный подход, не случайно обязательным условием предоставления российского подданства было принятие православия. Принятые в российское подданство корейцы причислялись к сословию государственных крестьян и часто описывались в

соответствующих категориях. В каком-то смысле в качестве группы сословного порядка можно рассматривать так называемых «*зазейских манчжур*».

Термины *китайцы, корейцы, японцы* использовались широко, в том числе и в качестве этнонимов. Однако традиционные категории подданства и сословия, быстро входящие в оборот этнический дискурс, и терминология явно не удовлетворяли общество и власти эпохи поздней империи. Этнические категории представлялись зачастую слишком частными и не совсем операциональными. Власти не видели в трансграничных мигрантах из соседних дальневосточных государств обычных иностранцев, не требующих специального, отдельного отношения, регулирования и вербальной оценки, а значит, и законодательства, и политики. Это было прямо сформулировано при попытке введения первого в истории страны миграционного законодательства по инициативе приамурского генерал-губернатора Унтербергера.

Отсюда восприятие и господство общемирового расового подхода и расовой терминологии. Это давало возможность перевести оценку, принципы правового регулирования и конкретные управленческие практики из категорий подданства, этничности, социально-экономического статуса («мигранты») в категорию расы. А значит, получить основание для особого, специального, отношения и особой политики.

Отражением поиска слов и образов для называния собственно миграционного процесса стала метафора «наплыв», за которой стояло понимание (скорее – ощущение) процесса как стихийного, природного и катастрофического (не люди мигрируют, а наплывает, как сель, раса). Постепенно метафора становилась термином и использовалась в качестве такового в формирующемся миграционном законодательстве.

«Наплыв желтой расы» – метафора, вошедшая не только в обиходную лексику, но и в бюрократический оборот и тексты официальных документов самого высокого уровня. Набирающий силу и эвристические возможности «национальный подход» скрывается «в тени» расового или используется в качестве его дополнения.

С. И. Ковальская
(Астана, Казахстан)

Миграции населения как объект исторического исследования

Исследование различных аспектов миграции и теоретическая разработка самого понятия имеют длительную историю. В основу анализа эволюции понятия «миграция населения» положен принцип субъектно-объектного соответствия, где «миграция населения» выступает как объект, который испытывает на себе воздействие со стороны субъекта (как правило, государства).

Для дореволюционной историографии было характерно оперирование терминами «переселение», «колонизация». По сути, эти понятия на рубеже веков были синонимами, о чем свидетельствуют статьи, опубликованные в словаре Р. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в 1898 г. Видный теоретик по проблемам переселений, А. Кауфман также не проводил строгого разграничения между этими понятиями.

Научная литература 20-х гг. XX в. свидетельствует о понимании возрастающей роли миграции в решении целого ряда социально-экономических задач. В 1922 г. был создан Госземколонит, в составе которого имелся переселенческий сектор. Однако исключительная динамичность миграций в данный период, а также отсутствие специалистов и систематического учета населения существенно препятствовали теоретической разработке проблемы.

В 1930 г. вышеупомянутый институт по политическим причинам был закрыт. Термин «миграция населения» встречается все реже, его заменяет «территориальное перераспределение населения», которое означало в некоторых случаях процесс территориального перемещения населения и трудовых ресурсов, а в других – результат этого процесса. В период с 1925 по 1929 г. была перевернута последняя страница в истории вольного крестьянского переселения в Казахстан, Сибирь и другие районы. Введение паспортной системы и обязательной прописки по месту жительства в 1932 г. еще более усугубили административные меры по запрещению свободных миграций сельского населения в города. В переписях 1937 и 1939 гг. вопрос о миграциях не ставился, дабы скрыть истинные масштабы вынужденных переселений людей и политические репрессии.

Ситуация начинает меняться только в 50-е гг., чему во многом способствовали изменение общественно-политической ситуации в стране, а также подготовка Всесоюзной переписи населения 1959 г. Вопросы теории и методологии миграций активно стали изучаться в период 60–80-х гг. К 90-м гг. в историографии наиболее дискутируемым вопросом стала оценка эффективности сложившихся типов миграций, а их теоретическое осмысление отошло на второй план. Однако с формированием нового научного направления – диаспорологии – данная проблема вновь приобрела самостоятельное звучание.

Л. А. Кутилова
(Красноярск, Россия)

Причины «обратнического» движения из Сибири в ходе массовых миграций второй половины XIX – начала XX в. (на примере украинских переселенцев)

Обратничеством называют миграционный поток возвратившихся на прежние места проживания. Массовый характер он принял в конце XIX – начале XX в., став реакцией на неприятие новых мест проживания среди части переселенцев, осваивающих восточные окраины России, например украинцев, чья высокая миграционная подвижность сформировала их значительную группу в составе населения Сибири. Обратничество стало серьезной проблемой для власти, представляя собой «невообразимо тяжкую картину» (Сибирские переселения, 2003: 148).

Переселение больших групп мигрантов в новые восточные районы страны, в том числе украинцев, с необходимостью сопровождалось освоением новых пространств, приспособлением к иным природным, климатическим условиям, освоением новых поведенческих стратегий в сибирской среде, требующих взаимодействия со старожилами и восприятия их опыта. Так, украинцы в Сибири сознательно во многом следовали сибирякам, утверждая, что «вся справа у нас, как у сибиряков». Вместе с тем они пытались расширить посевы гречихи, подсолнуха, проса, выращивать кукурузу и фасоль; отмечу также попытки разводить фруктовые сады. Но часто их усилия были

тщетны: все гибло из-за поздних заморозков. Выпавший на Троицу снег особенно удручил украинцев поселка Ново-Никольский Мариинского округа (Кауфман, 1895: 135), поскольку на Украине в это время все было в цвету. В целом отсутствие садов увеличивало недовольство Сибирью и тоску по родине, особенно у женщин.

Соглашаясь с мнением новосибирских исследователей о том, что в процессе адаптации к новым условиям проживания «приоритетное значение имеет позитивное психоэмоциональное состояние» (Ламин, Шелегина, 2008: 10), в исследовании при анализе причин обратнического движения акцент сделан на негативных эмоциональных переживаниях по поводу адаптации в Сибири, особенно в женской среде. В числе других причин обратничества как в украинской среде, так и в целом по переселенцам проанализированы: 1) недостаточные и зачастую неверные сведения о Сибири, об условиях жизни на новом месте; 2) низкий уровень организации переселенческого дела; 3) сложный характер отношений переселенцев со старожилами; 4) набеги и грабежи «степного кочующего населения» (Сибирские переселения, 2003: 149) и др.

Литература

1. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1884 г., по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1895. Т. 1, ч. 1: Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа.

2. *Ламин В.А., Шелегина О.Н.* Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2008. С. 5–10.

3. *Сибирские переселения.* Документы и материалы. Вып. 1. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003.

О. Б. Дашинамжилов, В. В. Лыгденова
(Новосибирск, Россия)

Изучение миграций бурятского населения в 1970–1980-е гг.: источники и методы¹

Изучение пространственных перемещений национальностей является актуальной задачей этнодемографии. Однако источниковая база этой проблемы довольно скудна. Наиболее распространенным является анализ Всесоюзных переписей населения. Как правило, исследователи изучают темпы роста численности этноса в определенном, чаще всего межпереписной период в какой-либо области, городе или районе. Оценка мобильности может включать изучение доли проживающих за пределами мест преимущественного расселения.

Всесоюзная перепись 1970 г., в которой впервые с 1926 г. был поставлен вопрос о миграции, дает возможность выявить долю населения, проживающую в месте постоянного жительства менее двух лет. Сюда же можно включить статистику проживающих в месте постоянного жительства не с рождения. Чем больше эти доли, тем выше уровень мобильности. В полной мере эти материалы применимы для изучения этнически однородных территорий.

Для определения строгих количественных показателей миграции можно использовать два метода. Для вычисления механического прироста необходимо знать количество рождений и смертей у рассматриваемых национальностей, а также их численность в конце и в начале расчетного периода. Такие материалы в 1960–1980-е гг. разрабатывались территориальными отделениями ЦСУ РСФСР по ограниченному кругу (обычно 5–8) этносов. Точность этого метода сильно падает при развитии ассимиляционных процессов, а потому он может быть применим только к небольшому числу национальностей.

Вторым методом является использование статистических данных текущего учета о миграции в регионе. Однако он тоже применим для этнически однородных территорий и для точного исследования не совсем пригоден. Непосредственно материалы о национальном составе мигрантов стали собираться с 1969 г. в небольшом

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00395.

числе областей. В 1979 г. территориальный охват значительно расширился и распространился на все регионы. Вместе с тем сбор таких материалов шел только в некоторые годы, причем круг разрабатываемых национальностей постоянно сокращался. Ежегодный учет национального состава мигрантов на постоянной основе начался только с 1988 г. Итак, изучение миграционного движения бурятского населения предполагает использование одновременно нескольких методов и привлечения большого количества источников.

О. Ю. Никонова
(Челябинск, Россия)

**Почему Вы не привлекли психолога, или Размышления
о возможности культурно-ориентированной истории в изучении
миграционных процессов**

Импульсом к написанию тезисов послужил негативный опыт крупной грантовой заявки на изучение миграций в исторической ретроспективе, одной из причин отклонения которой было отсутствие в команде представителей таких социальных наук, как психология и социология, а также сомнение в рациональности использования исторического опыта «менеджмента» миграционных процессов. Размышления об эпистемологическом потенциале истории в деле исследования миграций выстроены в рамках сравнения концептуального и категориально-понятийного аппарата описания миграций позднеимперского и раннесоветского периодов с языком современных законодательных, делопроизводственных и научных текстов (Зайончковская, Панарин и др.).

Чиновники и ученые (Кауфман, Гинс, Гурвич, Яхонтов и др.), характеризуя миграционные процессы конца XIX – начала XX в., обозначили дискуссионные проблемы (например, соотношение понятий / концептов переселения и колонизации, возможности применения колониальной теории, междисциплинарности научного исследовательского поля), которые актуальны и сегодня. Языки описания «прочитываются» также в документах административных практик учета, регистрации, обеспечения и санитарного обслуживания переселенцев, которые анализируются на историческом примере функ-

ционирования Челябинского переселенческого пункта и деятельности некоторых учреждений, сопровождающих современные миграционные процессы в Челябинске (например, курсов по изучению русского языка для трудовых мигрантов).

Концептуальными ориентирами при реконструкции научного, авторитетного и бюрократического дискурсов являются следующие положения: подход истории понятий Р. Козеллека, интерпретирующий понятие как «индикаторы само- и миропонимания прошедших эпох», идеи Е. Вишленковой о специфике «народоведения» империи в XIX в. и авторов журнала «Аб Империи» об особенностях языков «самоописания империи»; культуролога А. Эткнда о «внутренней колонизации» и историка Л. Сигельбаума о транснационализме внутриимперских и внутрисоветских миграций. Условием для анализа является его ограничение рассмотрением так называемых «добровольных» или трудовых миграций, обусловленных преимущественно (но не только!) экономическими факторами.

В докладе будут обозначены линии преемственности и разрывов в языке описания миграций, а также предложены выводы об эпистемологическом потенциале культурно-ориентированной истории при анализе миграционных процессов в прошлом и настоящем.

А. В. Филимонов
(Омск, Россия)

Модели финансирования переселенческого дела во второй половине XIX – начале XX в.: принципы конструирования и возможности адаптирования к современной миграционной политике Российской Федерации

В Российской Федерации необходимость проведения целенаправленной и эффективной миграционной политики обосновывается такими факторами, как неблагоприятная демографическая ситуация в ряде регионов (в особенности в Сибири и на Дальнем Востоке), неравномерность распределения трудовых ресурсов, наличие значительных неосвоенных территорий и т.д. С 2012 г. миграционные мероприятия проводятся в рамках Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Од-

ним из ключевых положений данного документа является обеспечение приоритетных направлений государственной миграционной политики достаточными финансовыми и материальными ресурсами, формирование федерального и регионального бюджета с учетом ее задач. Для определения оснований, на которых возможна организация эффективного финансирования, необходимо обратиться к опыту Российской империи.

Во второй половине XIX – начале XX в. переселенческая политика Российской империи постепенно совершенствовалась по многим направлениям: упрощался порядок переселения, открывались новые территории для заселения, развивалась инфраструктура для своевременной помощи крестьянам в пути и на месте водворения, улучшалось взаимодействие по переселенческим вопросам между государственными учреждениями различных уровней, активно развивались научные исследования миграционных процессов. При этом реализация переселенческих мероприятий напрямую зависела от эффективности распределения денежных ресурсов. Моделирование позволяет выявить преимущества и недостатки различных вариантов организации государственного финансирования, реализовывавшихся в течение сопоставимого с планом Концепции срока (10–20 лет).

Исходя из законодательных оснований, особенностей управления переселенческим делом, финансового механизма, бюджетной динамики, можно выделить три основные модели финансирования. Модель, действовавшая с 1860-х до 1892 г., отличалась медленным развитием переселенческого законодательства, ведомственно-административным распределением средств, незначительными расходами. Правовое поле следующей модели (1893–1905 гг.) развивалось под руководством Комитета Сибирской железной дороги, управленческие функции взяли на себя Переселенческое управление и Министерство земледелия и государственных имуществ. Наблюдалось увеличение и усложнение переселенческого бюджета, финансировавшегося из особого источника. Третья модель (1906–1914 гг.) характеризовалась развитым законодательством, гибким распределением денежных ресурсов через Переселенческое управление и его местных представителей, позволяла прогнозировать расходы на несколько лет вперед и контролировать их. Данная модель представляется наиболее подходящей для адаптирования к современной миграционной политике Российской Федерации.

Панель 5: ANTHROPOLOGY OF GLOBAL MIGRATION
GOVERNANCE

M. Bahovadinova
(Prague, Czech Republic)

**Continuities and ruptures in state-citizen relations in post-Soviet
Tajikistan**

The proposed paper will analyze the field of relationships between bureaucrats and civil servants in Tajikistan to understand the development of new forms of governance after the welfare state. It will analyze migration management institutions (state, international, and non-governmental) engaged in delivering “safer and more organized migration” through the production of legal migrant workers for the Russian market. In practice, this means developing a bureaucracy focused on making migrant workers “self-sufficient” economic actors. The workers don’t have bread, the bureaucrats say, so let us give them the information!

These bureaucratic practices, I argue, produce an awkward convergence of neoliberal, authoritarian, and welfarist forms of government – what I call alienation. As opposed to extending the state’s power and reach (Escobar, 2011), the programs of international organizations such as the IOM actually contribute to the reduction of the state. A closer accounting of bureaucratic practices in the field of migration management illustrates the complicated relationship between international organizations and institutional accountability. Moreover, in the context of Tajikistan, the promise of making the state strong again, while ringing pleasantly to the ears of bureaucrats, is also complicated by the very presence and operation of international actors. Nor do these international and local non-state actors provide more effective services: the paper’s broader argument lies in providing evidence against the myth of more efficient non-state actors. Finally, the paper will look into the relationship between bureaucrats and migrant workers, illustrating how an alienated form of governance engages (or fails to engage) with citizen-subjects (Go and become there heshutabor!).

Bibliography

1. *Escobar A.* Encountering development: The making and unmaking of the Third World. Princeton University Press, 2011.

K. Kluczevska
(St Andrews, Great Britain)

Knowledge Production at IOM and a ‘Radicalisation Potential of Returning Migrants’ in Tajikistan

This paper contributes to the panel by analysing processes of knowledge production at IOM. It does so by tracing the process of production of a research on migrants’ vulnerabilities and integration needs in Central Asia which was released by IOM in 2016. Looking at how IOM made the ‘radicalisation potential of labour migrants’ one of its priority areas in Central Asia, this paper asks: who and how produces knowledge at IOM; what meaning local knowledge has for different actors within IOM; if, and if so, how, local knowledge is adapted by IOM to fit international settings; and what is the ultimate aim of using it at the organisation. The paper also highlights how through use of local knowledge IOM positions itself towards Central Asian governments, other organisations and donor agencies. The main finding of the paper is that knowledge at IOM has a negotiated character: it is embedded in managerial and hierarchical structures of IOs, funding priorities and relations that IOM has with states. The paper also shows that IOM contributes to tightening of the security environment in Central Asia, by (unintendedly) legitimising state security policies.

Панель 7: ГОРОД И МИГРАНТЫ: ПРОСТРАНСТВА
КОНТАКТА И КОНФЛИКТА

A. Zabrodskaja
(Tallin, Tartu, Estonia)

Ethnolinguistic vitality, identity construction and intergroup communication

Ethnolinguistic vitality is a property ‘which makes a group likely to behave as a distinctive collective within an intergroup setting’ (Giles, Bourhis and Taylor 1977: 307). There are 1.29 million people in Estonia, with the biggest groups being Estonians (69%) and Russian-speakers (29%). Zabrodskaja (2015) shows that the Estonian Russian-speaking community is quite diverse in respect to their beliefs and attitudes, as well as ethnolinguistic vitality and identity clusters: from animosity to titular nations to the desire for assimilation into the mainstream society with three in-between clusters. The wish and the need to communicate in Estonian vary. On the example of Russian and Estonian ethnic groups, it was observed that ethnolinguistic vitality perceptions are in a reverse correlation with intergroup discordance (Ehala and Zabrodskaja, 2011).

This paper aims to explore possible ways to negotiate conflicting narratives in order to create templates of conciliation that can be used to strengthen inter-ethnic understanding and intercultural communication in Estonia. A common set of values and beliefs between Estonia’s Russian-speaking negotiated identities and Estonian mainstream identity is searched for. Theoretically, the paper is based on the recent advances in the intergroup communication theories (Giles and Maass, 2016). Data come from the qualitative interviews with five focus groups formed on the basis of the subgroups obtained from the statistical analysis of the large-scale quantitative data collected in 2008–2011 (Zabrodskaja, 2015).

Bibliography

1. *Ehala M. and Zabrodskaja A.* The impact of inter-ethnic discordance on subjective vitality perceptions // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2011. Vol. 32 (2). P. 121–136.

2. Giles H., Bourhis R. Y. and Taylor D. M. Towards a theory of language in ethnic group relations // H. Giles (ed.). Language, ethnicity and intergroup relations. London: Academic Press, 1977. P. 307–348.

3. Giles H., and Maass A. (eds.) Advances in Intergroup Communication. Peter Lang: New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien, 2016.

4. Zabrodszkaja A. “What is my country to me?” Identity construction by Russian-speakers in the Baltic countries // Sociolinguistic Studies. 2015. Vol. 9 (2–3). P. 217–241.

А. Н. Алексеенко, Ж. С. Аубакирова
(Усть-Каменогорск, Казахстан)

Становление «нового» социокультурного пространства и качественная эмиграция в Республике Казахстан

В течение XX в. внешние миграции определяли суть социально-экономических, этнодемографических, культурологических явлений в Казахстане. Основную роль в процессе играли европейские народы, составившие большинство населения республики к концу советского периода истории.

Постсоветский кризис, суверенные изменения этносоциальных, этнополитических статусов привели в 1990-е гг. к массовому оттоку населения из Казахстана. Основные причины эмиграции оформились именно на стадии перераспределения ведущих статусных позиций. Были выработаны соответствующие методы изучения процесса, детерминированные, в первую очередь, этнополитическим и количественным сюжетами.

Этнодемографические эволюции, наблюдаемые в современном Казахстане, существенно отличаются от процессов конца XX в. Влияние внешних миграций на демографическую ситуацию свелось к минимуму. Изменение состава населения все в большей мере является следствием этнических особенностей воспроизводства. Вследствие этого процесс идет плавно и фактически не фиксируется бытовым сознанием.

Постепенно Казахстан становится моноэтническим государством, удельный вес казахов в составе населения приближается к 70%. Этнодемографический фактор имеет большое значение для дальнейших изменений социокультурного пространства, все в большей

мере функционирующего на основе культуры, языка и традиций казахского этноса. Тенденция развивалась медленно и в целом незаметно для большинства «нетитульного» населения. Современная социокультурная ситуация воспринимается как естественное состояние.

Осознание же этого состояния и просчет вариантов «встраивания» в изменившееся социокультурное пространство приводят к появлению новых мотивов эмиграции у представителей слоев, претендующих на высокие социальные статусы. Проблема актуальна не только для «нетитульных», но и части городских казахов, оторвавшихся от этнических ценностей. Ресурсов для попадания в социальные лифты у них остается объективно немного, так как эти лифты в значительной степени функционируют на традиционной основе.

Таким образом, в настоящее время все более явно оформляются параметры «качественной» эмиграции, государство покидают невосребованные профессионально подготовленные кадры. Изучение данного варианта эмиграции количественными методами не в полной мере отражает суть происходящего, необходим поиск новых методов.

Д. Е. Брызгина
(Томск, Россия)

«Этнические» рынки Иркутска: ментальная репрезентация пространства¹

В докладе представлены результаты исследования одной из ключевых мигрантских локальностей г. Иркутска – рынка «Шанхай» методом ментального картирования. Проблема восприятия пространства города его жителями определяет не только их отношение к городу, но и способы и характер взаимодействия людей с городом и в городе (Волков, Недосека, 2014: 180). В этом отношении ментальные карты являются наглядным инструментом отображения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

представлений о рынке как об одном из важнейших объектов городской инфраструктуры, включенных в городские процессы.

Использование метода ментального картографирования подразумевает изучение визуальной репрезентации образов рынка, в которых проявляются его инаковость (через этнические маркеры) (Норие, Григоричев, 2014: 143–146) по отношению к другим городским объектам, особенности структуры, границы и др. Более того, по картам можно определить особенности их взаимодействия с рынками, степень освоенности пространства рынка горожанами. Последнее, в свою очередь, отражает проблемы несоответствия притязаний горожан на пространство, занимаемое рынком, которое порождает конфликты и необходимость реализации мер по урегулированию данного вопроса.

Литература

1. Волков В.В., Недосека Е.В. Ментальная репрезентация пространства молодежи г. Мурманска // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 179–189.
2. Норие Х., Григоричев К.В. Эволюция «китайских» рынков в Сибири: пересборка «китайскости» и открытие закрытых локальностей // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 141–158.

Т. А. Булатова, А. П. Глухов
(Томск, Россия)

Межэтнические отношения в социальном пространстве принимающего сообщества (кейс г. Томска)¹

Мощные потоки трудовой и образовательной миграции в последние годы в г. Томск, при отсутствии внятных государственных политик в отношении ее различных сегментов, инициируют довольно сложный конгломерат межэтнических отношений.

¹ Статья написана на основе материалов, полученных в ходе реализации научного проекта «Социологический анализ межэтнических отношений в Томской области», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-13-70005, 2017–2018 гг.).

М. Грановеттер (Granovetter, 1973) выдвинул концепт сильных / слабых связей и предположил, что различия в степени близости людей можно объяснить уровнем затрат времени, эмоций, услуг и самораскрытия. В рамках подобных сильных отношений и институциональных структур взаимодействия с мигрантами регулируются ролевыми ожиданиями и институтами, протекают в формате сильных связей, поскольку ресурсозатратны, требуют высокого уровня вовлечения. Статус мигрантов и характер взаимоотношений определяются наличием различного рода взаимно конвертируемых капиталов (экономического, социального и культурного) и поиском стратегий интеграции в сложившееся социальное пространство принимающего комьюнити (Bourdieu, 1986), в том числе и за счет обращения к ресурсам местных диаспор. Соответственно сам статус мигрантов и их место в социальном пространстве отношений сильно зависят от времени / постоянства пребывания в принимающем сообществе, заимствуемых ресурсов страны исхода (финансов, уровня образования и культуры, владения языками, имиджа родины), значительно различающихся у выходцев из стран Средней Азии, Центральной Азии и Африки (Китай, Вьетнам и др.) и Европы и Америки, а также доступа к контактам и ресурсам местной этнической диаспоры и ее значимости.

Межэтнические отношения в формате слабых связей при эпизодическом бытовом взаимодействии определяются стереотипами традиционных и новых интернет-медиа. Как показывает коммуникативный аудит интернет-изданий г. Томска, медиа транслируют два ключевых стереотипа в отношении мигрантов: позитивный стереотип «дружбы народов», презентуемый в формате этнографических фестивалей, и негативный стереотип этнической преступности. Проблемы реальной адаптации мигрантов к конфигурации социального пространства принимающего сообщества не тематизируются местными СМИ и остаются «в тени».

Литература

1. *Bourdieu P.* The forms of capital // In J. Richardson (ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, Greenwood, 1986. P. 241–258.
2. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.

Ю. О. Корешкова
(Иркутск, Россия)

Формальные и неформальные бизнес-практики китайского туризма (на примере Иркутской области)

В связи с увеличением потока китайских туристов, приезжающих на озеро Байкал, в последние годы наблюдается такое явление, как увеличение неформальных туристических бизнес-практик. В своем исследовании на базе интервью, проведенных с участниками этих процессов: гидами (китайский язык), организатором нелегального туристического агентства, управляющими отелей (принимающая российская сторона), а также личных наблюдений, мы попытались проследить и описать технологию реализации данного туристического продукта, а также выявить ее специфику, проанализировав ситуацию, выявить степень взаимодействия легитимных и нелегитимных процессов и их акторов.

Основными этапами по реализации этого процесса были выделены следующие:

- образование или регистрация компании;
- способы поиска клиентов в Китае;
- оформление документов для вывоза туристов в Россию;
- работа с гидами;
- размещение, услуги и отдых на месте.

В процессе исследования была выделена специфика, свойственная только китайским организациям. Одной из таких специфик стал ресурс по привлечению клиентов из Китая для мелких компаний – сайт или интернет-магазин Taobao.com, ориентированный на конечного потребителя. Нами было выявлено 26 уникальных предложений туристических туров на озере Байкал, причем ни одна из компаний, предлагающих свои услуги, официально в России не зарегистрирована. Данная информация позволила нам сделать вывод, что как минимум 26 мелких компаний ведут свою деятельность с помощью более крупных российских агентств. Данное предположение подтвердило интервью с одним из организаторов нелегального туристического агентства: «В Иркутске две крупные компании, в которых можно сделать групповые визы на въезд граждан КНР. С этим никогда нет проблем». В своем интервью он подтверждает, что, не имея

официального юридического лица, можно получить групповую туристическую визу на въезд. Размещают гостей по групповой визе, а при наличии индивидуальной визы в гостиницах даже не уточняют, от какого агентства гость. Один из управляющих отелем подтверждает, что российские туристические агентства, с которыми они заключали договоры о проживании туристов из КНР, являются лишь посредниками при работе с гостиницами, раскрывая при этом схему платежей и заработка агентства, оказывающего такие посреднические услуги.

Следует сказать, что китайские туристы и туристические агентства в Китае в целях экономии средств готовы пойти на риск сотрудничества с мелкими нелегальными компаниями. Более того, политика крупных легитимных российских агентств не препятствует, а даже способствует развитию и размножению таких мелких фирм, мы можем проследить их практически непрерывное взаимодействие в процессе реализации туристического продукта. Однако стоит отметить, что мелкие китайские фирмы стремятся стать крупными и законными игроками на поле туристической деятельности в России.

И. В. Нам
(Томск, Россия)

Роль НКА в адаптации мигрантов: оценки экспертов и мнения мигрантов

Институт национально-культурной автономии, введенный в правовую и общественно-политическую практику РФ в 1996 г. с принятием Концепции государственной национальной политики и ФЗ «О национально-культурной автономии», описывает НКА двояко: как общественную организацию на этнической основе и как форму национально-культурного самоопределения и самоорганизации.

Государство прибегает к услугам НКА, поскольку нуждается в каналах связи с этническими сообществами, включая мигрантские. Их руководители воспринимаются властью не как люди, добровольно возложившие на себя бремя общественной деятельности и в этом смысле обязанные только членам своей организации. От них ожи-

дают выполнения властных распоряжений, не наделяя при этом необходимыми правами, полномочиями и ресурсами.

Нуждаются в посредниках и сами мигранты, как «недавние», так и «трудовые», сталкивающиеся с множеством трудностей и проблем, которые возникают, прежде всего, в правовом поле и связаны с легализацией их пребывания и трудоустройства, получением социальной и медицинской помощи.

Российские и зарубежные исследователи критически оценивают роль НКА как института демократизации и стабилизации российского общества, который не отвечает ожиданиям ни государства, ни «этнических» меньшинств и их элит (Филиппова, 2015: 86).

В докладе будут представлены¹ экспертные суждения и мнения самих мигрантов о том, какую роль играют НКА в адаптации / интеграции мигрантов в российском обществе (на примере Томска).

Литература

1. Филиппова Е.И. Национально-культурная автономия: два десятилетия российского эксперимента // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М., 2015. С. 83–86.

С. К. Олимова
(Душанбе, Таджикистан)

Эстетика миграции: языки и образы мигрантских интернет-клипов

Трудовую миграцию обычно изучают как экономическое явление, но она также создает многообразные культурные феномены как на родине, так и в стране назначения. Движение людей и предметов сопровождается движением текстов, изображений, смыслов и идей, создающих собственную эстетику.

¹ По результатам исследований 2016–2018 гг., включая опрос, проведенный в июле 2018 г., в ходе которого было опрошено 300 мигрантов, проживающих в трех вернакулярных районах Томска: центре, Черемошниках, Иркутском тракте (грант РНФ № 18-18-00293).

Мигранты везут с собой собственный культурный багаж. В то же время в процессе миграции они приобретают новый опыт, сталкиваются с другими культурами и либо по желанию, либо по принуждению испытывают их влияние и создают новые феномены культуры и искусства.

Целью данного сообщения является поиск ответов на следующие исследовательские вопросы:

Как опыт миграции и мобильности находит выражение в искусстве?

Как в процессе миграции меняются идентичности и соответствующие им культурные коды и как процесс изменений отражается в мигрантском искусстве?

Говоря о таджикской миграции в России, можно судить о мощном подъеме устной народной культуры, состоявшемся с помощью информационных технологий. Это и визуальная культура (клипы, юморески, перфомансы на рабочем месте, свадебные ролики и т.д.), развивающиеся в Интернете народная песня в самых разных жанрах, религиозное искусство (чтение Корана, дидактические песни, исмаилитские маддо) и многое другое.

Особое место в мигрантской культуре занимают музыкальные клипы – видеоролики с записями песен, танцев, сценок, которые соединили музыку и визуальный ряд. Это живое устное народное творчество, зафиксированное в момент исполнения и далее живущее в просмотрах, лайках и комментариях.

Мигрантские клипы являются важным фактором производства культурной идентичности в процессе самоопределения мигрантских групп. В них воспроизводятся как индивидуальные переживания мигрантов и их персональный опыт, так и коллективная память о миграции. Клипы не только отражают транснациональные культурные практики мигрантов, но и демонстрируют строительство транснациональных социальных миров внутри России.

Однако важнейшей функцией клипов является возможность вступления в диалог, нахождения отклика на запрос о признании и на родине, и в России. Диалогичность клипов подчеркнута выбором объектов обращения, который определяется языком клипов, мелодикой, идеями и образами.

Культурная мобильность мигрантов имеет последствия не только в лингвистическом, но и в символическом смысле. Мигранты соз-

дают собственные культурные языки, смешивая лингвистические и культурные практики, формируя транснациональные идентичности и создавая фольклорные интерпретации мобильности и миграции. Здесь можно выделить несколько больших комплексов идей и образов. Это прежде всего дуальная оппозиция отчуждения и бездомности дому, родине, принятию. Наиболее ярко этот комплекс идей и образов воплощается в «Гариби» – чужбинных песнях и клипах о матери, самых значительных по масштабам жанрах мигрантских клипов.

И. А. Скалабан
(Новосибирск, Россия)

Диаспоральное сообщество в городе: стратегии мобилизации

Формирование в современном крупном городе диаспорального сообщества как самостоятельного субъекта отношений, способного включаться в городское сообщество, претендовать и символически оспаривать городское частное и публичное пространство, невозможно без поддержания и развития мобилизационных механизмов, обеспечивающих сохранение этнической идентичности (особенно в межпоколенном контексте), и устойчивого диаспорального сообщества в условиях кризисов и угроз.

Одним из препятствий для осмысления механизмов мобилизации служит сформировавшийся сегодня в исследовательской среде категориальный аппарат, который, в зависимости от различных теоретических подходов, существенно дифференцирует смыслы категории «мобилизация». Это затрудняет использование в одном исследовательском поле категорий «этническая» и «кризисная, конфликтная» мобилизация.

Между тем многообразные процессы становления новых диаспоральных сообществ и усиления политической и экономической активности старых, которые наблюдаются сегодня в крупных городах Сибири, требуют для их анализа построения концептуальных моделей, способных обеспечить целостный и всесторонний анализ роли и позиции диаспорального сообщества в современном городе.

В докладе автор изложит свое видение сущности мобилизационных процессов, обоснует наличие связи не только между этнической, диаспоральной и конфликтной, но и общественной мобилизацией в условиях современных вызовов, стоящих перед крупным городом.

Опираясь на сетевой подход к анализу мобилизационных процессов и конструкционистский подход к анализу диаспоральных процессов, результаты эмпирических исследований этносоциальных процессов в г. Новосибирске, проводимых с участием автора в 2016–2017 гг. в рамках гранта № 16-03-00144 РФФИ «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (рук. Ю.В. Попков), в докладе выделяются и анализируются три типа мобилизационных структур (новая, старая, традиционалистская), действующих в городе в условиях нарастания напряжения и конфликтов, рассматриваются перспективы их диагностики и прогнозирования их активности.

Д. О. Тимошкин
(Иркутск, Россия)

«Мигрантские» локальности как фронтирная зона в постсоветском городе¹

Особая роль мигрантских локальностей на сцене сибирских городов не могла не отразиться в мифах и легендах, которые сопровождали непростой «постсоветский» период. Базары, барахолки, развалы стали предметом публичного обсуждения во многих городах, внезапно обративших внимание на наполнившие их улицы импровизированные прилавки, заваленные привезенными из десятков экзотических уголков Земли вещами. Обыватель смотрел не только на непривычное изобилие товаров массового потребления, в том числе и довольно необычных, но и на самих продавцов,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

которые тоже воспринимались как экзотика. Изначально воспринимаемые как «чужак» в городском пространстве, мигрантские локальности буквально стали местом встречи эпох – здесь «советские» люди учились выживать в условиях «постсоветского» государства, старая инфраструктура начинала обслуживать новые типы экономической деятельности.

При всей своей экстраординарности «мигрантские» локальности стали настолько нужны, что представить себе «девяностые» в каком-нибудь сибирском городке без этого явления было почти невозможно. Барахолки стали чем-то вроде наглядного пособия по постсоциалистическим трансформациям в пределах отдельно взятого города и со временем стали восприниматься как неотъемлемая часть переходного периода. Их экзотичность стала очень органичной метафорой эпохи времени перемен в целом. Переживаемый здесь опыт становился предметом рефлексии – перемены требовалось назвать, равно как и их причины, а затем научиться справляться с их последствиями. Нужно было объяснить увиденные толпы, непривычное изобилие ширпотреба, экзотические для того времени экономические практики вроде крышевания или челночничества. Как следствие, в городских нарративах «мигрантское» маркирование территории стало обозначать не групповую принадлежность тех, кто ее посещал, а скорее – социальную экзотику, метафору пограничного состояния «постсоветского» города в целом. Экзотичность заключалась не только в возможности исполнять здесь роли, вынесенные за пределы представлений о социальной норме в пределах остального города, но и в том, что подобные локальности мыслились как места без настоящего: у них не было прошлого, не было и будущего. Подобные места стали пространством поиска языка описания пограничного состояния «постсоветских» городов в целом.

Произошло переопределение «мигрантского» маркирования: постепенно вместо групповой принадлежности оно стало означать фронтирную зону.

Р. А. Абдуманапов
(Томск, Россия)

**О характере транснациональных связей киргизской диаспоры
России с Кыргызстаном¹**

Начало XXI в. характеризуется процессами формирования обширной диаспоры киргизов в Российской Федерации. При этом ей присущи практически все свойства классических диаспор. К примеру, вынужденный характер переселения связан с тяжелой экономической ситуацией в Кыргызстане; диаспора поддерживает тесные связи с территорией происхождения; ее также характеризуют определенная замкнутость, помогающая сохранять коллективное самосознание: присутствует установка на последующее возвращение на родину – по крайней мере у первого поколения; для нее характерны идеализация прошлого и коллективная приверженность мифам о родине, обуславливающие стремление к её сохранению, процветанию, безопасности, восстановлению.

В настоящее время этап становления киргизских диаспор сменяется этапом трансформации традиционных форм самоорганизации национальных сообществ в виде землячеств, национально-культурных сообществ в новые организационные структуры в форме общероссийских или международных конгрессов, съездов. К примеру, в 2006 и 2012 гг. были проведены Всероссийские киргизские конгрессы, а в феврале 2017 г. была официально зарегистрирована Общероссийская общественная организация содействия изучению культурно-исторического наследия «Диалог цивилизаций “Кыргызский конгресс”».

В то же время диаспора становится субъектом политических процессов, являясь связующим звеном в межнациональных и международных взаимоотношениях России и Кыргызстана. Киргизскую, как и любую другую диаспору России, отличают

¹ Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

«представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связях, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» (Тишков, 2000: 50). Кроме того, тесные связи киргизских диаспор с Кыргызстаном очень точно характеризуют их как «транснациональное сообщество мигрантов, поддерживающее материальные и эмоциональные связи с территорией (страной) происхождения и одновременно адаптирующееся к ограничениям и возможностям принимающего общества» (Esman, 2009: 19–20). При этом «коммуникации типа “диаспора – историческая родина” включают все виды связей и взаимодействий» (Мыльников, 2008: 44).

Есть множество примеров различных связей киргизской диаспоры России с исторической родиной.

Одним из таких примеров является совместный проект Общероссийского киргизского конгресса и Программы развития ООН в России по реализации устойчивого развития сел в Кыргызской Республике – «Программа по интегрированному развитию Ошской области».

Значимость проекта подчеркивается составом партнеров: Министерства экономики КР, Министерства чрезвычайных ситуаций КР, Аппарата Полномочного представительства Правительства КР в Ошской области, районных государственных администраций, органов местного самоуправления, бизнес-ассоциаций, гражданского общества. В рамках этих мероприятий будут поддержаны различные проекты по ремонту или строительству сельских школ, детских садов, медпунктов, мостов, каналов, спорткомплексов, систем водоснабжения, энергоснабжения, освещения улиц и т.д.

Географические рамки проекта охватывают порядка 30 сел из 17 айылных аймаков Кара-Кулжинского, Ноокатского и Узгенского районов Ошской области (101 567 человек, 8% от общего населения Ошской области). Бюджет программы: 3,5 млн долл. США.

Важным является тот момент, что в программе задействуются многочисленные киргизские диаспоры регионов России, которые совместно с сельскими администрациями выступают инициаторами проектов.

22 мая 2018 г. в Москве состоялся Первый форум сельских общин «Айылыбызга жардам беребиз» (с киргизского: «Поможем нашим селам». – *Р.А.*), в котором приняли участие представители региональных отделений Общероссийского киргизского конгресса,

сотрудники ПРООН в России, а также представители сельских советов Кыргызской Республики. На форуме были подведены предварительные итоги программы, проведены рабочие встречи по вариантам оформления заявок и отчетов. В рамках форума прошло заседание региональных отделений Общероссийского кыргызского конгресса, на котором обсуждались вопросы работы ОКК.

Тем самым очевиден тренд развития общероссийской киргизской организации, нацеленной не только на развитие киргизских диаспор в российских регионах, но и на плодотворное сотрудничество со страной исхода – Кыргызской Республикой.

Литература

1. *Мыльников М. А.* Современные диаспоры в глобальном коммуникационном пространстве // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 44–55.

2. *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.

3. *Esman M. J.* *Diasporas in the contemporary world.* Polity Press, 2009 (цит. по: *Лошкарёв И. Д.* Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО. 2015. № 2(41). С. 129).

О. В. Головашина
(Тамбов, Россия)

Культурная память и стратегии интеграции участников Программы переселения соотечественников

В течение 2015 г. на материалах Тамбовской области проводилось исследование коммеморативных стратегий и изменений образов культурной памяти мигрантов-участников Программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. В соответствии с идеями Дж. Олика под культурной памятью в данном исследовании понимается некая совокупность различных социальных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца (Олик, 2012), причем большое значение в динамике образов прошлого имеют “медиальные” рамки (Erlil, Rigny, 2009: 2). При проведении

исследования использовались также идеи К. Вульфа, Т. Шацки, М. де Серто и др.

Источниками для работы послужили результаты 18 глубинных интервью с переселенцами, проживающими на территории Тамбовской области в течение 4–5 лет и уже получившими российское гражданство. В докладе будет сделан акцент на методологических проблемах исследования. Предварительный анализ показал, что полученных при помощи интервью данных недостаточно для репрезентативных выводов. Как правило, образы, процессы культурной памяти не осознаются мигрантами и плохо ими вербализируются, к тому же большинство переселенцев использовали в речи готовые конструкции из роликов и буклетов, пропагандирующих участие в Программе, озвучивали данные, которые противоречили информации из других источников. Поэтому в исследовании использовались также результаты анализа френдзоны страниц переселенцев в различных социальных сетях (всего 28 страниц) и данные ассоциативного эксперимента с использованием визуальных посредников (Головашина, 2015), который позволил проводить исследование в виде неформальной «игры».

Результаты. Участники Программы переселения соотечественников стремятся к ассимиляции, культивируя новую идентичность, что приводит к сознательным практикам забвения и «изобретению традиций». Возможные риски как для принимающего сообщества, так и для соотечественников связаны с автобиографической памятью мигрантов и реакцией окружающих на переселенцев как на «приезжих», «чужих». Отдельные сложности связаны с интеграцией подростков.

Литература

1. *ErlI A., Rigny A.* Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* / ed. by Astrid ErlI, Ann Rigney. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 1–14.
2. *Головашина О. В.* Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // *Социологические исследования*. 2015. № 7. С. 64–71.
3. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

В. С. Малахов
(Москва, Россия)

Политическое измерение культурного разнообразия

В докладе обсуждается проблематика социальной организации и политической аккомодации культурного разнообразия. Автор сначала обращается к вопросу о языке и религии как главных предметов политического оспаривания на протяжении 19–20-го столетий и о том, почему фокус политического оспаривания в начале XXI в. сместился с языка на религию. Затем он переходит к обзору академических дискуссий вокруг влияния иммиграции на публичную сферу. В заключение затрагивается вопрос об изменении функций религии в современных обществах и о роли ислама в контексте религиозного «ривайвелизма».

А. В. Овчинников
(Липецк, Россия)

Практики анализа «миграционной проблемы» как часть этой проблемы (по материалам изучения культурной памяти «коренного населения» и мигрантов г. Казани)¹

В докладе представлена попытка деконструкции количественно преобладающих в отечественной науке практик описания ситуаций миграций, взаимодействия диаспор мигрантов с местным населением и роли в этих процессах образов культурной памяти. Главная проблема заявленного анализа состоит в выяснении степени влияния объяснительных схем на многомерную реальность «миграционной проблемы», частью которой становятся сами попытки объяснения. Изучение типичных образчиков российской научной литературы, публицистики и сообщений СМИ позволяет сделать вывод о господ-

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149 «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации»).

стве примордиального подхода, который склонен находить эссенциальные основы в динамичной эмпирике «живого» полевого материала. Нередко видимые только исследователям «сущностные» различия между так называемыми «менталитетами», «цивилизациями» и «культурами» ведут к усложнению «миграционной проблемы» и наполнению ее, как мне кажется, излишней эмоциональностью. Образы «взаимодействующих» самобытных национальных культур опасны потенциальной символической сегрегацией и конфликтогенностью.

Подобные гносеологические рамки – порождение современного дискурса, который превалирует на большей части постсоветского академического пространства. Эссенциальный этнонационализм по факту является частью государственной идеологии, которая, подобно мифу, описывает миропорядок и находит в нем каждому человеку и социальной группе «свое место». Так как миф по своей форме является протекающим во времени повествованием, то в этнически ориентированной картине мира прошлому отводится решающая роль.

Отечественный дискурс осмысления миграций во многом основан на образах прошлого, именно в нем находят обоснование сложности взаимодействий «местных» и «пришлых». «Высокая» интеллектуальная традиция рисует каждой этнической группе свою версию прошлого, главным действующим лицом в этом прошлом выступает народ, который, за очень редким исключением, территориально ограничен своей «родной» землей, что априори делает «чужими» мигрантов, у которых есть своё прошлое и своя «родная» земля. Выработанными только в эпоху модерна шаблонами стремятся объяснять реалии социумов, которые вполне можно назвать (пост)традиционными. Известно, что для традиционных сообществ понятий государственной границы, единого языка, общих истории и культуры не существовало, а осмысление мироустройства прежде всего этнокультурными факторами было далеко не на первом месте. Фронт миграционных передвижений не грозил глобальными социально-экономическими потрясениями, «пришлого» население относительно быстро инкорпорировалось в «принимающую» среду, а груз академических национальных историй не конструировал двух параллельных реальностей.

Анализ результатов включенного наблюдения и анкетирования жителей г. Казани по проблемам диффузии образов культурной памяти (899 человек «коренных» и 89 мигрантов разных возрастных групп) позволяет утверждать о сосуществовании (пост-)традиционных реалий относительно быстрой инкорпорации мигрантов в принимающее сообщество и объективно препятствующих этому процессу официальных интерпретационных моделей.

Ю. В. Попков
(Новосибирск, Россия)

Меняет ли миграция этнокультурное многообразие регионов Сибири?

Миграционные процессы приобрели глобальный характер, оказывая значимое воздействие не только на общемировое развитие, но и развитие регионов. Одним из очевидных последствий миграции является усложнение этнокультурного ландшафта многих сибирских регионов. В то же время использование количественных методик измерения этнокультурного разнообразия дает основание для оценок, диссонирующих с реально наблюдаемыми фактами. Так, проведенный новосибирскими экономистами анализ этнической структуры регионов Сибири с помощью индексов неоднородности и поляризации позволил авторам сделать вывод о том, что иммиграционные потоки в данный регион в последнее время не привели «к более разнообразному этническому составу» (Буфетова, Коломак, Хржановская, 2018: 42). Аналогичные оценки делают и некоторые этнологи.

Как представляется, для достоверных выводов о состоянии и тенденциях изменения этнокультурного разнообразия недостаточно чисто количественных методик. Их ограниченность видится в том, что они, во-первых, опираются на исключительно субъективные показатели идентичности (личные оценки национальной принадлежности, которые порой бывают контекстуальными), во-вторых, в качестве исходной базы для расчетов берется не общее число людей, принявших участие в переписи населения, а только указавших свою национальную принадлежность, следовательно, не указавшие на-

циональность полностью «выпадают» из анализа (а таковых в России оказалось по итогам переписи 2010 г. более 5,6 млн человек).

Решение зафиксированной проблемной ситуации видится в более точных процедурах и совершенствовании количественных оценок, а также в использовании качественных методов анализа, позволяющих учитывать не только субъективные представления людей, но и реальные этнокультурные практики в различающихся моделях поведения и образа жизни представителей разных этнических групп. Диагностика и учет реального этнокультурного разнообразия предполагают выработку более сложных механизмов управления, чем это имеет место в гомогенных сообществах.

Литература

1. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Хржановская А.А. Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири // ЭКО. 2018. № 5. С. 28–44.

И. С. Савин
(Москва, Россия)

Российская идентичность и трудовые мигранты

В докладе предполагается рассмотреть комплекс представлений, практик, ожиданий, связанных с российской идентичностью у трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, работающих или работавших в России. Рассматриваются разные грани идентичности: от разных оттенков чувства сопринадлежности до утилитарного использования оформления гражданства РФ. Тем более, что четкую границу между разными мотивациями связей с Россией трудно провести.

Многие мигранты живут в «маятниковом» режиме вне зависимости от паспорта. Для некоторых «утилитарное» гражданство становится постепенно прочувствованным, есть и те, для которых факт гражданства остается незначительным моментом в собственной биографии. Встречаются и те, кто сознательно хотел стать гражданином России еще на родине, исходя из предпочтений родителей, и сознательно реализует свои планы. Мнения мигрантов реконструируются

на основе нескольких десятках интервью, взятых автором в Москве, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане в период 2016–2018 гг.

Е. И. Филиппова
(Москва, Россия)

**Международные миграции начала XXI века в Европе:
новые сюжеты, новые подходы, новый язык**

К началу XXI в. под действием процессов глобализации старый как мир феномен международных миграций стал приобретать новые черты, что привело к возникновению в Европе качественно новой и чрезвычайной миграционной ситуации – массового притока людей, преимущественно с африканского континента, апогеем которого стал «миграционный кризис» 2015 г. Он обострил и проявил другие кризисы: кризис европейских институтов, не способных выработать согласованную и солидарную стратегию действий; кризис национального государства, чей ослабленный суверенитет и пошатнувшаяся идентичность пытаются укрыться за наспех возводимыми стенами и ограждениями из колючей проволоки; кризис общества – общества риска (У. Бек), озабоченного собственной безопасностью и уставшего реагировать на чужие страдания; наконец, кризис понимания и осмысления новой реальности, плохо описываемой с помощью привычных терминов (мигранты / иммигранты, трудовые мигранты, беженцы, нелегалы, иностранцы) и в рамках прежних концепций (интеграция, ассимиляция, плавильный котел, мультикультурализм), построенных на фундаменте методологического национализма (У. Бек) и методологического этнизма (М. Ажье).

В этой ситуации единственное, что может и должно предложить научное сообщество, – это не готовые решения, а эпистемологические рамки: как описывать современные миграции и современных мигрантов. Любому действию в этой сфере должны предшествовать глубокий и всесторонний анализ, поиск новых слов и новых смыслов происходящего.

Мы рассмотрим некоторые темы, термины и концепты, предложенные в последние годы французскими учеными, среди которых *центральность границ*, превращающихся в *пограничные зоны*, появ-

ление *людей-границ* (бродяг, метеков и париев – в терминологии М. Ажъе), новые формы *биополитики* (спасение жизни терпящих бедствие и их последующая депортация или содержание в миграционных центрах), разновидности *космополитизма*, формы *гостеприимства* и их эволюция, *де-идентификация* и *де-персонализация* мигрантов, проблема *незавершенности* миграционного акта: растянутость во времени, отсутствие нормального жилья, постоянной работы, неопределенность юридического статуса, появление *новых кочевников*. Мы также сопоставим проблемы, которые занимают ученых с теми, на которых акцентируют внимание политики (иммиграция как способ борьбы со старением населения и как угроза национальной идентичности и даже национальной безопасности, «климатические миграции» и т.п.).

Ю. Н. Цыряпкина
(Барнаул, Россия)

Идентификация «русских» в постсоветском Узбекистане: «местные» или «пришлые»?

В докладе делается акцент на антропологическое исследование идентичности «русских» в Узбекистане в условиях «национализирующегося» государства. Несмотря на тот факт, что проблема русского / русскоязычного населения широко обсуждалась научным сообществом в 1990–2000-е гг., все немногочисленные работы по Узбекистану, посвященные «русским», перемещаются в этнополитическую плоскость. В последние 20–30 лет не публикуются этнографические / антропологические работы об обрядах жизненного цикла русского населения Узбекистана, динамике их культурных и религиозных традиций. Отчасти это связано с тем, что русские в Узбекистане навряд ли представляют гомогенное этническое образование, их чаще включают в группу русскоязычного населения, куда вместе с русскими входят татары, корейцы, немцы, евреи и часть коренного населения республики (Абдуллаев, 2007: 18). Суверенизация в Узбекистане породила огромный исследовательский интерес к культуре и традициям титульного населения – узбеков. Русские как особая этнокультурная группа узбекского общества оставались в

тени, хотя по всеобщему признанию русские / русскоязычные в Узбекистане, несмотря на значительный миграционный отток, по-прежнему составляют достаточно серьезный интеллектуальный, культурный и экономический потенциал.

Исследование базируется на обширной эмпирической базе, собранной в течение 2012–2015 гг. в Республике Узбекистан. Всего было опрошено около 60 респондентов в таких городах, как Ташкент, Ангрен, Алмалык, Фергана.

Используя данные полевых исследований, автор доклада стремится выявить идентификационные и этнокультурные особенности «русских» Узбекистана, которые, с одной стороны, являются частью местной социокультурной среды. Идентификационные маркеры «русских» в последнее 20-летие стремительно размываются, особенно у выходцев из смешанных браков, и подстраиваются под стандарты коренного населения. С другой стороны, результаты интервьюирования «русских» показывают, что они самоотождествляют себя с «пришлым» населением, которое Н.П. Космарская образно называет «дети империи» (Космарская, 2006). Наиболее прочной основой идентификации «русских» служат владение русским языком и европейская идентичность.

Литература

1. *Абдуллаев Е.В.* Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Русский мир в Центральной Азии: сб. матер. и ст. / под общ. ред. А.А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 9–33.

2. *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006.

К. Б. Воронцова
(Новокузнецк, Россия)

Восприятие пространства и времени: случай маятниковой миграции студентов

Тема маятниковой миграции в исследовательских работах обычно фигурирует в экономическом или трудовом контекстах. Повседневная жизнь части студенчества Новокузнецка включает маятниковую миграцию – регулярные поездки от дома до места учебы с ежедневной или еженедельной периодичностью. Проводя много времени в транспорте, совершая систематические передвижения на дальние расстояния, субъект миграции меняет восприятие пространственно-временных границ значимых населенных пунктов, времени дороги и промежутков между дорожными позициями. Предмет доклада – влияние маятниковой миграции на изменение восприятия пространства и времени: как пребывание в дороге, в движении изменяет топологию местности и схемы восприятия городов? Как субъекты размеряют и описывают время в пути? Как их «путевая» жизнь влияет на восприятие *дороги* и расстояний в других случаях?

Актуальность темы обусловлена, во-первых, необходимостью изучения процесса маятниковой миграции как таковой, как процесса курсирования между позициями; во-вторых, тем, что в принципиально изменяющей облики и функции городов современности становится важным прояснить механизмы и результаты массовых повседневных и регулярных перемещений.

Теоретическая база исследования строится на работах представителей ситуационизма – А. Лефевра, М. де Серто. В исследовательский кейс вошли практики миграций студентов вузов Новокузнецка, проживающих в городах юга Кузбасса. Эмпирическая база исследования – интервью и данные проективных методик, ставшие основой математического моделирования семантических пространств.

Литература

1. *Де Серто М.* По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–38.
2. *Лефевр А.* Производство пространства // Социологическое обозрение. 2008. Т. 2, № 3. С. 27–29.

Л. В. Дериглазова
(Томск, Россия)

Идентичность мобильных молодых ученых России и Европы: опыт транснационального погружения

Несмотря на ухудшение отношений между Россией и странами Европейского союза в последние пять лет, поток студентов из России в страны ЕС и из стран ЕС в Россию не уменьшился. Согласно отчету «Европейского пространства высшего образования» за 2018 г., Россия входит в четверку стран, куда приезжает наибольшее количество студентов из европейских стран (почти 69 тыс. студентов), и занимает пятое место по количеству мобильных российских студентов в европейские страны (около 42 тыс. студентов). Феномен международной молодежной академической активности и ее влияние на идентичность молодых ученых становится объектом исследований ученых, как Европы, так и России. ТГУ является участником международной академической мобильности, и здесь несколько лет назад был инициирован проект по изучению идентичности европейских и российских молодых ученых, которые принимали участие в академической мобильности. Целью исследования было выявление того, как международная мобильность влияет на самовосприятие ученых, страны их происхождения и принимающей страны (региона) в контексте европейской идентичности.

Главной гипотезой нашего исследования является предположение о том, что встречное изучение студентов из Европы и российских студентов, имеющих сходный опыт обучения, может помочь выявить схожие и различающиеся мотивы, проблемы и результаты международной академической мобильности, которые могут быть интерпретированы в терминах объективных и субъективных факторов. Нам важно понять, почему люди ехали учиться за границу, ка-

кие возможности использовали и что они получили, оправдались ли их ожидания, и отразилось ли это на их профессиональном статусе.

Исследование проводилось качественными методами: личные интервью, фокус-группы и самостоятельное заполнение типовой анкеты с открытыми стандартными вопросами, по которым также велось интервью. Результативная часть исследования с российскими респондентами была представлена на АТФ в 2016 г. на международной конференции в Воронеже и опубликована в виде статьи в 2017 г. В рамках данного доклада будут представлены результаты исследования взглядов европейских молодых ученых, имеющих опыт продолжительного нахождения в России.

Е. Ю. Кошелева, Е. И. Самофалова
(Томск, Россия)

Возможные предпосылки возникновения межнациональных конфликтов в молодежной мультикультурной среде¹

С точки зрения исторической перспективы, Россия на данный момент находится на переходном кризисном этапе своего развития. Авторы солидарны с устоявшейся в науке точкой зрения о том, что угроза распространения в молодежной среде нелегальных политических практик, экстремизма, радикализма, терроризма в этот период значительно возрастает в силу социальных характеристик и остроты восприятия окружающей действительности данной группой.

Студенчество – одна из наиболее подвижных страт общества, подверженных влиянию СМИ, обладающая радикальными взглядами на состояние социума в силу возрастных поведенческих особенностей. Однако четкого комплекса мер для выстраивания системного подхода к выявлению предпосылок для возможного роста межнациональных конфликтов до сих пор не сформулировано.

Для выяснения основных аспектов данной проблематики в 2016–2017 гг. было проведено масштабное социологическое исследование

¹ Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ и гранта РФФИ № 18-49-700003.

среди студентов Томского политехнического университета в области этнических и межконфессиональных отношений, этнической и религиозной самоидентификации, общих установок на толерантность; определения общих моральных ценностей. Целью исследования являлось изучение общего мнения студентов по поводу этнических и межконфессиональных отношений, а также выявление возможных оснований для экстремистских проявлений. Среди использованных методов – количественный и качественный анализ формализованной анкеты-опросника, размещенной на сайте ТПУ.

Опрос проводился среди студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры всех лет обучения. По представленным данным статистического отчета объем выборки составил 8 997 человек. В соответствии с правилами расчета вероятностной выборки по профилям подготовки выборочная совокупность составила 368 человек.

Полученные результаты и практическое значение проведенного социологического исследования позволяют найти ключи к решению долгосрочных задач по реализации государственной молодежной политики; содействуют эффективной практике работы со студенческой молодежью и вовлечению студентов в мероприятия по профилактике экстремизма и терроризма; способствуют предупреждению фактов националистического и / или религиозного экстремизма среди студентов, укреплению культуры межнационального общения.

Н. П. Погодаев
(Томск, Россия)

Формирование трансграничного общества выходцами из Таджикистана: образовательная миграция и бизнес в России

Основными составляющими иммиграции из Таджикистана в Россию на протяжении последних двух десятков лет стали приток таджиков на российский рынок труда и в высшие учебные заведения. Оба этих потока являются ресурсами для формирования трансграничного общества. Образовательные ресурсы этого феномена связаны с темпорально-топологическими характеристиками культурного и символического капитала молодых таджиков, получающих образование в российских университетах, а также в Универси-

тете Центральной Азии в Хороге (Принц Ага Хан IV..., 2017:1). На пути развития образовательной миграции стоит проблема, с одной стороны, ухудшения качества образования в Таджикистане, с другой – возросших требований к уровню подготовки таджикской молодежи, поступающей в российские университеты. Руководство двух государств пытается решить это противоречие с помощью рекрутинга российских учителей для работы в школах Таджикистана (Гайсина, 2017: 1).

Методологической основой анализа формирования культурного и символического капитала молодых выходцев из Таджикистана выступают работы французского социолога Пьера Бурдьё (Бурдьё, 2007: 30–241). Значимым элементом трансграничного общества являются и таджикские предприниматели в России. Поколения мигрантов из Таджикистана будут формировать слой «новых русских азиатов», являющихся акторами трансграничного общества. Последнее возникает не просто в процессе взаимодействия двух стран, а в процессе «разделения» индивидом себя между homeland и hostland – страной происхождения и страной проживания (Бредникова, Ткач, 2010: 79).

Литература

1. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Визит Президента РФ В. Путина в Республику Таджикистан (подборка статей) // Центральноазиатский портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:33395> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Гайсина Л. Зачем в Таджикистан приехали российские учителя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:37565> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Принц Ага-Хан IV встретился с главой МИД России Сергеем Лавровым [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.sputnik-tj.com/russia/20170420/1022111837/aga-khan-iv-vstretilsya-s-sergeyem-lavrovym.html> (дата обращения: 20.11.2017).

Е. И. Самофалова
(Томск, Россия)

Тенденции развития образовательной миграции в России на фоне общемировых трендов

Образовательная миграция в мире занимает на данный момент около 15–20% от общего потока. При этом в обществе сложилась парадоксальная ситуация: благодаря неизбежным глобализационным процессам элитное высшее образование перестало считаться прерогативой исключительно европейских студентов. Рост заявлений в университеты США, Великобритании и Евросоюза считается беспрецедентным за всю историю государственности; по самым приблизительным прогнозам ЮНЕСКО, к 2025 г. общее количество студентов возрастет до 250 млн, 6–7 млн из них будут образовательными мигрантами (ЮНЕСКО: онлайн-карта данных международной студенческой мобильности: <http://education-events.ru/2014/05/16/uis-unesco-international-student-flow/>). Россия на данном этапе своего развития охватывает всего 3% от общего числа образовательных мигрантов, в самой стране они составляют от 3 до 4,5% от общего числа студентов в зависимости от источника информации.

Основные тенденции развития международной образовательной миграции следующие: высокая концентрация; глобализация (в последнее время идет смещение в сторону Азии); мультикультурализм; гетерогенность; растущее взаимовлияние на миграцию политических и экономических процессов в развитых странах, являющихся основными реципиентами для образовательных мигрантов. В этой связи Концепция миграционной политики России, утвержденная в 2012 г. (подробнее см.: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/>), к сожалению, не смогла полностью указать необходимые условия для развития образовательной миграции. Исходя из анализа литературы и статистических источников по теме, возможно выделить несколько основных проблем в данной среде:

- общее снижение привлекательности России с точки зрения образовательной миграции в связи с политическими тенденциями последнего десятилетия;

- миграционный отток молодежи и отечественных специалистов за границу, что приводит к качественному ухудшению рынка труда и рабочей силы, а также возможностей для инновационного развития страны;
- отсутствие инфраструктуры, приемлемой для обеспечения большого потока образовательных мигрантов;
- антимиграционные настроения в обществе;
- отсутствие качественных государственных мер и стандартов по регулированию и обеспечению миграционных образовательных потоков;
- проблемы педагогического, психологического и методического характера в среде образовательных мигрантов.

СИМПОЗИУМ 2

АНТРОПОЛОГИЯ ГЛУБОКОГО КОСМОСА

Панель 1: **ANTHROPOLOGY OF NEAR EARTH TECHNOLOGIES**

А. П. Дворецкая, А. Е. Павлов
(Красноярск, Россия)

Жизнеобеспечение человека в космосе (на примере красноярского эксперимента «Биос»)

В статье на основе периодической печати и интервью рассматривается развитие красноярской науки, а также анализируется вклад красноярских физиков и биофизиков в изучение космоса.

Как указывает в своем интервью академик И.И. Гительзон, уже на заре освоения космоса возникла проблема – человек может выйти за пределы Земли, но не может жить там. Первые полеты в космос, включая Гагарина, осуществлялись с помощью земных ресурсов. Кислород, вода, пища – это все было с Земли. До сих пор большие вопросы вызывает готовность человека выйти в космос и длительное время жить там – человеку необходима пища, нужно воссоздать комфортную для него среду.

Именно поэтому необходимо вспомнить опыт прошлого – красноярский эксперимент «Биос» (1–3). Таким было название программы и экспериментального комплекса Красноярского института биофизики, моделирующего замкнутую экосистему жизнеобеспечения человека с автономным управлением. Система разрабатывалась для жизни человека в космосе, но отдельные её элементы применимы и сейчас для жизни в экстремальных условиях полярных широт, пустынь, высокогорья, подводных работ.

На примере красноярского эксперимента «Биос» (1–3) авторы анализируют историю создания и развития моделирующей замкнутой экосистемы жизнеобеспечения человека с автономным управле-

нием. Система разрабатывалась для жизни человека в космосе, имела автономную систему регенерации и позволяла обеспечить человека жизненно важными продуктами для длительных полетов и постоянных космических станций.

Строительство системы «Биос-3» завершилось к 1972 г. Ровно месяц провели исследователи в герметичной камере – в подвале института построили герметичное помещение размерами 14x9x2,5 м и объёмом около 3 155 куб. м. Корпус разделили на четыре равных отсека, два из которых были заняты фитотронами, один – микродорослевыми культиваторами, а в жилом располагались каюты экипажа, бытовое и вспомогательное оборудование. Здесь было проведено 10 экспериментов с экипажами от одного до трёх человек. Самый продолжительный шёл 180 дней. Удалось достичь полного замыкания системы по газу и воде, обеспечить до 80% потребностей экипажа в пище.

Авторы вслед за академиком И. И. Гительзоном делают вывод, что отдельные её элементы применимы и сейчас для жизни в экстремальных условиях полярных широт, пустынь, высокогорья, подводных работ.

Д. Ю. Сивков
(Москва, Россия)

Освоение космоса в домашних условиях

В своей презентации я представлю этнографическое исследование российских непрофессионалов, в домашних условиях занимающихся освоением космоса.

Исследование проведено на пересечении двух подходов. Один из них можно условно назвать «антропологией будущего». Здесь акцент делается на маргинальных практиках настоящего, которые могут стать магистральными практиками выживания в ближайшем будущем.

Другой подход – этнографические исследования локального космоса и космонавтики в STS. Здесь глобальный космос, как считается, осваивается земным через оптику знакомых земных мест и местные политические проблемы.

Освоение космоса в домашних условиях представлено тремя кейсами: запуск командой энтузиастов спутника «Маяк», запуск мышенавтов в стратосферу и изготовление скафандров. Акцент в презентации будет сделан на технологических изобретениях, командной работе и перформативных аспектах домашней космонавтики.

I. Tchalakov

(Plovdiv, Bulgaria; Tomsk, Russia)

**Anthropology of "lost" technologies: endurance, symbiosis
and recreation of the art of building reusable rockets**

The presentation discusses the problem of embodied knowledge in modern rocket engine technologies, focusing on situations of gaining and communicating new knowledge and skills in scientific and engineering communities. Interesting enough, and at odd with mass spread views about the 'objectivity' of modern science-based engineering, it represents a case of 'lost' knowledge and skills in building reusable rocket engines and the efforts of small team of New Space entrepreneurs to recreate them against the established commonsense of the rocket community.

Bringing resources from different thinkers (M. Merleau-Ponty, E. Levinas, A. Hennion, and L. Boltanski), the presentation trace how the lasting relationships are developed between human actors and their material environment. Based on Actor-Network Theory view on such situations as agonistic field of 'trial of strength', the paper departs from it in a tentative attempt to develop a non-agonistic approach in studying such situations and to frame the entrepreneurs' behavioral patterns in terms of *endurance* and *persistence*. In the presentation I claim (and provide tentative evidences) that an important part of what is going on there does not manifests itself and remains unaccounted for the traditional semiotic and discursive methods of study. The question how to open such situations for empirical observation of such phenomena is raised - passivity and endurance of human actors, inter-corporeality, and reflexivity of objects that have been only theoretically accessible till now.

Панель 2: DOMESTICATING OUTER SPACE: CASE STUDIES IN PHILOSOPHY AND HISTORY

А. И. Ермолова
(Томск, Россия)

Он сказал: «Поехали!» – космос в детском пространстве советского Томска

Покорение человеком космоса стало одним из знаковых событий XX в. и по своей значимости уступает, пожалуй, только победе в Великой Отечественной войне. Космонавты стали настоящими героями своей эпохи, а космическая тема проникает даже в повседневные практики советских людей: новорожденных мальчиков называют Юрой в честь Гагарина, дизайн домов и бытовых предметов напоминает космические корабли.

Начиная с 1957 г. космос все больше наполнял собой пространство повседневной жизни детей, будь то лестницы для лазания в форме ракеты на игровых площадках, самодельные макеты ракет в школьных классах, «сокровища» детских коллекций – почтовые марки, значки и выпелы с космической тематикой (Коновалова, 2010: 81).

В докладе попытаемся порассуждать на тему того, как космос «конструируется» на Земле, а именно как «космическая» тема воссоздавалась в городских пространствах детства советского Томска. Хронологически мы ограничиваемся периодами 60–70-х гг., время, когда космос был одной из центральных тем в общественно-политическом дискурсе страны. В исследовании используются такие региональные источники, как фотоархив Центра документации новейшей истории Томской области, материалы городских СМИ, личные фото горожан.

Литература

1. Коновалова Л.В. Стану Гагариным, когда подрасту! Культ космоса во властных практиках и восприятии детей в конце 1950–1960-е годы // Вестник ЧелГУ. 2010. № 15 (196): История. Вып. 40. С. 80–87.

Е. В. Кучинов
(Нижний Новгород, Россия)

Анархистская «антропология» космоса: техноутопизм и хакинг

0. Слово «антропология» заключено в кавычки по причине того, что ниже речь пойдет скорее о «нечеловеческом»: о ксенологии и технике.

1. Русский анархизм первой четверти XX в. поставил несколько важных проблем: проблема выхода в космос, проблема космического языка, проблема утопического воображения, «несоотнесенность» мира, проблема технической изобретательности и «Земли как технического объекта». В трудах пананархистов братьев Гординых, биокосмистов Александра Святогора и Александра Ярославского даются интерпретации и решения этих вопросов.

2. Анархистское утопическое воображение, в отличие от научной и экстранаучной (Meillassoux, 2015) фантастики, имеющей «марксистское» происхождение в переходе от утопии к науке (Энгельс, 1880), располагается на иной генеалогической линии, которая характеризуется изначальным политическим подозрением относительно науки (Бакунин, 1989). На этой линии складывается интерес к (противопоставленной науке) технике, проявленный в пананархических утопиях начала XX в. (Гордины, 1919а).

3. Братья Гордины, поставившие в начале XX в. проблему «морфизма», разрабатывают в своих текстах (Гордины, 1919б) политическую онтологию «несоотнесенности», в которой ключевая роль отводится технике. Идеи братьев Гординых могут быть прочитаны как радикальное бергсонизанство, что позволяет сблизить их с иными бергсонизанцами XX в. (в первую очередь, с Жильбером Симондоном и Жилем Делезом). Техника понимается ими не как объект, имеющий определенную форму (и не как форма, накладывающаяся на материю), техника – это не проекция; также она не исчерпывается в инструментальности. Братья Гордины понимают технику как операцию, как медиум изменения.

4. Братья Гордины и их (неверные) последователи (биокосмисты) специфическим образом отвечают на вопрос о выходе в космос: он возможен через техническую анархию, которая

включает: био- и геохакинг (взлом тела, выход за границы вида, и взлом Земли, ее становление техникой) и «всеизобретательство». Примеры практического осуществления ТА: поэтические и диетологические эксперименты, социотехника, всеизобретательный язык АО.

Литература

1. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989.
2. *Бр. Гордины.* Страна Анархия. М., 1919а.
3. *Бр. Гордины.* Социомагия и социотехника. М., 1919б.
4. *Meillassoux Q.* Science Fiction and Extro-Science Fiction. Minneapolis, 2015.
5. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., М., 1961.

А. А. Маляр
(Новокузнецк, Россия)

Устройства видимости: архитектура Вселенной в научно-популярных материалах

Современные космологические исследования увеличивают разрыв между получаемым знанием и формами его представления обществу (Reuquet, 2002: 127–128); как следствие, затрудняется социальная валидизация знания.

Так, документальная фото- или видеосъемка космических объектов, популярная в середине XX в., полностью или частично заменяется художественными продуктами (панорамные и колорированные космические фотоснимки, схематические изображения субатомных частиц, видеомодели Большого взрыва и т.д.), так как научные факты лежат вне пределов человеческого восприятия, даже протезированного технологически, а научные гипотезы испытывают границы человеческого воображения как идея многомерности физических пространств, струнная теория материи, модель голографической Вселенной.

Тема доклада – способы представления современных космологических воззрений в научно-популярных источниках; хронологиче-

ская область охватывает русскоязычные материалы нач. 1960-х – нач. XXI в., рассчитанные на массового читателя.

Доклад фокусируется на следующих аспектах. Во-первых, семиотика космологического знания имеет уровневую структуру – от дешифровки физических сигналов экспериментальных данных до формирования визуальных канонов outer space, предстающих взгляду обывателя. Важность *видимости* как нарративного императива коррелирует с особым статусом объектов *не-видимого* – чёрных дыр, тёмной материи, пространственно-временных «нор».

Во-вторых, мы сосредоточили настоящее исследование на топологии Вселенной, её границах и форме, моделируемой от микрочастиц до multiverse, и их артикуляции посредством иконографии или визуальных метафор речи.

В-третьих, динамика материалов позволит проследить, как сменялись ключевые космологические метафоры, какими культурными нарративами они могли быть инспирированы и как, в свою очередь, формировали фантазматический cosmic sublime (Dick, 2012; Eisfeld, 2012).

Литература

1. Dick S. J. Space, Time and Aliens: The Role of Imagination in Outer Space // *Imagining Outer Space: European Astroculture in the Twentieth Century* / ed. by Geppert A. C. T. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012. P. 31–50.

2. Eisfeld R. Projecting Landscapes of The Human Mind onto Another World // *Imagining Outer Space: European Astroculture in the Twentieth Century* / ed. by A. C. T. Geppert. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012. P. 97–116.

3. *Peuquet D. Representations of Space and Time. Guildord Press, 2002.*

И. Г. Поправко
(Томск, Россия)

Комплексная самодеятельная экспедиция по изучению Тунгусского метеорита (КСЭ): поиски альтернативных форм социальности глубокого космоса в недрах советской науки

Мое выступление будет построено вокруг следующих двух пунктов: 1) проблемы воображения – как мыслилась и конструиро-

валась некая трансцендентность – через практики исследования ТМ – в поле, в лабораториях, во время дискуссий; 2) КСЭ как уникальный феномен в науке советского времени, построенный исключительно на энтузиазме, преданном служении идее, и полной самоорганизации человеческого сообщества.

В своем докладе я намерена рассмотреть проблему воображения и особых форм организации научных коллективов на примере комплексной самостоятельной экспедиции по изучению Тунгусского метеорита (КСЭ), организованную томскими физиками в конце 1950-х гг. КСЭ была неформальной организацией единомышленников, увлеченных проблемой Тунгусского метеорита, и включала в себя людей, как связанных с наукой, так и просто энтузиастов – в разные годы в ее состав входили физики, ботаники, почвоведы и др. Эта группа ученых (и не только) каждый год организовывала экспедиции в место предполагаемого падения ТМ, собирала там образцы почв и другие материалы, отправляла их на анализ в лаборатории. Эти исследования КСЭ вводят принципиально новый компонент в работы, начатые еще в 1920-е гг., поскольку они связаны с конкретными тестированиями гипотезы об искусственном происхождении метеорита (взорвавшийся космический корабль) с помощью новых методов и технологий исследования. С этой точки зрения изучение опыта КСЭ имеет много общего с исследованиями в области outer space.

Панель 3: **КРУГЛЫЙ СТОЛ – PERSPECTIVE OF THE ANTHROPOLOGY OF OUTER SPACE**

L. Messeri
(New Haven, USA)

Anthropology and Astronomy: Human Imaginaries Beyond Earth

When seven rocky planets were discovered around the star TRAPPIST-1, claims of potentially habitable worlds animated the scientific discourse and press coverage. Beautiful animations of the surfaces of these planets and imaginative tales of planet hopping suggested that this

discovery was not just about discovering more planets, but that it was also about discovering worlds. How do planets become worlds and what are the implications of these speculative environments? In this talk, Messeri will recount ethnographic findings from her work with exoplanet astronomers – scientists searching for and studying planets around stars other than the sun. She will contextualize this research in the broader scholarship of what is newly being called “Anthropology of Outer Space.” After identifying trends of research in the US and Europe, she will offer this case study as one example of how anthropological ideas and questions illuminate questions about the scientific cosmos. The case study will focus on how sterile scientific images lead to rich imaginations of the kinds of places exoplanets might be. Scientists learn how to see worlds in data and then artists translate these imaginations into evocative extraterrestrial landscapes to convey scientific potentials and excitement to broader audiences. What are the stakes of these worlds? Do they present new, radical futures or do they reproduce the cultural orders of Earth? Of the exoplanets discovered to date, those that might be Earth-like hold particular meaning. Messeri will suggest that such worlds are nostalgic escapes from the climate futures that threaten our own planet.

СИМПОЗИУМ 3
ИНДИГЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Панель 1: ЭМИК, ЭТИК... ИЛИ ЧТО-ТО ЕЩЕ? (ИСТОРИЯ,
ЛОГИКА, ЭТИКА ИНДИГЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

V. Vladimirova
(Uppsala, Sweden)

**Indigenous Feminist Studies as Lens for Critical Analysis of
Anthropological Representations of Indigenous Women in Russia**

This presentation will reiterate recent theoretical insights from the field of Indigenous Feminist Studies, as perceived by a non-indigenous female anthropologist. I will explore the possibility for critical analysis of anthropological and ethnographic epistemologies inspired by Indigenous Feminist Studies but conducted by a non-indigenous representative of the above-mentioned academic fields of practice. I will take as a focus research on women in the Arctic conducted by Russian and foreign scholars in different periods of time. My goal is three-fold: 1) to test to what extent a culturally and politically situated epistemological and methodological practice like Indigenous Feminist Studies can provide critical analysis tools that accessible more universally to scholars embodying different cultures and schools of thought; 2) to provide some insights how indigenous women and their place in society have been portrayed in anthropological research informed by different national and theoretical traditions of academic research practice; and 3) to contribute to the understanding of the epistemological grounds of anthropology and ethnography in different times and places at its interface with research on gender in the Russian North.

N. Light
(Uppsala, Sweden)

Neglected scholars and writers on the Central Asian past

One approach to understanding the dominant trends and perspectives within scholarship in Central Asia is to examine what is neglected and suppressed. This paper examines some aspects of cultural and historical production in Kyrgyzstan that are overlooked or actively suppressed to explore the formation of public and scholarly knowledge of the past. This paper takes up three examples: 1) a legal case spearheaded by scholars against a visionary author of new narratives about the epic hero Manas. 2) The unrecognized work of an amateur archeologist in Talas Oblast and his many discoveries. 3) The neglected memoir by a Kyrgyz author and teacher sent to the Kolyma Gulag in 1938.

Each of these examples reflects the different ways that scholarly and popular attention are shaped by politics and ideology in Kyrgyzstan, and reveals the tensions and blindspots in knowledge of the past in contemporary Central Asia. But we also find insights into how diverse and vigorous publishing and civic spheres allow for alternative niches, pockets or eddies of knowledge to continue to exist despite obscurity or legal suppression. These efforts continue to leave traces across the broader society, but we are clearly losing the richness and diversity of alternative perspectives by perpetuating neglect of these realities through bias and inattention.

This paper proposes a broader framework for understanding the selective construction of history and heritage through institutionally shaped scholarship and media attention, political ideals, and fear of controversy or negative attention from forces both within Kyrgyzstan and abroad.

Е. А. Пивнева
(Москва, Россия)

«У нас есть интерес к реабилитации своей культуры»: о социальных функциях и интеграционном потенциале северной этнонауки (по обско-угорским материалам)

Проблема «эмных» и «этных» подходов к индигенным антропологическим исследованиям приобретает особый смысл в ситуации,

когда такие исследования ведутся самими представителями северных сообществ. В чем специфика северной этнонауки? Каковы ее социальные функции и приоритеты, преимущества и ограничения? В чем причина расхождений (стереотипы, установки) между «своими» и «чужими» исследователями? На какой платформе возможен диалог между ними?

Эти вопросы будут рассмотрены в докладе на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. На волне «этнического возрождения» с конца 1990-х гг. там сформировалась сеть научных и образовательных центров, в которых ведут научную работу многие специалисты из числа северных аборигенов. Усилия последних направлены в основном на фиксацию и сохранение собственного этнокультурного наследия (http://view.yandex.net/?url=http%3A%2F%2Fwebattach.mail.yandex.net%2Fmessage_part_real%2F%25D0%259F%25D0%25B8%25D0%25B2%25D0%25BD%25D0%25B5%25D0%25B2%25D0%25B0_%25D0%2593%25D1%2583%25D0%25BC%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25B0%25D1%2580%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B5%2520%25D0%25BD%25D0%25B0%25D1%2583%25D0%25BA%25D0%25B8.doc%3Fsid%3D3rY2dpIkoJfkgemYwtPdOZyULyiGAWR6AU3BoW3RJB1pixbrSCsLMYp%252Fqzo37sb7yhra1BAq2sKv9lqvitCAWg%253D%253D&filetype=doc - sdfootnote11sym#sdfootnote11sym), а стратегической целью является «самопознание» и поддержание этнической солидарности.

Пример обских угров показывает, что представителями этнической научной интеллигенции зачастую движет осознание практической необходимости такого рода деятельности «во имя спасения самого народа и его культуры, поднятия их престижа». Представления о значимости возрождения и сохранения культуры (в том числе посредством научных изысканий) приобретают этнополитическое звучание восстановления достоинства, равенства. Эти явления можно расценить как своего рода протестные действия, призванные компенсировать действительные и мнимые обиды.

В качестве оборотной стороны проявляются некоторые дезинтеграционные тенденции во взаимоотношениях с более широким обществом североведов, в основе которых лежит противопоставление «своих» собирателей материала – «чужим», «северной» науки – остальной («свою культуру мы изучим сами»). Особое внимание в

докладе будет уделено вопросу о возможностях диалога между «своими» и «чужими» исследователями, а также позитивным примерам интеграции северной этнонауки в более широкий научный контекст.

S. Namsaraeva

(Cambridge, United Kingdom; Ulan-Ude, Russia)

Three-in-One: Being ‘native’ ethnographer, ‘Western anthropologist’ and ‘halfie’ researcher in one body

This paper mostly concerns my self-reflective notes on research ethics and dilemmas I face through my professional life how to approach and interpret one of my subjects of study in social anthropology, the transborder Buryat communities. In recent decades much has been written on the ‘world system’ of social anthropology, which like the economic world system consists of two major groups of countries and regions: the Anglo-Saxon ‘core’ (centre) and the ‘periphery’ (margin) (e.g. Kim, 2002; Kiyayama, 2004). This division produces asymmetrical relations that ‘core’ has the power to dictate the dominant models of academic discourse, and the periphery is forced to accept them, for example, by adopting the theories, methods, writing styles, if native researchers from periphery want to be recognised internationally. However, a growing number of the so called ‘halfies’ (those who combine indigenous ethnic background with Western education and hold transnational academic life) tend to blur this sharp divide and bring more subjectivity and dynamics into academic writing by drawing attention to personal experience and autobiographical accounts (Narayan, 1993; Binaya, 2006; Gallinat, 2010).

I also argue that the ‘world system’ of social anthropology in Russia is more complex and hierarchical, and as far as I can see it, native ethnographers of non-Russian origin often find themselves under double pressure from the dual centre: the Western ‘core’ and the Russian ‘core’. My presentation is heavily based on discussions on the issues of emic and ethic perspectives following the training sessions ‘Writing academically in English’ held recently in Ulan-Ude for local researchers.

Bibliography

1. *Binaya S.* Theorizing a 'halfie' researcher's identity in transnational fieldwork // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. Vol. 19:5. P. 573–593. DOI: 10.1080/09518390600886353
2. *Gallinat A.* Playing the Native Card: The Anthropologist as Informant in Eastern Germany // Peter Collins and Anselma Gallinat (eds). *The Ethnographic Self as Resource: Writing Memory and Experience into Ethnography*. Berghahn Books, 2010. P. 25–44.
3. *Kim Ch. S.* One anthropologist, two worlds: three decades of reflexive fieldwork in North America and Asia. Knoxville: University of Tennessee Press, 2002.
4. *Kuwayama T.* Native Anthropology. The Japanese Challenge to Western Academic Hegemony. Melbourne: Trans Pacific Press, 2004. P. 37–38.
5. *Malkki L.* National Geographic: the Rooting of Peoples and the Territorialization of National Identity Among Scholars and Refugees // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. 7 (1). P. 24–44. doi:10.1525/can.1992.7.1.02a00030.
6. *Narayan K.* How Native is a 'Native' Anthropologist? // *American Ethnologist*. 1993. Vol. 95. P. 671–686.

С. К. Сагнаева
(Уральск, Казахстан)

Этнография в политических исследованиях: ресурсы интердисциплинарности и автоэтнографии

Обращение автора-этнографа, аналитика, участника международных проектов к теме использования этнографического инструментария в политических, экономических, антропологических исследованиях в странах Центральной Азии, 1998–2018 (Хазанов, 2017; Наумова, Сагнаева, 2006), – главный контекст доклада. Доклад также акцентирует автоэтнографию как важный ресурс для управления противоречиями «этного» и «эмного» подходов в исследовании традиционной культуры или политических исследований.

Тема интердисциплинарности и автоэтнографического ракурса рассматривается как на примерах традиционных исследований «народов и культур» (Наумова, Сагнаева, 2018: 377), так и в политической аналитике (на примере отчетов Crisis Group, 2000–2010). Рефлексия исследователя в своей или иноэтнической среде, в ситуации длительного проживания в другой стране или обращения к другой

дисциплине дает поворот к новым возможностям исследовательского подхода (Соколовский, 2017: 169).

Диапазон тем и разнообразный опыт исследований автора в этнографии, политике, экономике, правозащите позволяют акцентировать интердисциплинарность как важный метод, во-первых, на уровне поля, во-вторых – в интерпретации полевых материалов и, в-третьих, в формулировании новых теоретических подходов в разных дисциплинах.

Многолетнее общение в проектах было диалогом не только с научным сообществом стран Запада или СНГ, но и с политическим истеблишментом и гражданским обществом по обе стороны границ. «Язык» этого общения и практика «перевода» научных / аналитических приемов описания и интерпретации, равно как и адаптации международной политики и западных концептов для местных политических акторов и гражданского общества, были непростыми. Но опыт исследовательских проектов позволяет сделать вывод об эффективности интердисциплинарности в расширении теоретических подходов исследователя и расширении круга участников дискуссии о разрушении барьеров дисциплин или ограниченного видения политических акторов.

Литература

1. *Наумова О.Б.* Частное пространство в системе ценностей традиционного общества // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 4. С. 77–93.
2. *Наумова О.Б., Сагнаева С.К.* Антропология постсоветских изменений в сельском Казахстане: жизнь в условиях кризиса // *Среднеазиатский этнографический сборник / РАН ИЭА*. Вып. 5. М.: Наука, 2006. С. 235–251.
3. *Наумова О.Б., Сагнаева С.К.* Городской бешбармак: трансформация традиционной трапезы казахов // *Праздничная и обрядовая пища народов мира*. М.: Наука, 2018. С. 373–472.
4. *Соколовский С.В.* Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 4. С. 12–29.
5. *Соколовский С.В.* Жизнь как поле. Заметки об автоэтнографии // *Поле как жизнь*. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / под ред. Е. А. Пивневой. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 167–190.
6. *Хазанов А.М.* После социализма: судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России // *Вестник антропологии ИЭА РАН*. 2017. № 2(38). С. 45–85.

B. Begemann
(Vienna, Austria)

**Configurations and Constructions of Social Transformation.
An Ethnography of “Middle Classes” in Russia**

My PhD-project „Configurations and Constructions of ‘Middle Classes’ in Russia“ draws on research and literature on social transformation and social class in post-socialist environments. I aim to study how people in different settings of living environments in Russia identify themselves with “middle class” and how the post-socialist transformations changed people’s settings and positions in society. Guiding research questions are: In how far configurations of middle classes in Russia come up, change or fade – facing post-socialist transformation? How macrosocietal changes draw impact on the formation of social groups, incl. so called “middle classes”? In how far people identify with “middle class” as a meaningful category?

When I asked people with median income in Moscow whether they feel to be part of a so called “middle class”, some of them answered: “well, not yet, but I’m striving for it”. They added, that they actually never thought about the term before, but that they had certain associations about it. This response points to a phenomenon, called “anomie” (Kordonky, 2008; Durkheim, 1982), which describes people being not sure which social group in society to identify with. Following authors like Kordonky (2008), in Russia this is quite likely to be the case. What is more, in the light of post-socialist transformation, this phenomenon becomes intriguingly interesting, as both, emic (cosmologies) and etic (social stratification) categories of social class become challenged in their thitherto meanings. Thus, exploring “middle classes” in Russia is a promising project.

Using Multiscalar Analysis, I aim to point out the diverse configurations of socialities of people with median income. Trough ethnographic data, common class models may be problematized and theorizing beyond ideal types of estate-based or class-based societies may be enforced. Aiming at a comparative approach within Russia the research project shall

overcome a “transitology”-approach, comparing Russian middle classes to Western equivalents, and rather seek to explore living realities through in-situ qualitative research.

Bibliography

1. *Kordonskij S.* Soslovnaia Struktura Postsovetskoi Rossii [The class structure of the post-Soviet Russia]. M., 2008.

2. *Durkheim E., Lukes S.* The Rules of Sociological Method and Selected Texts on Sociology and its Method. New York: The Free Press, 1982.

К. В. Истомина
(Сыктывкар, Россия)

Индукционная беспомощность или индукционная безднадежность? Культурно-психологические механизмы поддержания удовлетворенности жизнью у коренного и некоренного населения Северо-Западной Сибири¹

Согласно Клиффорду Гирцу, именно культура сообщает человеку, что думать и чувствовать по отношению к окружающему миру и как действовать в нем. Если это так, то должны существовать и культурные механизмы, позволяющие человеку относиться к происходящим с ним и вокруг него событиям таким образом, чтобы сохранить эмоциональное благополучие и позитивную оценку качества своей жизни. В социальной психологии существует традиция искать такие механизмы в моделях каузальной атрибуции. Так, теория индукционной беспомощности (Learned Helplessness Theory), связывает потерю ощущения субъективного благополучия с чувством беспомощности, ведущим к ощущению безднадежности, а механизмом защиты от него считает самоподдерживающую необъективность каузальных атрибуций.

Наше предыдущее исследование показало, что ненецкие подростки имеют меньшую самоподдерживающую необъективность по сравнению с некоренными подростками. Мы предположили, что

¹ Доклад подготовлен и представлен при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.54.2018).

этот факт может являться одной из причин распространенности алкоголизма и самоубийств среди коренного населения арктической зоны нашей страны. Однако представляемый в докладе дополнительный анализ этих результатов показал, что наши выводы были преждевременны, поскольку теория индуцированной беспомощности может не иметь кросскультурной валидности: самоподдерживающая необъективность может быть механизмом поддержания позитивной оценки качества жизни среди носителей европейских культур, носители неевропейских культур могут задействовать другие механизмы. В частности, таким механизмом может стать обнаруженная нами у ненецких подростков тенденция давать низкостабильную и низкоглобальную каузальную атрибуцию жизненным событиям. Это может позволить им избежать чувства безнадежности перед лицом стрессовых событий даже в отсутствие самоподдерживающей необъективности. Отсутствие самоподдерживающей необъективности может являться фактом ненецкой культуры, но не вести к меньшей устойчивости перед лицом стрессов.

Можно предположить поэтому, что существуют по крайней мере два культурно-психологических механизма, обеспечивающих поддержание позитивного отношения к жизни, и в настоящее время нет данных, которые бы позволили сравнить эффективность этих механизмов и сказать, что один из них в каком-либо смысле лучше другого.

А. К. Кравченко
(Горно-Алтайск, Россия)

Интегративный подход к исследованию индигенных устных традиций

Интегративный подход, способный объединять исследовательские усилия отдельных национальных этнографий в изучении особенностей культурных и социально-политических процессов в современных индигенных сообществах, имеет очевидные достоинства. При этом практическая реализация междисциплинарного подхода требует решения ряда задач, как-то: непротиворечивое интегрирование исследовательских перспектив, выявление ресурсов междисципли-

линарного подхода, преодоление терминологической полифонии и др.

Комплексный характер исследовательских задач требует объединения синхронно функционирующих национальных подходов с целью преодоления неконгруэнтности идиоэтнических исследовательских традиций в описании содержания традиционной картины мира, языка, религии, фольклора, народного менталитета и когнитивного стиля этноса.

Общеизвестно, что различные описательные языковые коды неизбежно порождают методологический и философский дуализм научных исследований традиционных культур, существующий между англофонной *антропологией* и отечественной *этнографией*.

Доминирующая в гуманитарных науках антропоцентрическая парадигма может предложить возможность решения вышеуказанной проблемы. Обращение к ортогональным исследованиям индивида в рамках современной философии, логики, лингвистики, психологии, социологии и когнитивных наук может существенно обогатить этнологические исследования.

Включив изучение эволюционных системообразующих линий в процессе накопления знаний об окружающей среде (природной и социальной), когнитивных гиперсетевых структур, связи между теорией информации и сознания, а также объединив сущностное исследование человека и описательное изучение народов, междисциплинарный подход способен соотнести универсальность человека и специфичность этноса под новым углом зрения.

В современных исследованиях, призванных выявить механизмы взаимодействия сознания, языка и действительности, а также в дискуссиях о глобальном будущем человечества научные взоры все чаще обращаются к глубокому прошлому, демонстрирующему универсальный стиль приобретения, сохранения и использования знаний.

Индигенные устные традиции, манифестирующие общее ценностное знание, которое и сегодня способно резонировать в сознании представителей различных этнических сообществ, может способствовать решению глобальной проблемы понимания.

И. И. Назаров
(Барнаул, Россия)

Этнический состав и культурная специфика населения предгорий Северного Алтая: от устоявшихся концептов к новым интерпретациям

Целью настоящей работы является выявление специфики этнического состава и культурных параметров населения предгорий Северного Алтая. Исследуется население северо-восточных районов Алтайского края и граничащих с ними районов Республики Алтай. В настоящее время в указанной местности численно преобладает русское население. Помимо русских, здесь проживает коренное население, представленное малочисленными группами кумандинцев, тубаларов и челканцев. Обзор публикаций по теме демонстрирует интерес исследователей к взаимодействию групп коренного населения (Потапов, 1969) и к истории русских Алтая (Липинская, 1995). Реконструирован исторический контекст взаимоотношений аборигенного населения с русскими на протяжении XVII – начала XX в. (Уманский, 1980, 1995; Шерстова, 2005). При этом главным этнодифференцирующим признаком выступает языковая принадлежность населения Сибири, которая, однако же, не объясняет все этнокультурное многообразие региона.

Обращение к архивным материалам, в частности, к фондам землеустроительных кампаний начала XX в. (ГААК. Ф. 183. Оп. 1), позволяет скорректировать устоявшиеся представления о составе и культурной специфике проживавшего на Алтае населения. В начале XX в. аборигены предгорий Алтая, в отношении которых использовался термин «инородцы», не были этнически и культурно однородными. Документы того времени фиксируют группы кочевых и оседлых инородцев, имевших различия в правовом статусе и в уровне хозяйственно-культурного развития. Состав аборигенов постоянно усложнялся за счет переселения в рассматриваемую местность «обрусевших инородцев» из других районов Алтая. Отличались по социальным и культурным параметрам и группы русского населения, представленные преимущественно крестьянством. Межэтническое и хозяйственно-культурное взаимодействие названных выше групп «инородцев» с группами русских переселенцев способствовало пол-

ной ассимиляции оседлых групп аборигенного населения. Вместе с тем подвижные группы «кочевых инородцев», существенно отличавшиеся по уровню хозяйства от крестьян, не смогли в полной мере интегрироваться в сельские земледельческие сообщества. Это привело к значительному обособлению кочевых групп аборигенов, консервации их традиционной культуры и сохранению родного языка. Сохранившие свои этноспецифические черты коренные жители предгорий Северного Алтая стали основой современных кумандинцев, тубаларов и челканцев.

Литература

1. *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы: русские на Алтае. XVII – начало XX в. М., 1995.
2. *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
3. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
4. *Уманский А.П.* Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII в.: в 2 ч. Барнаул, 1995.
5. *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. М., 1980.

И. Е. Максимова
(Томск, Россия)

Пространственное восприятие истории у сымско-кетских эвенков: у истоков мифологизации прошлого¹

Фольклор сымско-кетских эвенков относит любое событие к одному из следующих периодов:

1. Земля, которой уже нет. Мифологический момент первотворения, к которому земля вернется в конце времен.
2. Время, когда животные были людьми. Мифологический период приобретения животными современных свойств.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 17-11-70003-ОГН/18 «Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной информационной базы».

3. Времена предков. Исторический период становления этноса. Климат был более теплым. Эвенки охотились «на мамонтов» вместе с народами *чулуды* и *нюригды*. В районе Байкала к ним пришел *нгамендри*, который научил их оленеводству. Происходят военные столкновения с *гушаашал* – «людьми-волками», которые носят одежду тунгусского образца, ставят жилища по кругу, владеют навыком обработки железа и пользуются оружием, напоминающим клевец.

Легендарный шаман *Гуриуль* учит основам шаманской веры, показывает рисунки на бубне, передает знания обрядов и текстов «молить». Происходят первые шаманские поединки.

4. Время сонингов – знаменитых вождей, историчность которых подтверждается упоминанием их имен в официальных документах XVIII – начала XIX в. Военные столкновения с людоедами-*булошол*.

«Лентой времени», вдоль которой располагались все упомянутые персонажи, была шаманская река Энгдекит. В ее верховьях, в горах, живут покровители эвенков *Гуриуль* и *Манги*; для общения с ними шаман должен говорить на «древнем языке». Люди там пользуются «каменными орудиями».

Нюригды, *чулуды* и *нгамендри* обитают по берегам, ближе к среднему миру. Здесь же находятся мифические животные, покинувшие землю после окончания мифологической эпохи. Все они могут появляться на земле по своему желанию.

Ниже расположены устья шаманских рек, возле которых живут «сильные» шаманы недавнего прошлого. Отсюда случайно попавшему туда человеку возможно вернуться в мир людей.

Низовья – «мир мертвых», обитатели которого пользуются вышедшими из употребления орудиями.

Таким образом, среднее течение Энгдекит – это недавнее прошлое, путь в верховья – дорога к легендарным предкам, в низовья – к обычным умершим. Продвижение в обоих направлениях равно продвижению в древность.

Панель 3: **ИНДИГЕННЫЕ НАРОДЫ В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИКИ ЭКСТРАКТИВИЗМА**

И. А. Головнев, Е. В. Головнева
(Санкт-Петербург, Екатеринбург, Россия)

**Нефть, олени и кино: традиционные этнокультурные
сообщества на современном российском Севере
(на примере фильма «Месторождение»)¹**

*Сибирский Север
для одних является местом рождения,
а для других – месторождением.*

Данный проект обращается к исследованию одной из разновидностей визуально-антропологических источников, пока еще недостаточно изученных в отечественном гуманитарном знании, но вызывающих в последнее время огромный интерес – этнографическим фильмам, посвященным описанию культур традиционных сообществ Севера.

Особое внимание в данной работе предлагается уделить малоизученному аспекту – теме взаимоотношения традиционной культуры хантов и ненцев и нефтяной индустрии в культурном ландшафте современного сибирского Севера, в частности, визуальной репрезентации этой проблематики в этнографическом кино. В комплексе этнографических и учебных фильмов, посвященных материальной и духовной культуре обских угров, тема взаимодействия пришлых нефтяников и коренных жителей является весьма значимой стороной существования культур Севера. Однако до сих пор данная проблематика не получила целостного, комплексного освещения на материале конкретных этнографических фильмов.

Для преодоления данной ситуации раскроем более содержательно ключевые особенности этой темы на примере известного этнографиче-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076 «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино».

ского фильма «Месторождение» (реж. Иван Головнев)¹, объектами съемки в котором стали традиционные стойбища, территориально располагающиеся между поселками Юильск и Нумто в верховьях Казыма. История отношений традиционной культуры и промышленной цивилизации в современной многослойной реальности на севере Сибири рассматривается на примере семьи Пяк.

Исследуются вопросы восприятия героем фильма – оленеводом Василием Пяком жизни на Севере в условиях сложных взаимоотношений между традиционным природопользованием и развитием нефтяной индустрии, комплексная тема нефтяного конфликта и социально-экономического партнерства в районе Нумто (ХМАО). При этом авторы акцентируют особое внимание на впечатлениях и суждениях основных акторов проекта – главного героя и режиссера фильма при создании визуального текста о традиционных этнокультурных сообществах современного российского Севера.

Н. И. Новикова
(Москва, Россия)

Антропологи, экологи, аборигены: можно ли договориться?

В современных условиях есть возможность рассматривать развитие «аборигенной» науки в динамике, опираясь на монографию Н.В. Лукиной «Наука как форма общественного развития северных этносов» (Томск, 2002) и современные полевые исследования в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Фокус данного доклада направлен на две площадки: особо охраняемые природные территории и этнологическая экспертиза.

На первый взгляд, они должны были стать основой сотрудничества, на практике они превращаются часто в поле столкновения. Я хочу попробовать разобраться в том, почему это происходит? Почему

¹ Фильм «Месторождение» вышел в фестивальный прокат в 2012 г., был показан на киноэкранах в разных странах мира, а также по телевизионным каналам и в сети Интернет. Популяризация фильма продолжилась на научных мероприятиях (конференции, форумы), в программах школьных и университетских курсов, в исследовательских программах (по юридической антропологии и др.).

му официальная экология и традиционные знания коренных народов столь резко расходятся? Что содержательно и этически не устраивает аборигенов в этнологических экспертизах и что означает тезис «ничего о нас без нас» в научном осмыслении их современного развития?

В. В. Поддубиков
(Кемерово, Россия)

Ресурсное проклятие и критика (нео)экстрактивизма в перспективе индигенных исследований в регионах Сибири¹

Едва ли не в центре современной повестки коренных народов во всем мире находятся вопросы преодоления ограничений так называемого ресурсного проклятия, связанного с экстенсивным промышленным освоением недр и биоресурсов в пределах территорий, составляющих жизненное пространство локальных индигенных сообществ. Практики промышленного экстрактивизма во многих случаях являются прямой и явственной угрозой не просто утраты земель традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов, но также разрушения характерного для них образа жизни и основанных на нем культурных практик, групповой, культурной и этнической идентичности. За гранью этих потерь зачастую нет ничего, кроме мучительной и не всегда успешной адаптации в социальной системе современного общества, рисков социальной депривации и культурной маргинализации.

Существенной остроте и значимости проблем развития коренных народов в ситуации ресурсного проклятия соответствует тот насыщенный и масштабный дискурс экстрактивизма как парадигмы развития и формы современного капитализма, который в последнем десятилетии все чаще подвержен содержательной критике, в основном концентрирующейся на уровне академических штудий. Сегодня

¹ Работа выполнена в рамках реализации исследовательского проекта РНФ № 15-18-00112 «Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп».

в проблемном поле критики экстрактивизма, в том числе его социальных аспектов, экономических эффектов, политических основ и последствий, существует объемная исследовательская литература, задающая разнообразные контуры, методологии и языки описания нарастающего давления добывающих компаний на локальные сообщества вплоть до потери последними земель традиционного проживания (Botero, 2017) и развивающихся на этой основе массовых движений сопротивления коренных народов (Engels, 2017); корпоративных политик добывающих компаний, их влияния на местное развитие (Welker, 2014) и положение уязвимых групп коренных народов; связей экстрактивистской парадигмы развития с современными формами постнеолиберального колониализма (Veltmeyer, 2014).

Настоящая работа обобщает содержание современного академического дискурса, направленного на критику экстрактивизма в социально-антропологическом контексте, соотнося его с языком публичной риторики, исходящей от представителей сообществ коренных малочисленных народов Сибири. На основе ряда региональных кейсов ресурсных конфликтов на землях коренных народов анализируется возможность применения эпистемологий, распространенных в мировой практике социальной антропологии, к описанию и интерпретации ключевых эффектов российской модели экстрактивизма.

Литература

1. Botero D., Galeano C. Territories In Dispute: Tensions Between 'Extractivism', Ethnic Rights, Local Governments And The Environment In Bolivia, Colombia, Ecuador And Peru [e-book]. Leiden: Brill Nijhoff, 2017.

2. Engels B., Dietz K. Contested Extractivism, Society And The State: Struggles Over Mining And Land [e-book]. London: Palgrave Macmillan, 2017.

3. Veltmeyer H., Petras J. The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model Or Imperialism Of The Twenty-First Century? [e-book]. London: Zed Books, 2014.

4. Welker M. Enacting the Corporation: An American Mining Firm in Post-Authoritarian Indonesia. Berkeley & Los Angeles & London: University of California Press, 2014.

Ю. В. Рожкова
(Москва, Россия)

**Режимы включения / исключения и репрезентации групп
в выстраивании отношений стейкхолдеров при извлечении
ресурсной ренты**

В процессе анализа отношений, возникающих в ситуациях извлечения ресурсной ренты, особенно если речь идет о небольших локальных сообществах, антропологи, как правило, выделяют лишь три группы основных стейкхолдеров: местное население, бизнес и власть. Порой условность такой группировки рефлексировалась исследователями, но чаще воспринимается как адекватная характеристика ситуации.

В докладе показано не только то, что заинтересованных групп можно выделить больше, но, главное, каким образом заинтересованные сообщества представляют друг друга и пытаются исключить друг друга из процесса диалога / выстраивания отношений, беря на себя «исключительные права» на презентацию своего сообщества / группы.

Доклад базируется на анализе полевого материала, собранного мной в эвенкийском поселении на севере Амурской области, где в выстраивании отношений с золотодобывающими компаниями главным образом участвует администрация села, но при этом есть и иные заинтересованные агенты, которые оказываются не включенными в ход «официальных» переговоров.

СИМПОЗИУМ 4

АРХЕОЛОГИЯ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

П. А. Басина
(Новокузнецк, Россия)

Артефакты краеведческих музеев Кузбасса: способы «видимости»

Одним из основных сюжетов политической власти в Кемеровской области является акцентирование социальной заботы и поддержки населения, которая построена «на реактивации советской управленческой матрицы» и патерналистском характере власти (Басалаева, 2018). Эти черты власти эксплицируются музейной деятельностью, где артефактам при включении их в экспозиции придается некоторый идеологический окрас.

Цель доклада – проанализировать способы семантизации артефактов в музейных экспозициях и в дискурсах экскурсоводов. В фокусе нашего внимания то, каким образом экспонаты становятся «видимыми» публике в краеведческих музеях юга Кузбасса – Новокузнецка, Прокопьевска, Киселевска и Междуреченска. Эмпирическая база включает анализ материальной среды действующих экспозиций и краеведческих дискурсов.

Теоретическая основа работы – концепция власти-знания М. Фуко. Наша работа сосредоточена на понимании музея как точки схождения дискурса знания и дисциплины, в которые оказываются включенными, с одной стороны, дети и подростки дошкольного и школьного возрастов, с другой – истеблишмент.

Мы покажем, что посредством идентификации, упорядочивания и презентации мифологически валидных артефактов музеем представляется посетителям идеологически детеминированную модель «истории региона».

Литература

1. Басалаева И.П. Продовольственная безопасность в «Регионе согласия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/35461252/Продовольственная_безопасность_в_Регионе_согласия (дата обращения: 29.05.2018).

Г. М. Васильева
(Новосибирск, Россия)

Идеологическая археология в западной академической науке и в СМИ

В научной литературе не раз отмечалась политическая ориентированность археологии. Ф. Кол в монографии «Национализм, политика и археологические практики» рассмотрел роль археологии как политического инструмента националистов (Kohl, 1995). М. Диаз-Эндрю в книге «Национализм и археология в Европе» систематизировала документальные свидетельства археологов различных стран о взаимодействии национализма и археологической науки в XIX–XX вв. (Díaz-Andreu, 1996).

С. Кейн, автор работы «Политика археологии и самоопределение в мировом контексте», утверждает, что одной из самых дискуссионных тем является взаимосвязь археологии и национализма в вопросах этнической принадлежности и культурной идентичности (Kane, 2003). В.А. Шнирельман, продолжая тему, замечает, что ценность археологии для националистов определяется ее способностью представлять материальные доказательства культурной преемственности (Shnirelman, 2013). Это ставит вопрос об ответственности археологов, их роли в «формировании идентичности».

В медиасреде также активно обсуждается данная проблема. Х. Нортон пишет об использовании американскими властями археологии и антропологии в политических интересах (Norton, 2017). Исследования содействуют усилению или подрыву господствующей идеологии. Ранняя историческая археология была патриотической попыткой оправдать искоренение индейцев, появление европейцев в Северной и Южной Америке.

В статье «Археология в Израиле как политическое оружие» говорится, что в Израиле археология – нечто большее, чем просто наука: контролируя прошлое, можно контролировать будущее (Eisenbud, 2017). Поэтому в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу ведется «битва» за археологические объекты между правыми и левыми идеологами. Израильские ученые и власти, используя археологию, доказывают достоверность Библии. «Важнейшие дебаты, длившиеся последние 40 лет, связаны с историчностью еврейской

Библии», – говорит Й. Гарфинкель. Например, святыня, найденная в Хирбет Кейхафе, имеет признаки царской архитектуры в Иудее времен Давида и Соломона. В библейском тексте описаны аналогичные памятники (Garfinkel, 2018). Через СМИ миру демонстрируются археологические находки региона как свидетельство суверенитета Израиля на материнской земле, как подтверждение оккупации территории чужеземцами.

Правительство Индии создало Комитет ученых, чтобы доказать: сегодняшнее индуистское население происходит от первых жителей Земли, поэтому «Индия – для индусов» (Jain, Lasseter, 2018). Но здравомыслящие люди понимают, что археологическое наследие должно придавать ценностно-смысловое измерение событиям жизни человека.

Литература

1. *Garfinkel Y.* The Greatest Finds of Israeli Archaeology [Электронный документ] // Mosaic Magazine. April 23, 2018. URL: <https://mosaicmagazine.com/picks/2018/04/the-greatest-finds-of-israeli-archaeology> (дата обращения: 25.05.2018).

2. *Díaz-Andreu M.* Nationalism and archaeology in Europe. Boulder, Colorado: Westview Press, 1996.

3. *Eisenbud D.K.* Archeology in Israel as a political weapon [Электронный документ] // The Jerusalem Post. December 4, 2017. URL: <http://www.jpost.com/Israel-News/Archeology-in-Israel-as-a-political-weapon-515922> (дата обращения: 25.05.2018).

4. *Jain P., Lasseter T.* By rewriting history. Hindu nationalists aim to assert their dominance over India [Электронный документ] // Reuters. March 6, 2018. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/india-modi-culture/> (дата обращения: 25.05.2018).

5. *Kane S.* The Politics of Archeology and identity in a Global Context. Boston: Archaeological Institute of America, 2003.

6. *Kohl P.L.* Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

7. *Norton X.* The politics and power of American archaeology [Электронный документ] // The Guardian. April 17, 2017. URL: <https://www.google.ru/amp/s/amp.theguardian.com/science/2017/apr/10/the-politics-and-power-of-american-archaeology> (дата обращения: 25. 05. 2018).

8. *Shnirelman V.A.* Nationalism and Archeology // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2013. № 52. P. 13–32.

А. В. Овчинников
(Казань, Россия)

От «Дома с башнями» к «Ханскому дворцу»: мифологизация археологического объекта как попытка преодоления исторической травмы¹

В нарративе официального канона этнонациональной истории татар образ Волжской Булгарии играет одну из ключевых ролей. В XIV–XV вв. осколки этого политического образования эволюционировали в Казанское ханство, столица которого в 1552 г. была захвачена войсками Ивана IV Грозного, а регион вошел в состав Российского государства. Это событие в местном дискурсе истории Татарстана служит поводом для конструирования исторической травмы и осмысливается как разрыв в истории татарской государственности, которая восстанавливается лишь в 1920 г. с образованием ТАССР (с 1990 г. – Республика Татарстан).

Одним из способов преодоления травмы и установления символического исторического паритета между русскими и татарами явилось начавшееся с 2010 г. в Татарстане «возрождение» архитектурно-археологических памятников «русского православного Свяжска» (построен как база войск Ивана IV) и «татарского мусульманского Болгара». Приписываемый Болгару статус столицы Волжской Булгарии (что оспаривается рядом археологов) и центра татарского ислама способствует изменениям в официальной атрибуции ряда расположенных на территории Болгарского городища объектов, прежде всего так называемого «Дома с башнями» (исследуется археологом Р.Ф. Шарифуллиным с 1994 г.). Начиная с 2010 г. этот памятник «превратился» в «Ханский дворец».

Доступные опубликованные источники позволяют попытаться реконструировать механизм мифологизации представлений об археологическом объекте. Инициатором процесса, видимо, выступил директор Института истории Академии наук Татарстана, бывший советник Президента республики по политическим вопросам Рафа-

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

эль Хакимов. Будучи в Болгаре летом 2010 г., он обратил внимание на «Дом с башнями» и настоял на атрибуции памятника как «дворца Бату-хана». Уже осенью того же года директор Института археологии Академии наук Татарстана А. Г. Ситдииков официально называл объект «Ханским дворцом». Непосредственный исследователь памятника Р. Ф. Шарифуллин в своих публикациях продолжает его атрибутировать как «Дом с башнями». В связанных с реставрацией и музеефикацией официальных документах памятник первоначально имел двойное название («Дом с башнями» / «Ханский дворец»), но постепенно осталось только второе название. В качестве «Ханского дворца» этот объект презентуется туристам.

Конструирование мифа о «Ханском дворце» связано с попытками преодоления «исторической травмы 1552 г.», когда при штурме Казани войсками Ивана IV был разрушен ханский дворец (сегодня недалеко от его фундамента расположен Дворец Президента Татарстана). Появление в Болгаре «Ханского дворца» (или даже «Дворца Батя») обеспечивает еще большую символическую преемственность современного Татарстана, с одной стороны, с Волжской Булгарией и Казанским ханством, с другой – с Улусом Джучи (Золотой Ордой), что учитывает интересы сторонников конкурирующих «булгарской» и «золотоордынской» («татаристской») версий происхождения современных казанских татар.

Т. А. Ромашова
(Уртам, Россия)

Репатриация артефактов в XXI веке

Государства активно используют археологические исследования для реализации политических целей, поэтому часто возникает вопрос о репатриации памятников культуры. На официальном сайте ЮНЕСКО освещаются случаи возвращения объектов, найденных в ходе раскопок, странам, заявившим о своем историческом праве владения. В 2015 г. Швейцарское федеральное управление культуры вернуло египетскому посольству в Берне 32 культурных объекта, относящихся к периоду правления фараонов и прихода римлян в Древний Египет. В 2017 г. после расследования, проведенного Орга-

низацией по вопросам культурных ценностей, искусств и антиквариата Нью-Йорка, три мраморные статуи, найденные во время раскопок в Храме Эшмуна в Ливане, были репатриированы на историческую родину. В том же году Республика Корея вернула Монголии 11 объектов – останки динозавров, которые были незаконно вывезены из страны в 2014 г. (UNESCO, 2017).

Австралийское правительство во главе с ведущими университетами страны проводит массовую репатриацию реликвий аборигенов. Совсем недавно состоялась репатриация останков представителей трех крупнейших племен Австралии из государственного музея Ганновера (Германия). Захоронение было совершено согласно ритуалам коренных общин (Australian Government, 2018). Останки возвращают также из музеев и частных коллекций Великобритании. В 2017 г. прошло не менее пяти крупных церемоний репатриаций. Это дает возможность искупить вину перед аборигенами за столетия колониальных гонений (Daley, 2015). К сожалению, британские музеи большую часть реликвий аборигенов – расписанные щиты, изображения рыб и животных – передают только в качестве выставочных экспонатов. Правительства многих стран стали вводить законы ограничения на проведение научных исследований. Раскопки осуществляют специалисты, некоммерческие организации, волонтеры, представители коренных народов. 9 мая на официальном сайте Университета штата Аризона появилась новость о том, что группа студентов из племен пуэбло получила докторские степени (ASU's, 2018). В соответствии с программой Аризонского университета специалисты пуэбло будут проводить исследования истории, культуры и быта своего народа, осуществлять раскопки.

Литература

1. *ASU's second Pueblo Indian doctoral cohort puts community first* Cultures [Электронный ресурс] // Arizona State University. URL: <https://asunow.asu.edu/20180509-solutions-community-first-second-pueblo-indian-cohort> (дата обращения: 25.05.2018).

2. *Australian Government: department of communication and the art* [Электронный ресурс]. URL: www.arts.gov.au/what-we-do/cultural-heritage/indigenous-repatriation/international-repatriation/recent-international (дата обращения: 25.05.2018).

3. *Daley P.* The Guardian. *Australians Indigenous leaders fight for return of relics featuring in major new exhibition* [Электронный ресурс] // The Guardian. Feb.

14. 2015. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/postcolonial-blog/2015/feb/14/it-taunts-us-spiritually-the-fight-for-indigenous-relics-spirited-off-to-the-uk> (дата обращения: 25.05.2018).

4. *Other cases of return or restitution of cultural objects* [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/illicit-trafficking-of-cultural-property/other-cases-of-return-or-restitution-of-cultural-objects/> (дата обращения: 25.05.2018).

Т. В. Савельева
(Миасс, Россия)

Механизмы мифологизации истории страны городов «Аркаим»

Объекты археологического наследия нередко подвергаются мифологизации в общественном сознании, и это происходит независимо от ученого сообщества, изучающего эти объекты. Мы рассматриваем иеротопию Аркаима, принципы и способы мифологизации сакрального пространства. Анализ строится на материалах прессы и интернет-источников 2000–2016 гг., а также на материалах Аркаимской экспедиции студентов-филологов Миасского филиала Челябинского государственного университета в июле 2016 г. На дни летнего солнцестояния в июне 2016 г. на Аркаиме только по официальным данным культурно-исторического комплекса проживали люди из 82 городов, а ведь официально заселяющиеся в туристические гостиницы и палатки составляют меньше половины всех присутствующих на празднике. Практически все сообщества, обосновавшиеся на Аркаиме, занимаются реконструкцией (часто без опоры на реальную историко-мифологическую основу) древних языческих учений, ритуальных практик, подражанием им, формированием собственных, в основном эклектичных, философских картин мира и ценностных систем.

Общий тезис подобных сообществ: Аркаима – колыбель всей индоевропейской цивилизации. Называют Аркаим также городом волхвов; городом знаний; русским «стоунхенджем»; городом Медведя-Велеса (наивная этимология: Арк – по-славянски медведь); городом богини Славуни, правнучки Рода; энергетической кладовой, сохранявшейся до эпохи Водолея, Шамбалой.

Пространство Аркаима давно мифологизировано и поделено на «места силы». Их называют по-разному, однако мы не находим принципиальных отличий между поклонниками Дажьбога и Велеса, мастерами Рейки, кришнаитами, последователями Авесты, коммерческими группами, делающими деньги на падких до мистики туристах. Наибольшее количество легенд и ритуалов связано с горой Шаманкой.

- Встреча восхода солнца на Шаманке.
- Встреча заката.
- Прохождение спирали на горе Шаманке (посолонь – по часовой стрелке, против часовой стрелки, босиком, молча и т.п.).
- Загадывание желания.

Мифологизации подвергается каждая возвышенность, каждый отдельно стоящий камень. Можно выделить коммерческое направление в создании подобных мифов и духовное, в основном неоязыческое, попытки сформировать новую картину мира, отвечающую общественным запросам.

А. Стшемжалска
(Санкт-Петербург, Россия)

Историческое наследие и национальная идея в музыкальных практиках в Азербайджане

В процессе конструирования азербайджанской национальной идеи – «азербайджанства» обращает на себя внимание использование его культурного измерения (или наполнения). В ходе геополитических процессов и популяризации определенных идеологий оказалось, что этнокультурные предпочтения одной изначально небольшой группы населения – приверженцев тюркизма – стали разделяться достаточно большой частью населения и в результате легли в основу этнической группы азербайджанских тюрков. Однако эта последняя не дождалась формального подтверждения того, что она является основой нации азербайджанцев. Согласно национальной идеологии, гражданство является формальной категорией: граждане Азербайджана – это все жители страны вне зависимости от их этнической принадлежности. В этом плане концепцию нации-

государства надо рассматривать как идеологическое построение, и она не связана напрямую с этнодемографическим составом населения. Несмотря на это, благодаря этнокультурной инженерии, запущенной в дореволюционный период и внедренной в советское время, сегодня этноним «азербайджанец» подразумевает «азербайджанского турка», с одной стороны. С другой стороны, разнообразие локальных форм самосознания, в том числе исторически сильная проиранская идентификация, вынуждает власти постоянно переосмысливать суть нации-государства и эволюционировать в сторону многокультурного гражданства.

Процессы конструирования национальной идеологии нашли непосредственное применение в формировании культурной политики Азербайджана. Уже почти два десятилетия идет интенсивный процесс обработки разных культурных форм, в том числе музыкальных явлений, таким образом, чтобы они отвечали требованиям «азербайджанства»: заодно подчеркивали причастность к тюркскому миру, демонстрировали мультикультурное многообразие республики и доказывали единый зрелый характер азербайджанской нации.

Официальная культурная политика базируется на естественном культурном капитале местного населения, однако иногда по политическим причинам она сознательно утаивает или даже меняет некоторые исторические факты. В моем докладе речь пойдет о том, как формально представляется национальная идентичность, какие идентичности и практики в музыкальном пространстве Азербайджана на самом деле имеются и как они развивались исторически.

Материал, представленный в докладе, собран в ходе полевой работы, которая проходила в Баку и его окрестностях с 2012 по 2017 г.

В. А. Шнирельман
(Москва, Россия)

Археология, историческое наследие и проблемы этики

Современность постоянно бросает археологии неожиданные вызовы. Становление массового общества, появление все новых и новых групп, которые активно борются за свое место в обществе и в мире, превращают историческое наследие в ценный политический

ресурс. Следствием этого является «историческая политика», апеллирующая не только к событиям XX в., но иной раз охватывающая более древние пласты прошлого. При этом выясняется, что историческая память различных наций и этнических групп отличается разной глубиной: если одним хватает последних десятилетий или столетий, то другие без устали ищут своих предков в глубинах древности. Последнее характерно для Восточной Европы и регионов бывшего СССР.

Все это ставит перед археологами важные вопросы. Что такое историческое наследие? Как оно понимается сегодня? Что именно привлекает внимание общественности, а что оставляет ее равнодушной? Кто имеет право на историческое наследие – археологи, государство или общество? И какое именно общество?

Речь идет о сложных вопросах этногенеза и спорах об историческом наследии, в том числе о посягательствах на чужое наследие. Причем такие споры могут вестись между соседними государствами, этническими группами или между археологами и местными общинами. В этом контексте возникают и важные этические вопросы: идет ли речь о сохранении исторического наследия или о колониальном / постколониальном грабеже. Кроме того, сегодня становится очевидным, что историческое наследие становится жертвой вооруженных конфликтов: происходит его грабеж, разрушение или даже полное уничтожение. Все это заставляет ставить вопрос об этике в археологии, что и станет предметом обсуждения.

А. В. Штаненко
(Москва, Россия)

Репатриация человеческих останков: российский опыт и дальнейшие перспективы

В настоящее время проблема репатриации человеческих останков актуальна как никогда. По всему миру местные коренные народы, а также народы, населяющие бывшие колонии, требуют вернуть им останки их предков с возможностью дальнейшего перезахоронения. Это зачастую вступает в противоречия с интересами исследователей, которые занимаются изучением древнего населения. Поэтому

до сих пор нельзя однозначно судить, могут ли этические и моральные принципы перевешивать все потенциальные научные достижения и как прийти к компромиссу в этом вопросе.

Несмотря на то, что Российская Федерация не ратифицировала Декларацию о правах коренных народов, принятую на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в 2007 г., наше государство все равно является активным участником международных отношений, и очевидно, что невозможно остаться в стороне, когда повсеместно все больше стран стали возвращать останки коренным народам. Здесь можно привести несколько примеров, с которыми уже пришлось столкнуться за последние несколько лет. Одним из недавних примеров репатриации с участием России стала передача Казахстану останков одного из лидеров национально-освободительного движения Кейки-батыра. Еще более неоднозначно складывается судьба останков Хаджи-Мурата, наиба имама Шамиля, на череп которого одновременно претендуют Азербайджан, где похоронено тело Хаджи-Мурата, и Дагестан, откуда он родом и чьим национальным героем является. Нельзя отрицать и тот факт, что в скором времени возможны обращения и других стран или представителей коренных народов, проживающих на территории Российской Федерации, с просьбой о репатриации останков, находящихся на хранении в государственных учреждениях нашей страны.

Таким образом, встает вопрос о необходимости проведения работы по систематизации информации, связанной с человеческими останками, находящимися в государственной части Музейного фонда РФ. Также важным может стать прогнозирование возможных трудностей, которые будут возникать в процессе репатриации, и разрешение их в законодательных актах, которые будут учитывать уважительное отношение к усопшим и их потомкам, а также научную ценность человеческих останков и дальнейшие перспективы их изучения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашин Сергей Николаевич – д-р ист. наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Абдуманов Рустам Абдубаитович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Алексеевко Александр Николаевич – д-р ист. наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Алишина Галина Николаевна – канд. ист. наук, доцент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Алтухова Светлана Алексеевна – младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований, факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Аубакирова Жанна Сакеновна – канд. ист. наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Басина Полина Александровна – студентка Новокузнецкого института (филиал) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)

Баховадинова Малика – PhD, старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Бегеманн Бернхард – аспирант Венского университета (Вена, Австрия)

Безгачева Вероника Викторовна – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Бредникова Ольга Евгеньевна – ведущий научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург, Россия)

Брызгина Диана Евгеньевна – магистрант САЕ «Сибирский институт будущего» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Булатова Татьяна Алексеевна – канд. мед. наук, доцент, заведующий кафедрой Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Варшавер Евгений Александрович – канд. социол. наук, руководитель Центра исследований миграции и этничности РАНХиГС (Москва, Россия)

Васильева Галина Михайловна – канд. филос. наук, доцент факультета государственной службы Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Викторовская Валентина Александровна – аспирант Европейского университетского института (Флоренция, Италия)

Владимирова Владислава – PhD, доцент Департамента культурной антропологии и этнологии Университета Упсалы (Упсала, Швеция)

Воронцова Кристина Борисовна – студентка Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)

Глухов Андрей Петрович – канд. филос. наук, доцент Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Головашина Оксана Владимировна – канд. ист. наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)

Головнев Иван Андреевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург, Россия)

Головнева Елена Валентиновна – канд. филос. наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Гончарова Татьяна Александровна – канд. ист. наук, доцент Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Грошева Галина Васильевна – канд. ист. наук, доцент Томского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Гулина Ольга Рифмировна – PhD, директор и основатель Института миграционной политики (Берлин, Германия)

Дашинамжилов Одон Борисович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

Дворецкая Анна Павловна – канд. ист. наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Дериглазова Лариса Валерьевна – д-р ист. наук, профессор факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Джанызакова Сеиль Давлетовна – ассистент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – д-р ист. наук, профессор исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Ермолова Александра Ивановна – ассистент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Забродская Анастасия – PhD, профессор, руководитель магистерской программы «Управление коммуникациями» Университета Таллина, старший научный сотрудник Университета Тарту (Эстония)

Захарова Евгения Юрьевна – канд. ист. наук Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Истомин Кирилл Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Капустина Екатерина Леонидовна – канд. ист. наук, заведующий отделом этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), старший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Ключевска Каролина – аспирант, научный сотрудник по программе Мари Кюри Сент-Эндрюсского университета (Сент-Эндрюс, Великобритания)

Ковальская Светлана Ивановна – д-р ист. наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Корешкова Юлия Олеговна – аспирант исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Кошелева Елена Юрьевна – канд. ист. наук, доцент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Кравченко Альбина Кожобаевна – канд. филол. наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Кукуленко Елизавета Анатольевна – старший лаборант Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Кутилова Лариса Александровна – канд. ист. наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Кучинов Евгений Владимирович – канд. филос. наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия)

Лайт Натан – PhD, научный сотрудник Департамента культурной антропологии и этнологии Университета Упсалы (Упсала, Швеция)

Лыгденова Виктория Васильевна – канд. филос. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Максимова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Малахов Владимир Сергеевич – д-р полит. наук, внештатный научный сотрудник Института философии РАН, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС (Москва, Россия)

Маляр Анна Архиповна – старший преподаватель Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)

Медведев Владислав Валентинович – канд. ист. наук, старший преподаватель Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия)

Мендонса Антонио Эдуардо – исследователь Института географии и территориального планирования Университета Лиссабона (Лиссабон, Португалия)

Мессери Лиза – PhD, доцент факультета антропологии Йельского университета (Нью Хэйвен, США)

Назаров Иван Иванович – канд. ист. наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Нам Ираида Владимировна – д-р ист. наук, зав. Лабораторией социально-антропологических исследований, профессор факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Намсараева Саяна Баировна – канд. ист. наук, научный сотрудник Кембриджского университета (Кембридж, Великобритания), старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН (Москва, Россия)

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор Новосибирского государственного университета экономики и права (Новосибирск, Россия)

Никонова Ольга Юрьевна – д-р ист. наук, зав. кафедрой в Южно-Уральском государственном университете (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)

Новикова Наталья Ивановна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Овчинников Александр Викторович – канд. ист. наук, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Липецк, Россия), преподаватель Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (Казань, Россия)

Олимов Музаффар Абдуваккосович – д-р ист. наук Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Таджикистан)

Олимова Саодат Кузиевна – канд. филос. наук, директор Научно-исследовательского центра «ШАПК» (ORIENS) (Душанбе, Таджикистан)

Омельченко Елена Александровна – канд. ист. наук, директор Центра историко-культурных исследований религии и межцивилизационных отношений Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)

Очирова Галина Николаевна – младший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Павлов Антон Евгеньевич – магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Пешкова Вера Михайловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Института социологии РАН (Москва, Россия)

Пивнева Елена Анатольевна – канд. ист. наук, зав. отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Погодаев Николай Петрович – канд. ист. наук, доцент философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Погорельская Анастасия Михайловна – канд. ист. наук, заместитель директора Центра международного научного сотрудничества, старший преподаватель факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Поддубиков Владимир Валерьевич – канд. ист. наук, доцент, зав. лабораторией этносоциальных и этнокологических исследований Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Попков Юрий Владимирович – д-р филос. наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Поправко Ирина Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Рожкова Юлия Владимировна – аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ромашова Тамара Анатольевна – канд. пед. наук Уртамской школы-интерната (с. Уртам, Томская обл., Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – д-р социол. наук, зам. директора по научной работе Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Рочева Анна Леонидовна – канд. социол. наук, ведущий исследователь Центра исследований миграции и этничности РАНХиГС (Москва, Россия)

Рязанцев Сергей Васильевич – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, директор Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Савельева Татьяна Викторовна – канд. филол. наук, доцент Миасского филиала Челябинского государственного университета (Миасс, Россия)

Савин Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, зав. сектором Центральной Азии Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Сагнаева Сания Кайроллиевна – канд. ист. наук, независимый исследователь (Уральск, Казахстан)

Самфалова Елена Игоревна – преподаватель факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Сивков Денис Юрьевич – канд. филос. наук, доцент Института общественных наук РАНХиГС (Москва, Россия)

Скалабан Ирина Анатольевна – канд. ист. наук, доцент Новосибирского государственного технического университета, доцент Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Сметанин Федор Анатольевич – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Смоленчук Ольга Юрьевна – канд. ист. наук, менеджер САЕ «Умные материалы и технологии», доцент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Стшемжальска Анэта – ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Тимошкин Дмитрий Олегович – канд. социол. наук, научный сотрудник Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Тихонова Елена Викторовна – канд. ист. наук, доцент Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Тузова Анна Шоювна – младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Филимонов Александр Викторович – аспирант исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Филиппова Елена Ивановна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Хахалкина Елена Владимировна – д-р ист. наук, профессор факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Хоролец Анна – PhD, dr. hab., доцент Института этнологии и культурной антропологии Варшавского университета (Варшава, Польша)

Храмова Марина Николаевна – канд. физ.-мат. наук, доцент МГИМО МИД России, зам. директора по международной и образовательной деятельности Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Цыряпкина Юлия Николаевна – канд. ист. наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)

Чалаков Иван – Дг., доцент Пловдивского университета (Пловдив, Болгария), научный сотрудник PAST-центра Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Шнирельман Виктор Александрович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Штаненко Анастасия Валерьевна – аспирант Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Шульга Евгений Павлович – канд. ист. наук, заведующий кафедрой Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия)

Шэнк Карэсс – PhD, доцент Школы гуманитарных и социальных наук Университета им. Назарбаева (Астана, Казахстан)

СОДЕРЖАНИЕ

СИМПОЗИУМ 1. МИГРАЦИИ, ДИАСПОРЫ, ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ

Панель 1: Миграция и время: прошлое, настоящее и будущее в миграционном опыте

Абашин С. Н. Антропология миграции: российские перспективы	5
Бредникова О. Е. «Время для временных»: особенности измерения времени для трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию	6
Джанызакова С. Д. Молодая незамужняя девушка «в миграции»: риски и возможности (по материалам биографических интервью с мигрантками из Кыргызстана)	7
Захарова Е. Ю. Время и планы на будущее в условиях нелегальной трудовой миграции из Грузии в крупные города России	9
Капустина Е. Л. Скорость и миграция: специфика современного Дагестана 10	
Кукуленко Е. А. «Детям мы об этой России не рассказываем»: два нарратива о прошлом в семьях русскоязычных мигрантов Лондона	11
Олимов М. А. Мечеть в движении: мигрантская суннитско-ханафитская община между халифатом и национализмом	12
Пешкова В. М. Эмоции в нарративах транснациональных мигрантов из Средней Азии в России	14
Сметанин Ф. А. Социальный капитал мечетей в контексте развития «мигрантских» сетей (на примере Томска)	15
Тузова А. Ш. «Чтобы не забывать свои корни...» – символический транснационализм в биографиях второго поколения вьетнамцев в России	17
Horolets A. Migrants' leisure and moral regimes of transnational lives	18

Панель 2: Антропологическое и социологическое измерение миграционной политики

Безгачева В. В. Роль региональных средств массовой информации в формировании информационного поля государственной политики содействия добровольному переселению соотечественников на территорию России (на примере регионов Сибирского федерального округа)	20
--	----

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Мигранты второго поколения в России: социологический портрет	21
Погорельская А. М. Миграция на постсоветском пространстве как условие развития общего рынка труда в рамках Евразийского экономического союза	22
Ростовская Т. К., Тихонова Е. В. Современная семья в контексте транснациональных процессов: реалии, проблемы, перспективы	24
Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Онлайн-опрос с помощью таргетинга в социальных сетях как метод исследования мигрантов	26
Рязанцев С. В. Видит ли миграционная политика России человека?	27
Храмова М. Н. Факторы миграции и проблема регионального неравенства в социально-демографическом развитии России и Вьетнама	30
Шульга Е. П., Медведев В. В. «Майданная Украина» и динамика численности украинцев г. Сургута	31
Schenk C. Immigration Control: Motivations and Outcomes	32

Панель 3: Миграция в Европу и в Европе: взгляд изнутри и снаружи

Алтухова С. А. Вопросы иммиграции в британском общественно-научном и политическом дискурсе начала 2000-х гг.	33
Грошева Г. В. Родина в представлениях поздних немецких переселенцев из постсоветского пространства в Германию (по материалам полевых исследований)	35
Mendonça A. E. From Central Asia to the Atlantic Shores – Uzbek and Kazakh Migrants in Portugal	36
Недзелюк Т. Г. Антропологические характеристики субъекта в «преступлениях ненависти»: зарубежный опыт	37
Омельченко Е. А. Исследование адаптационных стратегий эмигрантов из России и стран постсоветского пространства через изучение русских школ за рубежом	39
Очирова Г. Н. Идентификационные процессы бурятских мигрантов в Великобритании	40
Смоленчук О. Ю. Статус мигранта vs. статус беженца: Королевство Нидерландов	41
Хахалкина Е. В. К новому осмыслению мультикультурализма в Великобритании – что дальше?	43

Панель 4: Миграционные процессы в России: историческая традиция

Алишина Г. Н. Практики землеустройства при переселении крестьян в Сибирь в начале XX века	45
--	----

Viktorovskaya V. Siberia and Zion in the imagination of Moshe Novomeysky ...	46
Гончарова Т. А. Пореформенное переселение в Сибирь в персональных текстах жителей томского региона	47
Гулина О. Р. Миграционная традиция в России	48
Дятлов В. И. Позднеимперская Россия: трансграничные миграции в словах и образах	49
Ковальская С. И. Миграции населения как объект исторического исследования	51
Кутилова Л. А. Причины «обратнического» движения из Сибири в ходе массовых миграций второй половины XIX – начала XX в. (на примере украинских переселенцев).....	52
Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Изучение миграций бурятского населения в 1970–1980-е гг.: источники и методы.....	54
Никонова О. Ю. Почему Вы не привлекли психолога, или Размышления о возможности культурно-ориентированной истории в изучении миграционных процессов	55
Филимонов А. В. Модели финансирования переселенческого дела во второй половине XIX – начале XX в.: принципы конструирования и возможности адаптивирования к современной миграционной политике Российской Федерации	56

Панель 5: Anthropology of Global Migration Governance

Bahovadinova M. Continuities and ruptures in state-citizen relations in post-Soviet Tajikistan.....	58
Kluczewska K. Knowledge Production at IOM and a ‘Radicalisation Potential of Returning Migrants’ in Tajikistan.....	59

Панель 7: Город и мигранты: пространства контакта и конфликта

Zabrodskaia A. Ethnolinguistic vitality, identity construction and intergroup communication.....	60
Алексеевко А. Н., Аубакирова Ж. С. Становление «нового» социокультурного пространства и качественная эмиграция в Республике Казахстан	61
Брязгина Д. Е. «Этнические» рынки Иркутска: ментальная репрезентация пространства	62
Булатова Т. А., Глухов А. П. Межэтнические отношения в социальном пространстве принимающего сообщества (кейс г. Томска)	63
Корешкова Ю. О. Формальные и неформальные бизнес-практики китайского туризма (на примере Иркутской области).....	65

Нам И. В. Роль НКА в адаптации мигрантов: оценки экспертов и мнения мигрантов	66
Олимова С. К. Эстетика миграции: языки и образы мигрантских интернет-клипов	67
Скалабан И. А. Диаспоральное сообщество в городе: стратегии мобилизации	69
Тимошкин Д. О. «Мигрантские» локальности как фронтальная зона в постсоветском городе	70

Панель 8: Миграции, память и идентичность

Абдуманапов Р. А. О характере транснациональных связей киргизской диаспоры России с Кыргызстаном	72
Головашина О. В. Культурная память и стратегии интеграции участников Программы переселения соотечественников	74
Малахов В. С. Политическое измерение культурного разнообразия	76
Овчинников А. В. Практики анализа «миграционной проблемы» как часть этой проблемы (по материалам изучения культурной памяти «коренного населения» и мигрантов г. Казани)	77
Попков Ю. В. Меняет ли миграция этнокультурное многообразие регионов Сибири?	78
Савин И. С. Российская идентичность и трудовые мигранты	79
Филиппова Е. И. Международные миграции начала XXI века в Европе: новые сюжеты, новые подходы, новый язык	80
Цыряпкина Ю. Н. Идентификация «русских» в постсоветском Узбекистане: «местные» или «пришлые»?	81

Панель 9: Образовательная миграция в России

Воронцова К. Б. Восприятие пространства и времени: случай маятниковой миграции студентов	83
Дериглазова Л. В. Идентичность мобильных молодых ученых России и Европы: опыт транснационального погружения	84
Кошелева Е. Ю., Самофалова Е. И. Возможные предпосылки возникновения межнациональных конфликтов в молодежной мультикультурной среде	85
Погодаев Н. П. Формирование трансграничного общества выходцами из Таджикистана: образовательная миграция и бизнес в России	86
Самофалова Е. И. Тенденции развития образовательной миграции в России на фоне общемировых трендов	88

СИМПОЗИУМ 2. АНТРОПОЛОГИЯ ГЛУБОКОГО КОСМОСА

Панель 1: Anthropology of Near Earth Technologies

Дворецкая А. П., Павлов А. Е. Жизнеобеспечение человека в космосе (на примере красноярского эксперимента «Биос»).....	90
Сивков Д. Ю. Освоение космоса в домашних условиях.....	91
Tchalakov I. Anthropology of "lost" technologies: endurance, symbiosis and recreation of the art of building reusable rockets.....	92

Панель 2: Domesticating Outer Space: Case studies in Philosophy and History

Ермолова А. И. Он сказал: «Поехали!» – космос в детском пространстве советского Томска.....	93
Кучинов Е. В. Анархистская «антропология» космоса: техноутопизм и хакинг.....	94
Маляр А. А. Устройства видимости: архитектура Вселенной в научно-популярных материалах.....	95
Поправко И. Г. Комплексная самостоятельная экспедиция по изучению Тунгусского метеорита (КСЭ): поиски альтернативных форм социальности глубокого космоса в недрах советской науки.....	96

Панель 3: Круглый стол – Perspective of the Anthropology of Outer Space

Messeri L. Anthropology and Astronomy: Human Imaginaries Beyond Earth	97
--	----

СИМПОЗИУМ 3. ИНДИГЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (В) СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Панель 1: Эмик, этик... или что-то еще? (История, логика, этика индигенных исследований)

Vladimirova V. Indigenous Feminist Studies as Lens for Critical Analysis of Anthropological Representations of Indigenous Women in Russia	99
Light N. Neglected scholars and writers on the Central Asian past	100
Пивнева Е. А. «У нас есть интерес к реабилитации своей культуры»: о социальных функциях и интеграционном потенциале северной этнонауки (по обско-угорским материалам).....	100

Namsaraeva S. Three-in-One: Being ‘native’ ethnographer, ‘Western anthropologist’ and ‘halfie’ researcher in one body	102
Сагнаева С. К. Этнография в политических исследованиях: ресурсы интердисциплинарности и автоэтнографии	103

Панель 2: В поисках новой онтологии

Begemann B. Configurations and Constructions of Social Transformation. An Ethnography of “Middle Classes” in Russia.....	105
Истомин К. В. Индуцированная беспомощность или индуцированная безнадежность? Культурно-психологические механизмы поддержания удовлетворенности жизнью у коренного и некоренного населения Северо-Западной Сибири	106
Кравченко А. К. Интегративный подход к исследованию индигенных устных традиций	107
Назаров И. И. Этнический состав и культурная специфика населения предгорий Северного Алтая: от устоявшихся концептов к новым интерпретациям.....	109
Максимова И. Е. Пространственное восприятие истории у сымско-кетских эвенков: у истоков мифологизации прошлого	110

Панель 3: Индигенные народы в контексте политики экстрактивизма

Головнев И. А., Головнева Е. В. Нефть, олени и кино: традиционные этнокультурные сообщества на современном российском Севере (на примере фильма «Месторождение»).....	112
Новикова Н. И. Антропологи, экологи, аборигены: можно ли договориться?.....	113
Поддубиков В. В. Ресурсное проклятие и критика (нео)экстрактивизма в перспективе индигенных исследований в регионах Сибири	114
Рожкова Ю. В. Режимы включения / исключения и репрезентации групп в выстраивании отношений стейкхолдеров при извлечении ресурсной ренты.....	116

СИМПОЗИУМ 4. АРХЕОЛОГИЯ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Басина П. А. Артефакты краеведческих музеев Кузбасса: способы «видимости»	117
Васильева Г. М. Идеологическая археология в западной академической науке и в СМИ.....	118

Овчинников А. В. От «Дома с башнями» к «Ханскому дворцу»: мифологизация археологического объекта как попытка преодоления исторической травмы.....	120
Ромашова Т. А. Репатриация артефактов в XXI веке	121
Савельева Т. В. Механизмы мифологизации истории страны городов «Аркаим»	123
Стшемжалъска А. Историческое наследие и национальная идея в музыкальных практиках в Азербайджане	124
Шнирельман В. А. Археология, историческое наследие и проблемы этики.....	125
Штаненко А. В. Репатриация человеческих останков: российский опыт и дальнейшие перспективы.....	126
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	128

CONTENTS

SYMPOSIUM 1. MIGRATIONS, DIASPORA, AND TRANSNATIONALISM

Panel 1: Migration and Time: Past, Present, and Future in the Migration Experience

Abashin S. Anthropology of Migration: Russian Perspectives	5
Brednikova O. «Time for Temporary Migrants»: Aspects of Time Measurement for Labor Migrants from Central Asia to Russia	6
Dzhanyzakova S. Young Unmarried Girl «in Migration»: Risks and Opportunities	7
Zakharova E. Time and Future Plans for Illegal Labor Migration from Georgia to the Major Cities of Russia	9
Kapustina E. Speed and Migration: Local Contexts of Modern Dagestan	10
Kukulenko E. «We Don't Tell Our Children about This Russia»: Two Narratives about the Past in the Families of Russian-Speaking Migrants in London	11
Olimov M. Mosque in Motion: Migrant Sunni-Hanafi Community between the Caliphate and Nationalism	12
Peshkova V. Emotions in Narratives of Transnational Migrants from Central Asia in Russia	14
Smetanin F. Social Capital of Mosques in the Context of the Development of «Migrant» Networks (Evidence from Tomsk)	15
Tuzova A. «In Order not to Forget our Roots ...» – Symbolic Transnationalism in Biographies of the Second Generation of Vietnamese in Russia	17
Horolets A. Migrants' leisure and moral regimes of transnational lives	18

Panel 2: Anthropological and Sociological Dimension of Migration Policy

Bezgacheva V. Role of Regional Mass Media in the Formation of the Information Field of the State Policy for Promoting the Voluntary Resettlement of Compatriots to Russia (Evidence from the Regions of the Sibirsky Federal Okrug)	20
Varshaver E., Rocheva A. Second Generation Migrants in Russia: Sociological Portrait	21
Pogorelskaya A. Migration in the Post-Soviet Space as a Condition for the Development of a Common Labor Market in the Framework of the Eurasian Economic Union	22

Rostovskaya T., Tikhonova E. Modern Family in the Context of Transnational Processes : Realities, Problems, Prospects	24
Rocheva A., Varshaver E. Online Poll by Targeting Method in Social Networks as a Method of Studying Migrants	26
Ryazantsev S. Does Russia's Migration Policy See a Human Being?.....	27
Khramova M. Migration Factors and the Problem of Regional Inequality in Socio-Demographic Development of Russia and Vietnam	30
Shulga E., Medvedev V. «Maidan Ukraine» and the Dynamics of Ukrainians in Surgut.....	31
Schenk C. Immigration Control: Motivations and Outcomes	32

Panel 3: Migration to/in Europe: Seen from Within and from the Outside

Altukhova S. Immigration Issues in British Socio-Scientific and Political Discourse of the Early 2000s.....	33
Grosheva G. «Motherland» in the Representations of Late German Immigrants from the Post-Soviet Space to Germany (Based on Field Research).....	35
Mendonca A. From Central Asia to the Atlantic Shores – Uzbek and Kazakh Migrants in Portugal	36
Nedzelyuk T. Anthropological Characteristics of the Subject in «Hate Crimes»: Foreign Experience	37
Omelchenko E. Study of the Emigrants' Adaptation Strategies from Russia and the countries of the Post-Soviet Space Through the Study of Russian Schools Abroad	39
Ochirova G. Identification Processes of Buryat Migrants in Great Britain	40
Smolenchuk O. «Migrant» Status vs. «Refugee Status»: Kingdom of the Netherlands.....	41
Khakhalkina E. Towards a New Understanding of Multiculturalism in the UK: What Next?	43

Panel 4: Migration Processes in Russia: a Historical Tradition

Alishina G. Practices of Land Development in the Resettlement of Peasants to Siberia in the Early Twentieth Century	45
Viktorovskaya V. Siberia and Zion in the Representation of Moshe Novomeisky.....	46
Goncharova T. Post-Reform Resettlement to Siberia in Personal Texts of Tomsk Region Residents	47
Gulina O. Migration Tradition in Russia	48
Dyatlov V. Cross-Border Migrations in Words and Images.....	49
Kovalskaya S. Population Migration as an Object of Historical Research	51

Kutilova L. Reasons of the «Reverse» Movement from Siberia in the Course of Mass Migrations of the Second Half of XIX - Early XX Centuries	52
Dashinamzhirov O., Lygdenova V. Studying the Migration of the Buryat Population in 1970-1980- s: Sources and Methods	54
Nikonova O. “Why Did Not You Involve a Psychologist”? Reflections on the Possibility of a Culture-Oriented History in the Study of Migration Processes	55
Filimonov A. Models for Financing Resettlement in the Second Half of the 19th and Beginning of the 20th Centuries: Principles of Construction and Adaptability Potential of the Contemporary Migration Policy of the Russian Federation	56

Panel 5: Anthropology of Global Migration Governance

Bahovadinova M. Continuities and Ruptures in State-citizen Relations in Post-Soviet Tajikistan	58
Kluczevska K. Knowledge Production at IOM and a ‘Radicalisation Potential of Returning Migrants’ in Tajikistan	59

Panel 7: City and Migrants: Spaces of Contact and Conflict

Zabrodskaia A. Ethnolinguistic vitality, identity construction and intergroup communication	60
Alexeyenko A., Aubakirova Zh. Formation of a «New» Sociocultural Space and High-Quality Emigration in the Republic of Kazakhstan	61
Bryazgina D. «Ethnic» Markets in the Social Space of Irkutsk	62
Bulatova T., Glukhov A. Inter-ethnic Relations in the Social Space of the Host Community (Case-story of Tomsk)	63
Koreshkova J. Formal and Informal Business Practices of Chinese Tourism (Evidence of the Irkutsk region)	65
Nam I. The Role of National Cultural Autonomy in the Adaptation of Migrants: Expert Estimates and the Views of Migrants	66
Olimova S. Aesthetics of Migration: Languages and Images of Migrant Internet Clips	67
Skalaban I. Diaspora Community in the City: Mobilization Strategies	69
Timoshkin D. Migrant Localities as a Frontier Zone in the «Post-Soviet» City. Evidence of Irkutsk	70

Panel 8: Migrations, Memory, and Identity

Abdumanapov R. On the Nature of the Transnational Networks of the Russian Kyrgyz Diaspora with Kyrgyzstan	72
--	----

Golovashina O. Cultural Memory and Strategies for the Integration of the Program of Resettlement of Compatriots Participants.....	74
Malakhov V. Political Dimension of Cultural Diversity.....	76
Ovchinnikov A. Practices of Analyzing the “Migration Problem” as Part of This Problem (Based on the Study of the Cultural Memory of the “Indigenous Population” and Migrants in Kazan).....	76
Popkov Y. Does Migration Change the Ethno-cultural Diversity of Siberian Regions?	78
Savin I. Russian Identity and Migrant Workers	79
Filippova E. International Migrations at the Beginning of the XXI Century in Europe: New plots, New Approaches, and New Language.....	80
Tsryapkina Y. Identification of the “Russians” in Post-Soviet Uzbekistan: “Local” or “Alien”?.....	81

Panel 9: Educational Migration in Russia

Vorontsova K. Perception of Space and Time: the Case of Pendulum Migration of Students.....	83
Deriglazova L. Identity of Mobile Young Scientists of Russia and Europe: Transnational Immersion Experience.....	84
Kosheleva E., Samofalova E. Possible Causes of Interethnic Conflicts in a Multicultural Youth Environment	85
Pogodaev N. Formation of a Transborder Society by People from Tajikistan: Educational Migration and Business in Russia.....	86
Samofalova E. Trends in the Development of Educational Migration in Russia Against the Background of Global Trends.....	88

SYMPOSIUM 2. ANTHROPOLOGY OF OUTER SPACE

Panel 1: Anthropology of Near Earth Technologies

Dvoretzkaya A., Pavlov A. Human Life Support in Space (Using the ‘Bios’ Experiment in Krasnoyarsk).....	90
Sivkov D. Space Exploration in the Home	91
Tchalakov I. Anthropology of "lost" technologies: endurance, symbiosis, and recreation of the art of building reusable rockets	92

Panel 2: Domesticating Outer Space: Case studies in Philosophy and History

Ermolova A. He Said "Let's go!": Space in the Children's Places of Soviet Tomsk.....	93
---	----

Kuchinov E. Anarchist “Anthropology” of the Cosmos: Techno-Utopianism and Biohacking.....	94
Malyar A. Visibility Devices: the Architecture of the Universe in Popular Science Materials	95
Popravko I. Complex Amateur Expedition of the Tunguska meteorite (KSE): Searches for Alternative Forms of Sociality of Deep Space in the Depths of Soviet Science.....	96

Panel 3: Round table – Perspective of the Anthropology of Outer Space

Messeri L. Anthropology and Astronomy: Human Imaginaries Beyond Earth	97
--	----

SYMPOSIUM 3. INDIGENOUS STUDIES IN/OF NORTH AND CENTRAL ASIA

Panel 1: Emic, Etic... or Something Else? (History, Logic, and Ethics of Indigenous Studies)

Vladimirova V. Indigenous Feminist Studies as Lens for Critical Analysis of Anthropological Representations of Indigenous Women in Russia	99
Light N. Neglected scholars and writers on the Central Asian past	100
Пивнева Е. “We Have an Interest in the Rehabilitation of Our Culture”: Social Functions and Integration Potential of the Northern Ethnoscience (According to Ob-Ugrian Materials).....	100
Namsaraeva S. Three-in-One: Being ‘native’ ethnographer, ‘Western anthropologist’ and ‘halfie’ researcher in one body	102
Sagnaeva S. Ethnography in Political Studies: Resources for Interdisciplinarity and Auto Ethnography	103

Panel 2: In Search of a New Ontology

Begemann B. Configurations and Constructions of Social Transformation. An Ethnography of “Middle Classes” in Russia.....	105
Istomin K. Induced helplessness or induced hopelessness? Cultural and psychological mechanisms to maintain life satisfaction among the indigenous and non-indigenous population of northwestern Siberia	106
Kravchenko A. Integrative Approach to the Study of Indigenous Oral Traditions	107
Nazarov I. Ethnic Composition and Cultural Specificity of the Population of the Foothills of the Northern Altai: from Established Concepts to New Interpretations	109
Maximova I. Spatial Perception of History in Symian-Ket Evenks: at the Source of the Mythologization of the Past.....	110

Panel 3: Indigenous Peoples in the Context of the Extractivism Policy

Golovnev I. , Golovneva E. Oil, Deer, and Cinema: Traditional Ethnocultural Communities in the Modern Russian North (Evidence of the Film “Accumulation”).....	112
Novikova N. Anthropologists, Ecologists, and Aborigines: Is It Possible to Agree?.....	113
Poddubikov V. Resource Curse and Criticism of (Neo) Extractivism in the Perspective of Indigenous Research in the Regions of Siberia.....	114
Rozhkova Y. Inclusion / exclusion Modes and Representation of Groups in Building Stakeholder Relations When Extracting Resource Rent.....	116

SYMPOSIUM 4. ARCHEOLOGY, POWER, AND SOCIETY

Basina P. Artifacts of the Local History Museums of Kuzbass: Ways of “Visibility”.....	117
Vasilieva G. Ideological Archeology in Western Academic Science and in the Media	118
Ovchinnikov A. From “House with Towers” to “Khan’s Palace”: Mythologization of an Archaeological Site as an Attempt to Overcome the Historical Trauma.....	120
Romashova T. Repatriation of Artifacts in XXI century	121
Savelyeva T. Mechanisms of Mythologization of the ‘Country of the Cities Arkaim’ History	123
Strzemżalska A. Historical Heritage and National Idea in Musical Practices in Azerbaijan.....	124
Shnirelman V. Archaeology, historical heritage and ethic issues.....	125
Shtanenko A. Repatriation of Human Remains: Russian Experience and Future Perspectives.....	126
AUTHOR INFO	128

Научное издание

АНТРОПОЛОГИЯ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

ТЕЗИСЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВТОРОЙ ТОМСКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ»

11–13 октября 2018 г.

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 09.10.2018 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,2; усл. печ. л. 8,6; уч.-изд. л. 8,4.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4